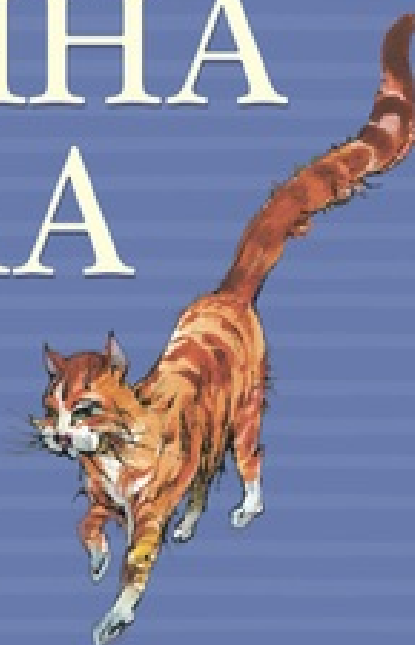

КЛАССНАЯ КЛАССИКА

Элинон Портер

ПОЛМИАННА
ВЫРОСЛА

Machaon

Annotation

Продолжение романа Элино́р Портер «Поллианна», самой читаемой книги в Америке после Библии. В ней Поллианна выросла. Какие приятные и неприятные сюрпризы ждут молоденькую девушку, вернувшуюся в городок своего детства?

А главное, поможет ли повзрослевшей героине неожиданно напомнившая о себе необыкновенная игра, в которую она когда-то любила играть?

В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

- [Элино́р Портер](#)
 -
 -
 - [В поисках радости, или Продолжение истории девочки из Белдингвилля](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)

- [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
 - [Глава XXV](#)
 - [Глава XXVI](#)
 - [Глава XXVII](#)
 - [Глава XXVIII](#)
 - [Глава XXIX](#)
 - [Глава XXX](#)
 - [Глава XXXI](#)
 - [Глава XXXII](#)
-

Элино́р Порте́р

Поллианна вырастает

Eleanor H. Porter
POLLYANNA GROWS UP

© Магомет С. А., перевод на русский язык, 2015

© Богачёв Ю. Н., иллюстрации, 2015

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Агтикус», 2015
Machaon®

* * *

В поисках радости, или Продолжение истории девочки из Белдингвилля

Города бывают разные. Столичные и провинциальные, изумрудные, каменные и деревянные, большие и маленькие. В одном из них, небольшом провинциальном американском городке Литлтон, во дворе публичной библиотеки стоит памятник маленькой девочке, которая никогда не жила в этом городе, но прославила его на весь мир. Её зовут Поллианна, и её популярность в Америке первой четверти XX века можно сравнить, пожалуй, с литературной славой современного Гарри Поттера. На протяжении 1910-х гг., по мере того как главная героиня романа «Поллианна» американской писательницы Элинор Портер «завоёвывала» новые города, количество переизданий этого произведения приближалось к цифре «пятьдесят», а количество его почитателей уже невозможно было сосчитать, в Америке формировался культ Поллианны. Создавались «Клубы Поллианны», а её именем называли не только новорождённых малышей, но даже новые виды товаров.

Что же особенного было в этой девочке? Что заставило американскую писательницу написать продолжение, казалось бы, вполне законченного произведения? Ну, собственно, «заставили»-то сами читатели, покорённые удивительным жизнелюбием маленькой героини, с которой им не захотелось расставаться. Она воспринималась не как литературный персонаж, а как живой человек, обладавший какой-то особенной тайной жизни. Элинор Портер написала немало произведений – более полутора десятков романов, четыре тома рассказов, но историю Поллианны она, по её собственным словам, создавала в особенном кабинете – в саду, который рос на крыше одного из нью-йоркских домов. Небо, солнце, полнота ощущения жизни... Вероятно, маленькая Поллианна в определённой степени стала литературным продолжением маленькой девочки Элинор, родившейся в городке Литлтон, учившейся в консерватории пения, с успехом выступавшей, но на каком-то этапе круто изменившей свою судьбу и впоследствии ставшей известной писательницей. Неслучайно именно маленькая Поллианна принесла своей создательнице литературное бессмертие. Неслучайно и то, что Поллианна повзрослевшая рассуждает «про писательство и человеческие сердца», потому что творчество – «это так прекрасно», и ей «хочется этим

заниматься». Она верит, что умеет «рассказывать истории» и что у неё «все-таки есть талант».

Её простая на первый взгляд «история» была весьма универсальной и понятной многим, но логика развития жизненного сюжета была слишком неожиданной, чтобы оставить читателя равнодушным. Это был рассказ об испытаниях, выпавших на долю ребёнка, который, познав любовь близких, рано лишившись и родных и этой любви, попал в мир, в котором место любви заняло холодное разочарование. Но Портер вовсе не хотела разжалобить читателя повествованием о судьбе сироты, её замысел был совсем иным. Писательница полагала, что мы не можем избавить мир от «трудностей, страданий и зла», но мы способны преодолеть их силой духа и радостью. Именно таким умением обладает Поллианна. Даже не умением, а талантом преображать жизнь радостью. Этот талант помогает юной героине не просто преодолевать все невзгоды, но и менять окружающий мир, свой и тех людей, с которыми сталкивает её судьба, например осветить, словно солнышко, жизнь суровой тёти Полли. Способность героини любить людей и находить радость в повседневном вызывали и читательский интерес, и восхищение, и поклонение.

Продолжение повествования о Поллианне Уиттер, названное «Поллианна выросла», рассказывает о другом этапе её жизни, о её взрослении, о путешествии и новых испытаниях, выпавших на её долю, о молодом человеке по имени Джимми, которому предстоит сыграть очень важную роль в судьбе героини. Из маленькой девочки, не отличавшейся особенной красотой, она постепенно превращается в очаровательную девушку, которую мистер Пендлтон, один из героев романа, называет «волшебницей» и «чаровницей». Однако меняется Поллианна прежде всего внешне. И хотя её эмоциональное состояние могло быть разным, её нравственные ориентиры оставались прежними. Она сохраняет простодушие и искренность, способность сострадать людям и понимать их, видеть в окружающих отражение внутреннего света и верить в чудо. Поллианна по-прежнему обладает «добрым сердцем», а в её душе царит гармония.

Сюжет в книге развивается порой неожиданно и причудливо, тем более интересно читателю следить за развитием событий. И если так случилось, что для кого-то чтение романа станет первым знакомством с Поллианной, ему наверняка захочется прочитать начало истории, чтобы ещё больше узнать о той, которая владеет тайной преображения жизни радостью.

Е. Ю. Зубарева,

кандидат филологических наук

Кузену Уолтеру

Глава I

Делла проливает свет

Делла Уитерби решительно поднялась на помпезное, высокое крыльцо дома на проспекте Благоденствия, где жила её сестра Рут Кэрю, и вдавила пальцем кнопку электрического звонка. Абсолютно всё в облике этой молоденькой леди, начиная от строгой шляпки и туфель на низком каблучке, говорило о здоровом образе жизни, благопристойности и целеустремлённости. Даже в голосе, когда мисс Делла поздоровалась с открывшей дверь служанкой, звенела радость жизни.

– Доброе утро, Мэри. Сестра дома?

– Дома, мэм, только... – запинаясь, кивнула горничная. – Только миссис Кэрю никого не принимает.

– Вот как! Ну, ко мне это не относится, – весело отмахнулась мисс Уитерби. – Меня она примет. И не беспокойтесь, вам за меня не влетит, – пообещала она, увидев, что девушка испуганно захлопала ресницами. – Где сестра? У себя в гостиной?

– Да, мэм, но мадам распорядилась, чтобы я...

Всё было напрасно. Мисс Уитерби уже шагала по коридору. Горничной оставалось лишь беспомощно развести руками и отправиться по своим делам.

Пройдя через холл, Делла задержалась перед полуоткрытой дверью и постучала.

– Ну что там ещё, Мэри? – послышался недовольный голос. – Разве

я не говорила тебе, чтобы ты не... Ах, это ты, Делла! – воскликнула хозяйка. – Милая моя девочка, какими судьбами?

– Угадала! Это я, собственной персоной, – с весёлой улыбкой отозвалась молодая женщина, входя в комнату. – Ездила на выходные на побережье с двумя другими нашими медсёстрами, а теперь возвращаюсь назад в санаторий... Заглянула к тебе – ровно на одну минутку! Чтобы передать вот *это*!

Она наклонилась и, крепко обняв сестру, сердечно поцеловала.

Однако миссис Кэрю нахмурилась и даже немного подалась назад. В её голосе снова зазвучали недовольные нотки, которые она и не думала скрывать.

– Ну вот, конечно! Я так и думала! – проворчала она. – Как всегда, «ровно на одну минутку»!

– И опять ты права! – беспечно рассмеялась Делла, пожав плечами. Потом с неожиданной серьёзностью, глядя сестре прямо в глаза, тихо сказала: – Рут, милая, я не могу... Ты же понимаешь, я просто не могу долго оставаться в этом доме...

Миссис Кэрю нахмурилась и покачала головой.

– Нет, не понимаю! – фыркнула она.

Делла снова пожала плечами.

– Всё ты понимаешь! И прекрасно знаешь, мне не по душе вечное твоё настроение: грусть-тоска, отсутствие смысла жизни, жалобы на тяжёлые обстоятельства.

– Но у меня и есть – тяжёлые обстоятельства. Разве не так?

Делла нетерпеливо поморщилась.

– Послушай, Рут, – решительно начала она, – тебе тридцать три года. Здоровье у тебя прекрасное. И ещё долго будет таким, если только будешь следить за собой. К тому же у тебя куча времени и ещё больше денег. В общем, спроси кого угодно! Тебе каждый скажет, что нужно просто изменить образ жизни. Хватит сидеть целыми днями взаперти – в этом доме, похожем на склеп. Да ещё приказав горничной никого к тебе не пускать.

– А если я действительно не хочу никого видеть?!

– Попробуй себя заставить.

Миссис Кэрю устало вздохнула и отвернулась:

– Ах, Делла, как ты не понимаешь... Я ведь не ты. Я... не могу забыть...

Молодая женщина сжалась словно от боли.

– Ты имеешь в виду Джемми? Ну конечно, я ничего не забыла, милая.

И никогда не забуду. Но слезами горю не поможешь, верно? Нужно его искать, а не хныкать.

– А я что делала! Разве только хныкала? Разве я не пыталась все эти долгие восемь лет? – возмутилась миссис Кэрю, с трудом сдерживая рыдания.

– Ну конечно, пыталась, милая, – поспешно успокоила её сестра. – Но у нас не должны опускаться руки! Нужно продолжать поиски, пока он не отыщется. До самой смерти. А слёзы не помогут, – повторила она.

– Всё напрасно. Ничего не поделаешь, – в отчаянии прошептала Рут.

Воцарилось молчание. Молодая женщина укоризненно взглянула на сестру.

– Послушай, Рут! – наконец выдохнула Делла. – Прости меня, но сколько можно, ты опять за своё! Я понимаю, ты овдовела, и всё такое. Но, с другой стороны, ты была замужем всего лишь год, твой муж был намного старше тебя. Ты была тогда почти ребёнком! И тот один короткий год давно пролетел. Пролетел как сон. Ну нельзя ж в самом деле, чтобы он отравил тебе всю оставшуюся жизнь!

– Ах нет, это не так, – простонала миссис Кэрю.

– Значит, ты собираешься и дальше продолжать в том же духе?

– А что ещё мне остаётся, пока я не найду Джемми?

– Да, да, понимаю. Но, Рут, милая, неужели, кроме Джемми, в этом мире не найдётся ничего, что может сделать тебя счастливой?!

– Наверное, нет, – с безучастным видом вздохнула миссис Кэрю.

– Рут! – почти разозлившись, воскликнула сестра, но потом рассмеялась: – Ах, Рут, Рут, пожалуй, тебе не обойтись без лечения Поллианной. Сейчас тебе это нужно, как никому другому.

Миссис Кэрю лишь поморщилась.

– Какие ещё... ванны?! Ничего мне не поможет. Не хочу я никаких процедур, – проворчала она враждебно. – И вообще, распорядись в своём хвалёном санатории, Делла! А здесь я хозяйка. Пожалуйста, заруби себе это на носу.

Глаза Деллы весело заблестели, хотя лицо оставалось серьёзным.

– Никакие это не ванны и не процедуры! – терпеливо объяснила она. – А Поллианна – это просто одна маленькая девочка, которую многие люди считают чудодейственным лекарством.

– Девочка? И знать ничего не хочу! – пробурчала миссис Кэрю. – Поллианна или белладонна – мне это абсолютно всё равно! К тому же ты сама сказала, что это «лечение». А я не больна, и мне не требуется никакое лечение!

– Ну да, в каком-то смысле Поллианна действительно что-то вроде лечебного снадобья, – улыбнулась Делла. – Во всяком случае, доктора в санатории в один голос утверждают, что лучшего лекарства, чем она, не сыскать!.. Она маленькая девочка, Рут, ей всего двенадцать или тринадцать лет. Она лечилась у нас в санатории прошлым летом и провела там почти всю зиму. Увы, я застала её совсем недолго. Она выписалась через месяц-другой, как я поступила туда на работу. Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы я была совершенно ею очарована. К тому же весь санаторий только и говорит что о Поллианне и её игре.

– Ты сказала *игре*?

– Ну да, – кивнула Делла, многозначительно улыбнувшись. – Это игра в поиски радости. Никогда не забуду, как я первый раз узнала о ней. Однажды мне пришлось проводить с девочкой одну очень неприятную и болезненную лечебную процедуру. Я только что поступила на работу, и сделать её Поллианне поручили мне. Я ужасно волновалась, потому что знала, что это за процедура и как на неё реагируют дети: плачут, кричат. Если не хуже. Но, к моему великому удивлению, девочка встретила меня улыбкой и даже сказала, что рада меня видеть. Более того, ты не поверишь, за всю мучительную процедуру малышка не проронила ни одной слезинки, я не услышала от неё ни единой жалобы, несмотря на то, что ей было больно, ужасно больно... Вероятно, меня так поразило происходящее, что это было написано у меня на лице. А когда я удивлённо покачала головой, девочка простосердечно призналась: «Сначала я тоже относилась к этому, как все, а потом вспомнила, как Нэнси успокаивает себя, когда по понедельникам ей нужно подниматься с раннего утра на работу. Теперь я тоже говорю себе: ничего страшного, зато после этой неприятной процедуры впереди целая свободная неделя. Всю неделю можно спокойно отдыхать и ни о чём не думать.

– Да уж, – нахмурившись, буркнула миссис Кэрю, не слишком поняв, о чём речь, – чего только в жизни не бывает!.. Только не понимаю, при чём тут *игра*? Ты ведь, кажется, про какую-то игру говорила?

– И я сразу не поняла. Потом Поллианна мне всё объяснила. Оказалось, она сирота. У неё нет ни мамы, ни папы. Папа был нищим священником где-то на Западе. Они жили ужасно бедно и получали благотворительные миссионерские посылки через женский благотворительный комитет.

Малышка очень мечтала о кукле, всё ждала, что однажды ей её пришлют. А вместо куклы благотворители зачем-то прислали ей детские

костыли. Якобы ничего другого, что можно прислать, у них на тот момент не нашлось. Девочка заплакала от огорчения, и тогда отец научил её этой удивительной игре. Суть игры – уметь найти радость во всём, что только с тобой происходит. В случае с костылями радость состояла в том, что девочка была здорова, а значит, они, эти костыли, ей вообще не требовались! Разве это не повод, чтобы почувствовать себя счастливой?.. В общем, Поллианне ужасно понравилась эта игра, – продолжала Делла. – Настолько, что с тех пор девочка стала играть в неё постоянно. А главное, чем трудней было найти радость, тем интереснее было играть. Иногда казалось, что ситуация совершенно беспросветная и безвыходная. Тем не менее Поллианне всегда удавалось отыскать во всём положительную сторону.

– Ну и ну, – недоуменно пробормотала миссис Кэрю, всё ещё не понимая, что к чему.

– Ах, если бы ты видела, какой потрясающий эффект игра имела в санатории! – с жаром воскликнула Делла. – Кстати, нашему главному врачу сообщили, что ещё до того, как об игре узнали у нас, девочка прославилась и стала всеобщей любимицей в своём городе. Ведь наш главный врач – хороший знакомый доктора Чилтона. Того самого, что женился на тётушке Поллианны... Кстати, насколько мне известно, эта свадьба стала возможной только благодаря удивительной игре. Поллианна смогла помирить влюблённых, которые много-много лет были в ссоре...

– Неужели? – недоверчиво покачала головой миссис Кэрю.

– Да, да! Я расскажу тебе, как было дело, – воскликнула Делла. – Два года тому назад или около того у Поллианны, как я сказала, умер отец, и девочку отправили жить к родной тёте. В октябре её сбил автомобиль, и врачи решили, что она больше не сможет ходить. А в апреле доктор Чилтон определил её в санаторий. Там она пробыла до марта месяца следующего года и вернулась домой практически здоровая... Ах, если бы ты её видела, что это за необыкновенная девочка! Единственное, что её огорчало, когда она возвращалась в родной город, – это то, что ей ещё не под силу пройти пешком путь от санатория до самого дома. Насколько мне известно, весь город собрался её встречать. Люди вышли с цветами и флагами... Но главное чудо – это, конечно, сама Поллианна. Если бы ты хоть раз её увидела, это было бы для тебя лучшим лекарством от хандры.

Миссис Кэрю по-прежнему недоверчиво качала головой.

– Прости, конечно, но, честно говоря, мне что-то не очень во всё это верится, – сдержанно заметила она. – К тому же меня не нужно лечить

ни от какой хандры. А тем более ни с кем мирить или залечивать любовные раны. Если уж мне действительно что-то противопоказано, так это знакомство с нудной маленькой святошей, которая наверняка будет заунывно жужжать мне в уши о том, как прекрасен этот мир и всё такое. Этого я точно не перенесу...

В ответ раздался звонкий смех Деллы.

– Ах, Рут, Рут, умоляю тебя! Я умру от смеха! – весело воскликнула та. – Поллианна – маленькая святоша?! Ты ведь её даже не видела! Впрочем, я ожидала такую реакцию. Поллианну невозможно описать словами! Нужно с ней познакомиться!.. Возможно, ты права: ты ещё не готова для этого. Подумать только! Назвать Поллианну «нудной святошей»! – Делла снова расхохоталась. Однако, видя хмурое лицо сестры, которой было не до смеха, быстро взяла себя в руки. – Ну правда, миленькая! – промолвила она, умоляюще глядя на сестру. – Неужели нельзя что-то сделать?! Может, не стоит постоянно сидеть взаперти? Ведь это ужасно – так гробить собственную жизнь!

– Но у меня нет никакого желания видеть людей, Делла. Они меня утомляют. К тому же ты знаешь, я всегда скучаю в компаниях...

– Может, тебе попробовать заняться какой-нибудь благотворительностью?

Миссис Кэрю нетерпеливо дёрнула подбородком.

– Делла, милая, мы уже сто раз это обсуждали. Достаточно, что я даю деньги на благотворительность. И немалые. Что же касается работы в благотворительных кружках, как тебе известно, я никогда не верила в их пользу.

– Ну тогда просто займись собой, – осторожно попросила Делла. – В жизни должен быть какой-то интерес, кроме сидения дома. Увидишь, тебе станет значительно веселее, когда ты...

– Делла, милая, хватит! – резко прервала старшая сестра. – Ты знаешь, как я тебя люблю и как рада тебе, но я уже сыта по горло нравоучениями. Я рада, что тебе нравится роль доброго ангела – подавать стакан воды жаждущему, перевязывать раны страждущему и всякое такое. Возможно, это помогает тебе забыть Джемми. Но мне – нет! Наоборот, я всё время думаю о нём. Кто ему подаст стакан воды? Кто перевяжет его раны? К тому же мне вообще тяжело общаться с незнакомыми людьми, вникать в их проблемы...

– Но ты ведь даже не пробовала!

– Ну и что! Какая разница! – презрительно отмахнулась миссис Кэрю.

– Нельзя знать, даже не попробовав, – вздохнула Делла вставая. –

Однако мне пора, дорогая, – сказала она. – Я встречаюсь с девушками на Южном вокзале. Полпервого наш поезд. Прости, если чем-то огорчила тебя, – снова вздохнула она, целуя сестру на прощание.

– Всё в порядке, Делла, – вздохнула в ответ миссис Кэрю. – Только жаль, что ты меня не понимаешь...

Пройдя по сумрачному коридору, Делла Уитерби снова оказалась на улице. Прежняя энергия и жизнерадостность куда-то испарились. На этот раз девушка брела по проспекту как в воду опущенная. На перекрёстке она остановилась и оглянулась на дом сестры.

– Одна неделя жизни в этом доме свела бы меня в могилу, – пробормотала Делла и печально вздохнула: – Какая уж тут игра! Единственное, чему я сейчас могу порадоваться, – так это тому, что мне не нужно там жить... Просто ума не приложу, что радостного и хорошего могла бы найти в такой жизни Поллианна!

Не то чтобы она засомневалась в игре и чудесных способностях Поллианны или в том, что девочка могла бы развеять тягостный дурман, отравлявший жизнь её сестры...

Как бы там ни было, не успела Делла вернуться в санаторий, как засобиравшись обратно к сестре в Бостон.

Уже на следующий день деятельная молодая особа вновь явилась к миссис Кэрю.

– Вот что, Рут! – с жаром начала она, предупреждая недоумённые вопросы сестры. – Я не могла не вернуться. Умоляю тебя, хоть раз в жизни сделай, как я прошу! Пусть Поллианна немного поживёт у тебя.

– Ну уж нет, – отрезала миссис Кэрю ледяным тоном.

Но Делла пропустила её слова мимо ушей.

– Как только я вернулась в санаторий, – взволнованно объяснила она, – то узнала, что доктор Эймс получил письмо от доктора Чилтона. Того самого, который женат на тёте Поллианны. Доктор Чилтон пишет, что должен отправиться по делам в Германию, на всю зиму. Причём вместе с женой. Они не могут взять с собой Поллианну, и он очень надеется, что ему удастся уговорить её побыть это время в каком-нибудь интернате. Но миссис Чилтон категорически возражает против интерната. Вплоть до отказа от поездки... Подумай только, это замечательная возможность, Рут! – воскликнула Делла, умоляюще глядя на старшую сестру. – Пусть Поллианна поживёт зиму у тебя. Она будет ходить в местную школу...

– Ничего умнее ты не могла придумать, Делла? Не хватало мне ещё

сидеть с чужим ребёнком!

– Она тебя нисколько не обременит, вот увидишь! Ей уже почти тринадцать лет. Ей-богу, более самостоятельной девочки в целом свете не найдёшь!

– Самостоятельная девочка! Нет уж, благодарю покорно, – с усмешкой покачала головой миссис Кэрю.

Однако эта ироническая усмешка лишь придала Делле уверенности. Судя по всему, история Поллианны не оставила равнодушной сестру. Девушка почувствовала, что на этот раз она ей не откажет. Как бы там ни было, полчаса спустя, когда Делла выходила от сестры, ей всё же удалось заручиться её согласием. Миссис Кэрю разрешила привести к ней Поллианну.

– Только имей в виду, Делла, – строго-настроено предупредила сестру миссис Кэрю, – если девочка начнёт читать мне проповеди или что-нибудь в этом роде, я в ту же минуту отправлю её обратно к тебе. Ты меня знаешь.

– Я согласна. Но, уверяю, тебе не о чем беспокоиться, – заверила Делла, поспешно прощаясь.

«Ну вот, полдела сделано, – подумала девушка, облегчённо вздохнув. – Теперь нужно договориться с самой Поллианной. Думаю, она согласится. Нужно немедленно написать ей. Да и её тётушка вряд ли будет возражать».

Глава II

Старые знакомые

Августовский день в Белдигвилле подошёл к концу. Дождавшись, когда Поллианна отправится спать, миссис Чилтон показала мужу письмо, которое пришло с утренней почтой. Целый день доктор Чилтон ездил к пациентам, потом принимал у себя в кабинете. На домашние дела у него не было ни одной свободной минуты. Только полдесятого вечера доктор вошёл к жене в гостиную. При виде любимой супруги его усталое лицо озарилось радостью, но уже в следующую секунду он с беспокойством поинтересовался:

– Что случилось, Полли? Что-то не так, милая? Ты расстроена?

Жена печально усмехнулась:

– Это всё из-за письма... Я вижу, ты догадался по моему лицу...

– Это не так уж трудно, – улыбнулся он. – Но в чём дело?

Миссис Чилтон с сомнением покачала головой, потом достала письмо.

– Я тебе прочту, – сказала она. – Пишет некая мисс Делла. Она работает медсестрой в санатории доктора Эймса.

– Давай смелее! – кивнул доктор Чилтон, устраиваясь на кушетке рядом с креслом жены.

Но жена не торопилась. Сначала она заботливо укрыла мужа тёплым шерстяным пледом.

Миссис Чилтон была замужем ровно год. Ей было сорок два. За этот год она окружила мужа заботой, лаской, а также любовью, которая накопилась в её сердце за долгие двадцать лет одиночества. Когда они поженились, доктору Чилтону уже шёл сорок шестой год. Будучи опытным

и умным человеком, он понимал чувства жены, её стремление заботиться и опекать его каждую минуту. Он также понимал, что чрезмерные эмоции могут повредить их отношениям, поэтому старался держаться с женой нежно, но сдержанно. Вот и теперь, когда жена укрывала его пледом, он ласково погладил её руку и терпеливо дожидался, когда она наконец решится прочесть письмо.

«Уважаемая миссис Чилтон! – начала читать миссис Чилтон. – Шесть раз я бралась писать это письмо и шесть раз бросала черновик в корзину, не зная, как начать. В конце концов решила не ходить вокруг да около, а сразу перейти к самому главному. Мне нужна ваша Поллианна! Согласны ли вы одолжить мне её на время?»

Я познакомилась с Вами и Вашим мужем в марте прошлого года, когда вы приезжали за Поллианной. Но, вероятно, Вы не помните меня. Я попрошу доктора Эймса (который хорошо меня знает) написать Вашему мужу, чтобы у Вас не было в отношении меня никаких сомнений. Дело в том, что нам ужасно нужна Ваша чудесная девочка!

Мне стало известно, что Ваш супруг собирается в командировку в Германию и хочет взять Вас с собой, а Вы отказываетесь сопровождать его из-за Поллианны. Вот я и решила обратиться к Вам и просить Вас позволить девочке пожить у нас, чтобы вы могли спокойно отправиться в Германию. Поверьте, миссис Чилтон, для нас это вопрос жизни и смерти! Сейчас я Вам всё объясню...

Моя сестра, миссис Кэрю, одинокая, несчастная женщина. У неё случилось большое горе. Она замкнулась в себе и теперь живёт словно в тесном, душном склепе, куда не проникает ни единый луч солнца. И единственный человек, который может вернуть ей солнце – Ваша племянница Поллианна. Не могли бы Вы попросить её об этом одолжении? Жаль, что я не подберу слов, чтобы рассказать Вам о чудесах, которые Поллианна совершила в нашем санатории. Это нужно было видеть. Просто поверьте на слово. Уверена, Вы меня понимаете. Как только начинаешь рассказывать об этом, сразу кажется, что Поллианна какая-то святоша, которая только и делает, что учит других правильной жизни. Однако и Вы и я, мы обе знаем, что это совсем не так. Единственное, что требуется, – предоставить

Поллианне свободу действий. Тогда всё сразу встаёт на свои места. Её поступки говорят сами за себя. Само собой, здесь, у нас, она тоже будет ходить в школу. Уверена, пройдёт совсем немного времени, и она исцелит разбитое сердце моей сестры.

Не знаю, как закончить это сумбурное письмо. Оказывается, это ещё труднее, чем его начать... Быть может, лучше вообще его не заканчивать. Иначе буду писать, писать, писать без остановки. Ведь если остановлюсь, Вы можете ответить мне отказом. Умоляю Вас, прежде чем вы произнесёте своё ужасное «нет», войдите в моё положение, вспомните, как отчаянно мы нуждаемся в Вашей Поллианне!

Искренне Ваша,

и с надеждой на согласие,

Делла Уитерби».

– Ну, как тебе это?! – воскликнула миссис Чилтон, откладывая письмо. – В жизни не читала подобной чепухи! Я уж не говорю об этом нелепом предложении.

– Не вижу ничего странного в том, что кому-то понадобилась помощь Поллианны, – улыбнулся доктор.

– Так-то оно так... Но согласись, это дико, как она предполагает лечить разбитое сердце своей сестры. Она говорит о Поллианне, словно о каком-то лекарстве или снадобье.

– В каком-то смысле так оно и есть, Полли, – рассмеялся доктор, поднимая брови. – Я всегда говорил, что Поллианна для моих пациентов – лучшее лекарство. Жаль только, что его нельзя, как пилюли, купить в аптеке... Вот и Чарли Эймс пишет, когда Поллианна лечилась у него в санатории, он «прописывал» каждому вновь поступившему пациенту побольше общаться с девочкой, и это была самая лучшая лечебная процедура.

– Тоже мне скажешь, лечебная процедура! – проворчала миссис Чилтон.

– А всё-таки как насчёт того, чтобы отпустить девочку? Ты не против?

– Отпустить?! Ни в коем случае! Неужели ты думаешь, я отправлю её к совершенно чужим людям? Иначе, когда я вернусь из Германии, эта медсестра и правда обклеит Поллианну аптечными этикетками и, чего

доброе, начнёт расфасовывать в виде порошков и пилюль!

И снова доктор не смог удержаться от смеха. Но через минуту совершенно серьёзно сказал:

– Сегодня утром я как раз получил письмо от доктора Эймса... – Он полез в карман и достал письмо. Миссис Чилтон удивлённо покачала головой. – Если ты не возражаешь, я тоже его тебе прочту...

«Дорогой Том, – начал он, – мисс Делла Уитерби попросила меня написать для себя и своей сестры рекомендательное письмо. С радостью исполняю её просьбу. Обеих женщин я знаю с детства. Они принадлежат к старинному роду и заслуживают всяческого уважения. В этом вы можете быть совершенно спокойны.

Их было три сестры: Дорис, Рут и Делла. Дорис вышла замуж за некоего Джона Кента. Причём против воли родителей. Несмотря на то, что этот Кент был из хорошей семьи, сам он оказался человеком со странностями. Вообще крайне ненадёжным. Его ужасно разозлило то, как к нему отнеслись в семье Уитерби, и после женитьбы на Дорис он прервал с ними всякое общение. По крайней мере, до рождения ребёнка Уитерби боготворили младенца. Мальчика назвали Джеймсом, или уменьшительно Джемми. Мать мальчика Дорис умерла, когда малышу было четыре годика. Семейство Уитерби умоляло отца передать им мальчика на воспитание, но внезапно Кент исчез, прихватив сына с собой. С тех пор о нём нет ни слуху ни духу. Где только его не искали. Всё напрасно.

Этот случай стал тяжёлым ударом для старых мистера и миссис Уитерби и свёл их в могилу. Оба умерли вскоре после исчезновения зятя. Рут к тому времени успела выйти замуж и овдоветь. Её супругом был некий мистер Кэрю, очень состоятельный господин и много старше её. Он скончался через год после свадьбы, а ещё немного погодя умер их маленький сын.

С тех пор как исчез маленький Джемми, Рут и Делла делали всё возможное, чтобы его найти. Они потратили кучу денег, искали его повсюду, но безуспешно. Делла пошла в медсёстры. Она стала отличной медсестрой, энергичной, жизнерадостной, высококвалифицированной, но по-прежнему не теряет надежды найти своего пропавшего племянника, хватается за любую возможность отыскать хоть какой-нибудь его след.

Совсем другое дело миссис Кэрю. После того как она потеряла собственного сына, бедняжка всем сердцем привязалась к сыну умершей сестры. Можно представить себе её отчаяние, когда пропал и Джемми. Это случилось восемь лет назад, и все эти восемь лет стали для неё сплошной мукой. Несмотря на богатство и все возможности, она совершенно потеряла интерес к жизни. В конце концов Делла решила во что бы то ни стало вернуть сестре вкус к жизни. Для этого она и обратилась за помощью к племяннице Вашей супруги. Только такая солнечная девочка, как Поллианна, способна чудесным образом исцелить разбитое сердце, вызволить бедняжку из тёмного склепа, вернуть к жизни.

В этой связи хочется надеяться, что вы пойдёте ей навстречу. Я и сам буду вам глубоко признателен, поскольку Рут Кэрю и её сестра давние, лучшие подруги моей жены и мои тоже...

Искренне Ваш,

Чарли».

Когда письмо было прочитано, воцарилась тишина. Пауза была такой долгой, что доктор не выдержал и спросил жену:

– Ну, что скажешь, Полли?

Но миссис Чилтон продолжала молчать. Видя, что в ней борются противоречивые чувства, доктор не торопил жену с ответом. Наконец она сказала:

– И когда же... нужно её отправлять?

Сначала доктор Чилтон даже онемел от удивления.

– Так ты... согласна? – вырвалось у него.

– А вы как думали, мистер Чилтон? – почти с обидой сказала она. – Неужели у меня после этого письма есть какой-то другой выбор? Кроме того, это ещё и личная просьба доктора Эймса. После всего, что он сделал для нашей Поллианны, разве могут быть какие-то сомнения? Я готова доверить ему всё на свете!

– Хорошо ещё, милая, что доктор Эймс не попросил у меня тебя саму, – пошутил доктор Чилтон.

Миссис Чилтон, однако, было не до шуток. Без тени игривости она решительно сказала:

– Можешь сообщить доктору Эймсу, что мы пришлём Поллианну.

И пусть попросит мисс Уитерби написать нам подробно что и как... Мы уезжаем десятого числа следующего месяца, и до тех пор я должна собрать девочку в дорогу как полагается.

– А когда ты думаешь посвятить во всё это саму Поллианну?

– Может быть, завтра. Точно не знаю. Но долго не вытерплю. В любом случае Томас, мы не должны давать ей поблажек, чересчур её баловать. Никакому ребёнку не пойдёт на пользу, если внушать ему, что он какой-то особенный...

– Вроде пилюль или чудодейственного снадобья, ты хочешь сказать? – улыбнулся доктор.

– Именно так, – со вздохом промолвила жена. – К тому же, как ты понимаешь, её целительный дар – чисто бессознательный. В этом вся штука.

– Отлично понимаю, – кивнул доктор.

– Естественно, она знает, что и ты и я, да ещё полгорода играют в её игру. И эта игра делает нас всех счастливее. Это очевидно. – Голос миссис Чилтон задрожал от волнения. Потом она успокоилась. – В общем, всё, что связано с этой игрой, выходит у Поллианны совершенно произвольно. Так, как научил её папа. Иначе и в самом деле, как правильно заметила эта медсестра, её невозможно было бы вытерпеть. Поэтому, когда буду говорить ей о том, что мы отправляем её к миссис Кэрю, просто объясню, что этой даме необходима моральная поддержка, – подытожила миссис Чилтон, поднимаясь с кресла и откладывая в сторону рукоделие.

– Ну что, это очень разумно, – согласился доктор.

На следующий день Поллианну поставили в известность о предстоящем отъезде.

– Дорогая моя, – начала тётушка, когда они были одни, – как ты смотришь на то, чтобы эту зиму провести в Бостоне?

– С вами?

– Нет. Я решила отправиться с твоим дядей в Германию. Но миссис Кэрю, добрая знакомая доктора Эймса, приглашает тебя погостить у неё. Я бы тебя отпустила.

Поллианна заметно огорчилась.

– Но, тётушка! В Бостоне я буду совсем одна! Там не будет ни Джимми, ни мистера Пендлтона, ни миссис Сноу.

– Ну и что с того! Ведь до переезда сюда ты с ними вообще не была знакома!

– Вы правы, тётушка! – неожиданно обрадовалась Поллианна. – Это значит, что в Бостоне меня ждут новые знакомства. Там живут свои Джимми, мистеры Пендлтоны и миссис Сноу!

– Ну конечно, милая!

– Тогда я с радостью отправлюсь туда. Теперь я вижу, тётушка, вы научились играть в мою игру гораздо лучше меня самой! Мне бы и в голову не пришло, что в Бостоне меня ждёт столько хороших людей!

Наверное, я даже видела некоторых из них, когда была там проездом с миссис Грэй. Мы останавливались в Бостоне на несколько часов... На станции какой-то добрый человек объяснил мне, где можно попить воды. Интересно, где он теперь? Вот бы с ним познакомиться! А ещё там была симпатичная дама с маленькой девочкой. Обе из Бостона. Они мне об этом сами сказали. Девочку звали Сюзи Смит. Может быть, я встречу их там снова. Как вы думаете?.. А ещё там были мальчик и другая дама с младенцем. Только они были из Гонолулу. Теперь, наверное, я их уже не застану в Бостоне... Ну и конечно, в Бостоне живёт миссис Кэрю! А кто она такая, эта миссис Кэрю? Она наша родственница, тётушка?

– Боже мой, Поллианна! – воскликнула миссис Чилтон, всплеснув руками, словно в отчаянии. – Неужели ты думаешь, кто-то может поспеть за твоим язычком! Только что ты была в Гонолулу, а через секунду унеслась ещё куда-то... Нет, миссис Кэрю не наша родственница. Она сестра мисс Деллы Уитерби. Ты должна помнить её по санаторию...

Поллианна радостно захлопала в ладоши.

– Мисс Делла Уитерби? Она её сестра? Тогда она должна быть просто прелесть что такое! Мисс Уитерби замечательная! Она так чудесно улыбалась, и у неё была куча интересных историй. Я застала её всего на пару месяцев, она только поступила на работу в санаторий, а меня уже выписывали. Сначала меня ужасно расстроила наша разлука, но потом я даже обрадовалась. Подумала, что если бы знала её дольше, то сильнее бы к ней привязалась и расставаться с ней было бы ещё тяжелее... А теперь всё вообще складывается наилучшим образом! Я буду жить с её родной сестрой. Значит, всё равно что с ней самой!..

Миссис Чилтон почувствовала лёгкое головокружение.

– Послушай, Поллианна! С чего ты взяла, что они похожи? Всё-таки мисс Уитерби это одно, а её сестра, может быть, совсем другое, – осторожно заметила она.

– Ничего подобного, они же *сёстры*! – воскликнула Поллианна, широко распахивая глаза. – А родные сёстры должны быть похожи друг на друга. В благотворительном комитете было несколько сестёр. Некоторые вообще были близняшками, до того похожими, что вы бы ни в жизнь не отличили миссис Пек от миссис Джонс. Правда, потом у миссис Джонс на носу вскочила бородавка, и мы смогли легко их различать. Впрочем, бородавка совсем маленькая, едва заметная. Однажды миссис Джонс жаловалась, что люди часто путают её с сестрой и называют миссис Пек. Тогда я сказала, что если бы люди знали про эту маленькую бородавку, то смогли бы без труда сказать, кто есть кто. Однако она почему-то ужасно

разозлилась. Вернее, ей не понравилось то, что я сказала. Бог знает почему. Мне казалось, она обрадуется, что теперь люди не будут путать её с сестрой. Тем более если ты председательница благотворительного комитета, очень неприятно, когда люди путают тебя с кем-то ещё и не узнают. Ведь и в церкви, и на разных собраниях председательнице положено лучшее место и всё такое... В общем, моё замечание насчёт бородавки её огорчило. Я слышала даже, что она перепробовала все средства, чтобы от неё избавиться. Даже солью присыпала и прикладывала воронье перо. Странная такая! Разве можно солью или вороньим пером свести бородавку на носу? Как вы думаете, тётушка?

– Конечно нет, дитя моё!.. Надо же куда тебя опять занесло! Только что ты говорила про благотворительный комитет...

– Ну да, говорила... Я что, вас расстроила, тётушка? – спохватилась девочка. – Простите, пожалуйста. Я даже рада, что теперь этот благотворительный комитет остался в прошлом, тётушка. Теперь мне не нужна его опека, ведь у меня есть вы, моя родная-преродная тётушка! Разве вас это не радует?

– Ну да, дорогая, конечно, меня это очень радует! – рассмеялась миссис Чилтон и вышла из комнаты.

В глубине души ей было немного неловко при мысли, что когда-то неизменное жизнелюбие Поллианны вызывало у неё раздражение.

В течение следующих нескольких дней с Бостоном шла оживлённая переписка, а Поллианна готовилась к отъезду. Желающих попрощаться с ней выстроилась целая вереница. Узнав, что на зиму Поллианна уезжает из Белдингвилля, друзья и знакомые зачастили с визитами. Все жители маленького городка, что в штате Вермонт, успели полюбить чудесную девочку и её удивительную игру. А если кто-то до сих пор не втянулся в игру, то только потому, что ещё не понял, сколько в ней радости...

Из дома в дом разлеталось известие, что на зиму девочка отправляется в Бостон. Все заранее печалились и скучали по ней – от Нэнси, горестно вздыхавшей на кухне, до мистера Пендлтона в своём громадном особняке на холме.

Что касается Нэнси, то девушка была вдвойне расстроена. Во-первых, считала эту поездку в Бостон верхом легкомыслия и так прямо всем об этом и заявляла (за исключением хозяйки, разумеется). Во-вторых, если уж куда-то ехать на зиму, чтобы миссис Чилтон могла спокойно отправиться с доктором в Германию, то разумнее было бы отправить Поллианну не в Бостон, а погостить у самой Нэнси.

Мистер Пендлтон был того же мнения и, в отличие от Нэнси, открыто высказывал его миссис Чилтон.

Но больше всех был расстроен Джимми, двенадцатилетний сирота, которого, благодаря усилиям Поллианны, мистер Пендлтон, взял жить к себе, а потом и усыновил. Джимми тоже не мог скрыть досады и с упрёком говорил Поллианне:

– Ну вот, не успела вернуться из санатория – как опять уезжаешь!

Как любой другой мальчик, он не хотел показывать, что предстоящая разлука ранила его прямо в сердце, старался напустить на себя равнодушный вид.

– Но я вернулась из санатория ещё в прошлом марте, – возражала Поллианна. – К тому же я еду только на зиму, а не насовсем.

– Хоть бы и насовсем. Мне-то что! Плевать я хотел! – говорил мальчик, пожимая плечами. – Мне только ужасно досадно, что я встречал тебя как дурак вместе со всеми, когда ты вернулась из санатория – с цветами и флагами, – а ты вот опять уезжаешь!

– Что ты такое говоришь, Джимми! – обиженно воскликнула Поллианна и, гордо вздёрнув носик, добавила: – В конце концов, никто тебя не просил встречать меня с флагами и цветами. Знаешь, ты говори, говори, да не заговаривайся.

– А то что? – фыркнул в ответ мальчик.

– Ничего, – покачала головой девочка. – Просто прошлым летом, когда я просила мистера Пендлтона взять тебя к себе, я поручилась за тебя и сказала, что ты вежливый и воспитанный мальчик.

– Хотел бы я посмотреть, какая бы вы, мисс Поллианна, были бы воспитанная и вежливая, если бы вам, как и мне, пришлось жить в этом дурацком приюте с сумасшедшими старухами и стариками.

– Знаете, что я вам скажу, Джимми Бин! – возмущённо воскликнула Поллианна, тоже переходя на «вы». – Мне ведь тоже пришлось жить с дамами из благотворительного комитета. Конечно, они были не совсем старухами, но всё равно довольно старыми... – От обиды девочка сама запинаясь и с трудом подбирала слова. – И вообще...

– К вашему сведению, – резко заметил мальчик, гордо вздёрнув подбородок, – я теперь не Джимми Бин!

– Как так? Почему ты не Джимми Бин? Что ты хочешь этим сказать? – нахмурившись ещё больше, поинтересовалась девочка.

– Теперь я официально усыновлён! Мистер Пендлтон с самого начала хотел меня усыновить, только никак не мог решиться. А теперь решился. Так что теперь я – официально Джимми Пендлтон! А мистера Пендлтона

мне полагается называть дядей Джоном. Конечно, я ещё не очень к этому привык. Поэтому обращаюсь к нему по-прежнему... Но это всё не важно...

Несмотря на его грубый тон, Поллианна радостно всплеснула руками, а с лица мгновенно исчезло обиженное выражение.

– Вот здорово! Теперь у тебя действительно есть семья! Есть близкий человек, который о тебе заботится! К тому же в будущем тебе не придётся никому ничего объяснять, раз у вас одна фамилия. Как я рада! Рада! Ужасно рада!

Неожиданно мальчик соскочил с каменной ограды, на которой они сидели, и молча пошёл прочь. Его щёки жарко пылали, а на глазах блестели слёзы. Его душила досада на себя самого. Ведь именно благодаря Поллианне его судьба устроилась таким счастливым образом, а он только что наговорил ей кучу обидных, неприятных слов... Он яростно пинал камешки на тропинке, словно хотел выместить на них свою досаду. Помимо его воли слёзы одна за другой катились из глаз и текли по щекам. Он остановился, поднял камешек и со всей силы швырнул его подальше. Потом развернулся и, подойдя к Поллианне, снова уселся рядом с ней на каменную изгородь.

– Спорим, я добегу до той сосны раньше тебя! – сказал он как ни в чём не бывало.

– А вот и нет! – воскликнула Поллианна, соскакивая с изгороди.

Она уже была готова пуститься с Джимми наперегонки, как вдруг вспомнила, что ей пока запрещено бегать. Как бы то ни было, все обиды оказались забыты. Джимми успокоился. Слёзы высохли, мальчик снова улыбался.

Они, как и прежде, были друзьями.

Глава III

Лечение Поллианной

Приближалось восьмое сентября, день прибытия Поллианны, и миссис Кэрю нервничала всё больше. Она уже жалела, что нельзя взять назад своё обещание и отменить приезд маленькой гостьи. Не прошло и суток, как она всё-таки отправила сестре письмо с просьбой отменить приезд, но Делла ответила, что уже слишком поздно: она уже написала и доктору Эймсу, и супругам Чилтонам о её согласии.

Немного погодя Делла написала, что миссис Чилтон тоже дала своё согласие, но потребуется ещё несколько дней, чтобы устроить девочку в одну из бостонских школ. Таким образом, миссис Кэрю не оставалось ничего другого, как предоставить событиям идти своим чередом. Осознав это, она смирилась, но проводила дни в напряжённом ожидании. Впрочем, когда в назначенный день приехали Делла и миссис Чилтон, миссис Кэрю встретила гостей внешне спокойно. К счастью, у миссис Чилтон было много других дел, и она быстро уехала.

Как и договаривались вначале, приезд Поллианны был запланирован не позднее восьмого числа. По поводу грядущего «прибавления в семействе», миссис Кэрю испытывала странное, двойственное чувство. С одной стороны, кляла себя за то, что согласилась участвовать в «дурацкой затее Деллы», а с другой – думала, хоть бы уж поскорее это произошло.

Делла, пожалуй, догадывалась о том, какие сомнения раздрают сестру, но внешне тоже старалась держаться как ни в чём не бывало. Она твёрдо верила, что, как только чудесная девочка останется наедине с миссис Кэрю, она быстро найдёт с сестрой общий язык, и всё устроится самым наилучшим образом.

В день приезда миссис Кэрю встречала сестру с девочкой на вокзале. Передав Поллианну с рук на руки, Делла для приличия сослалась на неотложные дела и сразу отбыла назад. В общем, не успела миссис Кэрю и глазом моргнуть, как оказалась один на один с чужим ребёнком.

– Ах, Делла, Делла, как ты могла! – беспомощно крикнула она вслед уносящейся на поезде сестре.

Вряд ли этот стон отчаяния достиг ушей Деллы, а если и достиг, то та сделала вид, что не расслышала. Раздосадованная миссис Кэрю повернулась к девочке.

– Вот жалость, – сказала Поллианна, провожая глазами уходящий поезд. – Кажется, она вас не услышала... Мне тоже ужасно не хотелось с ней прощаться. Но что поделаешь. К счастью, у меня остались вы.

– К счастью?.. Ты так думаешь? – проворчала миссис Кэрю. – Ну ладно, пойдём! Нам туда, – решительно сказала она и двинулась с перрона.

Поллианна покорно кивнула и поспешила следом. Пока они пробирались сквозь вокзальную толпу, девочка успела заметить хмурое выражение лица своей новой опекуниши и нерешительно спросила:

– Может быть, вы думали, что я красивее?

– Красивее? – недоумённо повторила миссис Кэрю.

– Ну да! С такими красивыми кудрями и так далее... Вы, наверное, тоже пытались себе представить, какая я? Мне-то, конечно, было вас легче представить, ведь я видела вашу сестру. Она такая милая, такая красивая! Я думала, вы должны быть на неё похожи. Но вы... вы вообще не знали, какая я... Какая жалость, меня ведь не назовёшь красивой! И всё из-за этих противных веснушек-конопушек! Вот и получается, что вы ждали в гости хорошенькую девочку, а приехала...

– Не говори чепуху! – резко прервала её миссис Кэрю. – Пойдём! Нужно получить твой чемодан. Потом сразу отправимся домой. Я надеялась, что сестра поедет с нами, останется хотя бы на денёк, но у неё, видно, нашлись дела поважнее...

Поллианна улыбнулась.

– Понимаю, – кивнула она. – Скорее всего, мисс Делла очень занята. Наверное, кому-то нужна её помощь. Ещё бы! В санатории без неё

как без рук! Когда люди постоянно нуждаются в тебе – это, знаете ли, такая ответственность. Ты уже не принадлежишь самой себе. А как же иначе?.. С другой стороны, разве это не радость – сознавать, что другие люди так в тебе нуждаются?

Ответа не последовало. Миссис Кэрю не нашлась что сказать. Может быть, впервые в жизни она задумалась, а как насчёт её самой: найдётся ли в целом мире хотя бы один человек, которому она нужна? Не то чтобы её это уж очень беспокоило или печалило, однако... Миссис Кэрю почувствовала неожиданный укол раздражения и хмуро покосилась на девочку.

Но Поллианна с любопытством разглядывала вокзальную толпу и не заметила насупленных бровей своей спутницы.

– Ой, сколько людей! – радостно воскликнула она. – Гораздо больше, чем в прошлый раз. Пока я ещё никого не видела из старых знакомых. Ту женщину с ребёнком мы уже вряд ли встретим, ведь они живут в Гонолулу. Но, может быть, мы встретим Сюзи Смит. Она же из Бостона. Кстати, вы не знаете Сюзи Смит?

– Не знаю я никакой Сюзи Смит, – сухо ответила миссис Кэрю.

– Неужели? Не может быть! Она такая хорошенькая! Настоящая красавица с чудесными чёрными кудрями. Когда я попаду в рай, обязательно попрошу у Боженьки такие кудри!.. Ну, не расстраивайтесь, мэм, я обязательно её разыщу и познакомлю вас... Ах, боже мой! – неожиданно воскликнула она. – Какой шикарный автомобиль!

Они как раз подошли к роскошному лимузину, и водитель почтительно распахнул перед ними дверцу. Миссис Кэрю, которая была домоседкой и терпеть не могла поездок на автомобиле, отреагировала без всякого энтузиазма:

– Машина как машина. – И, обращаясь к водителю, распорядилась: – Домой, Перкинс!

– Так это ваш автомобиль! – восторженно ахнула Поллианна. – В жизни не видела такой чудесной машины. Наверное, вы ужасно богатая. Даже богаче тех, у кого дома в каждой комнате ковры и мороженое по воскресеньям. Миссис Уайтс была ужасно богатая. Ах да, вы ведь не знаете, кто такая миссис Уайтс! Это дама из благотворительного комитета. Она и другие дамы всегда казались мне богачками, но потом я узнала, что есть такие, у которых на каждом пальце кольца с бриллиантами, они наряжаются в меха и шелка и разъезжают в шикарных автомобилях. Вы такая же богачка, верно?

– Как тебе сказать... Пожалуй, такая, – с едва заметной усмешкой

кивнула миссис Кэрю.

– Конечно, вы богатая, – понимающе подхватила Поллианна. – У моей тёти тоже много всякого добра. Только вместо авто у неё лошадь... По правде сказать, я вообще не люблю никакой езды, хоть на машине, хоть на лошади. Вы уж извините меня, пожалуйста, – с улыбкой призналась девочка. – И автомобилей я даже вблизи не видела, не то чтобы ездить на них. Ну если не считать того, который меня переехал... После того как меня сбила машина, меня на ней же привезли домой. Правда, я ничего этого не помню, потому что была без сознания, и даже не знаю, что это такое – кататься на машине, весело это или нет. В общем, после того случая я ни разу не ездила в автомобиле. Тётушка Полли тоже терпеть их не может. В отличие от дяди Тома. Он-то как раз мечтает обзавестись машиной. Говорит, она нужна ему для дела. Ведь он доктор, и у других врачей в городе есть свои машины. Уж не знаю, что они там решат. Тётушка ужасно нервничает по этому поводу. Конечно, она была бы рада, если бы дядя купил себе то, о чём мечтает. Вот только ей хочется, чтобы он мечтал о том, о чём мечтает она сама... Понимаете?

Неожиданно для самой себя миссис Кэрю не выдержала и рассмеялась.

– Ну конечно, милая, понимаю. Ещё как понимаю!

Но уже через секунду снова сделалась серьёзной. Впрочем, в глазах её всё ещё проскакивали весёлые искорки.

– Я рада, что вы поняли, – с довольным видом сказала Поллианна. – А то я, кажется, непонятно выразилась... В общем, с одной стороны, тётушка Полли не возражает против автомобиля, а с другой – хочет, чтобы этих автомобилей вообще не было в природе – раз они нет-нет да переезжают живых людей... Вы только поглядите, сколько домов! – вдруг воскликнула девочка, с удивлением озираясь по сторонам. – Кажется, они никогда не кончатся. Впрочем, конечно, всем этим людям нужно где-то жить. Не только на вокзале полным-полно людей, но и на улицах. Как здорово, что здесь столько людей! Обожаю знакомиться с людьми. А вы, мэм, любите людей?

– Люблю ли я людей?!

– Ну да, просто людей. Вообще людей.

– Скорее нет, чем да, Поллианна, – сухо, но честно ответила миссис Кэрю, снова насупив брови.

Искорки смеха, которые ещё недавно блеснули в её глазах, исчезли совсем. Взгляд миссис Кэрю сделался холодным и подозрительным.

– Вот и первая тема для проповеди, – пробормотала она себе под нос. –

Прямо как сестра Делла. Она обожает подобные нравоучения – о том, что все люди братья...

– Вы так считаете? – встрепелась Поллианна. – Конечно, все люди разные. Но есть очень симпатичные. Здесь у вас их, людей, должно быть, очень много... Ах, если бы вы только знали, как я рада, что приехала к вам! Конечно, я была уверена в этом с самого начала – как только узнала, что вы – это вы, то есть сестра мисс Уитерби. Я ужасно люблю мисс Уитерби. Поэтому заранее полюбила и вас. Потому что сёстры должны быть похожи друг на друга, верно? Даже если они не близняшки, как миссис Джонс и миссис Пек. Впрочем, даже если они не совсем одинаковые. У них есть одно различие. Я имею в виду бородавку. Вы, конечно, не понимаете, о чём я... Но я вам расскажу.

Так, к огромному удивлению миссис Кэрю, вместо нравоучительной проповеди, которую она ожидала услышать, последовала ещё более странная история о бородавке, вскочившей на носу некой миссис Пек, председательницы женского благотворительного комитета.

Тут Поллианна была вынуждена ненадолго прервать свой рассказ и принялась восхищаться красивой улицей, на которой жила миссис Кэрю.

Посреди проспекта тянулась широкая полоса зелёных насаждений, и, по словам девочки, здесь всё казалось неопишимо красивым, – особенно после узких улочек Белдингвилля.

– Здесь так чудесно, что, наверное, все жители Бостона переедут жить в этот район, – заметила она восторженно.

– Само собой, каждому хотелось бы здесь поселиться, – усмехнулась миссис Кэрю. – Только вряд ли это возможно.

Поллианна огорчённо вздохнула. Ей тоже хотелось бы переехать на этот чудесный проспект.

– Да, конечно, – кивнула она. – Впрочем, это не значит, что узкие улочки хуже, – поспешно прибавила она. – В каком-то смысле жить на них даже лучше. Не нужно проделывать такой путь, когда хочешь сбегать через дорогу за яйцами или содой... Значит, вы здесь живёте? – поинтересовалась она, когда машина припарковалась у роскошного крыльца миссис Кэрю. – Это ваш дом, мэм?

– Ну да, я здесь живу, – недоуменно пожала плечами леди.

– Ах, как вы, наверное, радуетесь, что живёте в таком замечательном месте! – воскликнула девочка, выпрыгивая из машины на тротуар и с любопытством оглядываясь по сторонам. – Вы ужасно счастливы, правда?

Миссис Кэрю не нашлась что ответить и с хмурым видом выбралась

из лимузина вслед за Поллианной.

И снова Поллианна поспешила объяснить свои слова.

– Конечно, я не имела в виду ту радость, которую человек испытывает из-за своего тщеславия. К тому же это ведь и грешно... – Девочка вопросительно поглядела на миссис Кэрю. – Я не имела в виду ничего такого. Из-за того, что я иногда не умею ясно выразиться, у меня и с тётёй Полли тоже бывали недоразумения. Я ведь говорила не про то счастье, когда кто-то радуется, что у него есть что-то, чего у другого нет. Я имела в виду просто радость. Когда на душе так хорошо, что хочется прыгать, кричать и хлопать дверями, даже если тебе это запрещают, – решительно заявила Поллианна, поднимаясь на носки и слегка пританцовывая на месте.

Шофёр поспешно отвернулся, чтобы скрыть улыбку, и занялся машиной, а миссис Кэрю, хмурясь ещё больше, направилась к своему шикарному каменному крыльцу.

– Проходи, Поллианна, – отрывисто бросила она девочке.

Пять дней спустя, Делла Уитерби получила письмо от сестры. Это было первое письмо с тех пор, как Поллианна приехала в Бостон. Медсестра сразу бросилась его читать.

«Милая сестра, – писала миссис Кэрю убористым почерком, – почему ты не предупредила меня о том, что можно ожидать от этого ребёнка? Я готова рвать и метать, но не могу же я теперь отослать её обратно! По правде сказать, я уже три раза собиралась это сделать, но, как только я открываю рот, девочка начинает убеждать меня, как ей хорошо у меня и как она благодарна мне, что я согласилась взять её к себе, пока её тётушка Полли в Германии. Сама посуди, у меня после этого просто язык не поворачивается сказать ей, чтобы она сделала милость и убиралась туда, откуда явилась. Но что самое удивительное, ей, конечно, и в голову не приходит, что она мне в тягость. Я намекала ей и так и эдак, но всё напрасно.

Вот если бы она начала заводить душеспасительные беседы или что-нибудь в этом духе, я бы не помедлила ни единой секунды и тут же отправила её обратно. Правда, я сама запретила ей говорить на эти темы. Вот она и отмалчивается. Два или три раза как будто начинала что-то подобное, но всякий раз вдруг переводила разговор на другую тему – принималась рассказывать о своих дамах из благотворительного комитета. В общем, никаких

проповедей со мной она не ведёт. Для неё это, конечно, к лучшему. Если, конечно, не хочет, чтобы я отправила её назад.

И всё-таки, Делла, она просто невыносима. Пойми! Во-первых, она без конца восторгается моим домом. В первый же день упростила меня открыть и показать ей все до одной комнаты. Не успокоилась до тех пор, пока не заглянула в каждый угол. После чего заявила, что у меня «идеальный, роскошный дом». Даже лучше, чем особняк некоего мистера Пендлтона из Белдингвилля. Понятия не имею, кто он вообще такой, этот мистер! Насколько я понимаю, он хотя бы не имеет ничего общего с дамами из благотворительного комитета...

Мало того, что я без конца бегаю вместе с ней по всем комнатам, словно нанялась к ней персональным гидом, так она ещё отыскала где-то моё белое сатиновое платье, которое я сто лет не надевала, и стала просить, чтобы я его примерила. Делать нечего, пришлось его надеть. В общем, вертит мной как хочет, и я ничего не могу ей возразить.

Но это только начало. Она также упростила, чтобы я показала ей все мои вещи. При этом без умолку рассказывала разные случаи про посылки от благотворителей, про то, что когда-то весь её гардероб состоял из старого тряпья, присланного в благотворительных посылках. Её рассказы заставляют меня смеяться и плакать одновременно. Просто ужас, в какой нужде пришлось жить этой малышке!..

После платьев она потребовала, чтобы я открыла сейф и показала ей свои драгоценности. Особенно ей понравились два кольца. Если бы ты видела её восторг! Говорю тебе, Делла, я даже подумала, что она тронулась рассудком! Она заставила меня перемерить все кольца, надеть брошь, браслет и ожерелье. Потом, увидев, какие у меня волосы, украсить причёску бриллиантовой тиарой. В результате я оказалась наряжена, как новогодняя ёлка или языческий божок в каком-нибудь буддистском храме – увешана жемчугом, бриллиантами и изумрудами, а эта сумасшедшая девочка ещё и пустилась вокруг меня в пляс, хлопая в ладоши и восклицая, какая я ослепительно-красивая. Дескать, жаль, что меня нельзя, как чудесную хрустальную призму, повесить на ниточке перед окном.

Едва я собралась спросить её, что это ещё за призма такая, как она ни с того ни с сего рухнула прямо на пол и залилась

горючими слезами. Никогда не догадаешься, что значили эти слёзы! Это были слёзы радости, оттого что у неё есть глаза и она может созерцать всю эту красоту... Как тебе такое?

Но и это ещё не всё! Это тоже только начало.

Поллианна здесь уже четыре дня, но и минуты не посидела спокойно. Напротив, развела кипучую деятельность. Успела перезнакомиться со всеми: с трубочистом, полицейским, а также мальчиком-газетчиком. Я уж не говорю о моих слугах. Теперь все они – её лучшие друзья. Все до одного просто очарованы ею. Она их как будто околдовала... Только не подумай, что она и меня околдовала. Ей-богу, если бы не моё обещание взять её на зиму к себе, я бы не задумываясь отправила её обратно. Никто не в силах заставить меня позабыть Джемми и мои несчастья. Наоборот, из-за неё я только острее чувствую своё горе. Потому что она – не он и не может его заменить!.. Впрочем, повторяю, пожалуй, оставлю её у себя. Если не примется за проповеди и нравоучения. Если же заведёт со мной душеспасительные беседы, без колебаний отправлю к тебе. Но пока она держится...

С любовью,

твоя бедная сестра Рут».

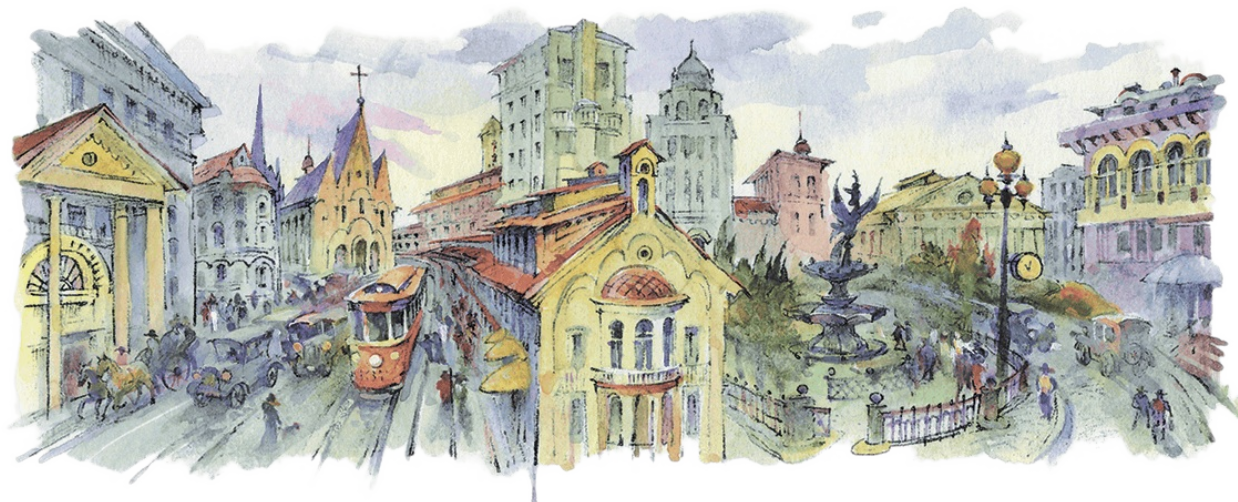
– Пока держится! – усмехнулась Делла, складывая письмо. – Ах, Рут, Рут... И всё это после того, как ты призналась, что позволила ей отпереть каждую комнату, заглянуть во все углы, нарядить тебя в белое платье

с драгоценностями... А ведь ещё и недели не прошло... Пока держится!
Вот смеху-то! – повторила медсестра.

Глава IV

Миссис Кэрю узнаёт про игру

Что и говорить, знакомство с Бостоном произвело на Поллианну огромное впечатление. Но и сама Поллианна произвела на Бостон впечатление, ничуть не меньшее.

Бостон полюбился девочке. Только подавлял своими размерами.

– Понимаете, мэм, – пыталась объяснить она свои чувства миссис Кэрю уже на следующий день после приезда, – мне бы хотелось охватить город одним взглядом, а это совершенно невозможно. Напоминает званые ужины и обеды у тётушки Полли, когда не знаешь конца переменам блюд и трудно на чём-то остановиться. Вот так и тут... Конечно, нельзя не порадоваться такому многообразию, – подытожила девочка, – потому что когда чего-то много, всегда хорошо... То есть я имею в виду, когда много хорошего. Про похороны и болезни, конечно, речи нет. Но, с другой стороны, если говорить о тётушкиных званых ужинах, то волей-неволей пожалеешь, что нельзя их как-то распределить на несколько обычных дней, просто на будни, когда не подают таких вкусностей, как на праздник пирожные или торты... То же самое и с Бостоном. Жаль, что нельзя взять с собой домой в Белдингвилль часть Бостона, чтобы там радоваться всему этому ещё и будущим летом. Увы, никак нельзя. Ведь города – совсем не то, что пирожные, которые, на худой конец, можно положить в холодильник. Впрочем, и пирожные всё равно когда-то испортятся, зачерствеют. Даже в холодильнике. Я пробовала. Счастливые дни тоже не заморозишь впрок.

Поэтому, пока я здесь, мне хочется посмотреть всё-всё...

Некоторые люди думают, что изучение географии следует начинать с самых дальних мест, но Поллианна привыкла действовать иначе, и своё изучение Бостона начала с улиц, непосредственно примыкавших к чудесному проспекту Благоденствия, где она теперь жила. В течение нескольких дней знакомство с окрестностями, а также учёба в школе поглощали всё её время. Ах, сколько всего нужно посмотреть! А ещё сколько уроков выучить!

Вокруг было столько интересного! Начиная от маленьких кнопочек на стене комнаты, одно нажатие на которые заполняло помещение светом, до громадного танцевального зала, увешанного зеркалами и картинами. Ещё больше вокруг было интересных людей. Кроме самой миссис Кэрю и её горничной Мэри, которая следила за входной дверью, убиралась в гостиных и водила Поллианну в школу, были ещё Бриджет, которая жила при кухне и занималась готовкой, Дженни, прислуживающая за столом, а также водитель лимузина Перкинс. Они были такие разные, но все без исключения – прекрасные люди.

Поллианна приехала в понедельник, так что до следующего воскресенья прожила в доме почти неделю. В воскресенье утром она спустилась в гостиную счастливая, сияющая от радости.

– Обожаю воскресенье! – воскликнула она.

– Неужели? – вяло отозвалась миссис Кэрю, для которой все дни недели были одинаково скучными.

– Конечно! Во-первых, из-за церкви. Во-вторых, воскресная школа... А вам, мэм, что больше нравится – служба в церкви или воскресная школа?

– Как тебе сказать... – запнулась миссис Кэрю, которая очень редко посещала церковь, а в воскресную школу вообще не ходила.

– Вот и я не знаю, что лучше! – радостно подхватила девочка, не поняв, в чём дело. – Хотя, – продолжила она после короткого раздумья, – церковная служба мне нравится больше. Из-за папы. Ведь мой папа был священником. Теперь он там – на небесах с мамочкой, но когда я в церкви, то представляю, что он здесь, со мной. Это совсем не трудно. Особенно когда начинается служба и пастор читает молитвы. Я просто закрываю глаза и представляю, что папа рядом. Что может быть лучше! Обожаю мечтать и фантазировать, представлять себе разные вещи, а вы, мэм?

– Как тебе сказать, Поллианна... – начала миссис Кэрю, но снова запнулась.

– Ну что вы, мэм! – восторженно воскликнула девочка. – Только

подумайте, насколько воображаемые вещи прекраснее настоящих! Я, конечно, не имею в виду вещи в вашем доме. Они и так – лучше не придумашь!

Миссис Кэрю сдвинула брови и хотела что-то возразить, но Поллианна торопливо продолжала:

– Те вещи, которые у меня сейчас, конечно, тоже гораздо лучше тех, что были у меня раньше. Но, когда я попала в аварию и не могла ходить, мечтания мне очень помогали. Я старалась мечтать как можно больше. И теперь тоже о многом хочется помечтать. Вот, например, о папе. Сегодня в церкви я буду представлять его на кафедре. Кстати, когда мы выходим?

– Куда выходим? – не поняла миссис Кэрю.

– Как куда? В церковь, мэм!

– Нет, Поллианна, я сегодня не... то есть... – начала миссис Кэрю в смущении, с трудом подбирая слова, чтобы объяснить, что не собирается в церковь, да и вообще никогда туда не ходит.

Но в сияющих глазах девочки было столько радости, что у неё просто язык не повернулся продолжать.

– Ну разве что четверть одиннадцатого, – пробормотала миссис Кэрю, – если вообще соберусь идти... – И прибавила почти с раздражением: – Церковь от нас в двух шагах...

В общем, так уж получилось, что в это солнечное сентябрьское утро миссис Кэрю, впервые за несколько месяцев, оказалась в церкви. Это был очень изящный, красивый храм, в котором она бывала в детстве и в котором за семейством Кэрю была зарезервирована собственная скамья. До последнего времени миссис Кэрю щедро помогала храму деньгами, делая отчисления с доходов от бизнеса.

Для Поллианны эта воскресная утренняя служба стала настоящим праздником. В храме с высоких хоров звучала чудесная музыка. Помещение озарялось ярким светом из сверкающих мозаичных окон. Прихожане благоговейно перешёптывались. Священник размеренно читал молитвы. Всё это привело девочку в такое восхищение, что она замерла словно зачарованная. Только когда пришли домой, к ней вернулся дар речи, и, задыхаясь от восторга, она воскликнула:

– Ах, миссис Кэрю, я безумно счастлива! Вот только жаль, что один и тот же день нельзя прожить два раза подряд!

Миссис Кэрю нахмурилась и подозрительно покосилась на девочку. Она была совершенно не в настроении говорить на религиозные темы. Слушать проповеди с церковной кафедры ещё туда-сюда, но дома от какой-то девчонки – уж это извините. Этого она не потерпит! К тому же в этой

фразе «как жаль, что один и тот же день нельзя прожить два раза подряд» явно сквозила жизненная философия её сестры Деллы, её излюбленная тема. Делла любила рассуждать в том же духе, мол, «ах, как жаль, что нельзя прожить две жизни одновременно!..»

– Что ты имеешь в виду, дитя моё? – язвительно поинтересовалась миссис Кэрю и выжидающе прищурилась.

– Вот только представьте себе, мэм, – со вздохом сказала Поллианна, – как было бы здорово, если бы можно было вместить в один день вчера, сегодня и завтра! Сколько чудесных событий в одно и то же время! Понимаете? А так, вчера – это только вчера, сегодня – это сегодня, а завтра – завтра. А следующее воскресенье вообще только через неделю... Нет, правда, мэм, если бы не воскресенье, когда нужно молиться и вести себя тихо, я бы, наверное, стала прыгать и кричать от радости. Как тут удержаться! Но раз сегодня воскресенье, то, вернувшись домой из церкви, следует выбрать для молитвы какой-нибудь особенно радостный псалом.

Интересно, какой самый-самый радостный? Вы не знаете, мэм?

– Понятия не имею, – пробормотала миссис Кэрю, у которой от этого странного разговора начало слегка мутиться в голове.

Для несчастной женщины, какой миссис Кэрю себя считала, жить одновременно прошлым, настоящим и будущим было по меньшей мере в тягость. Всё, что она хотела, это просто жить сегодняшним днём. Разговоры о том, что вокруг столько счастья и можно проживать сразу несколько жизней одновременно, совершенно сбили её с толку.

Следующим утром в понедельник Поллианна впервые отправилась в школу одна. Она отлично знала дорогу. К тому же школа была совсем рядом. Поллианне новая школа необычайно понравилась. Это был небольшой колледж для девочек. Здесь ей всё было внове. Впрочем, как уже было сказано, Поллианна обожала свежие впечатления. В отличие от миссис Кэрю. Тем не менее за последние несколько дней новые впечатления обрушились на миссис Кэрю словно лавина. И ничего удивительного, что для женщины, которая привыкла вести замкнутую, размеренную жизнь, такие перемены оказались чрезмерными и утомительными. Даже неприятными и раздражающими. Однако, положив руку на сердце, миссис Кэрю понимала, что больше всего её нервируют, как ни странно, не сами новые впечатления, а счастливый вид Поллианны. Только, конечно, она бы никогда никому в этом не призналась. Даже самой себе.

Впрочем, сестре Делле она так и написала – что слова «радоваться»,

«радость», без конца повторяемые Поллианной, действуют ей на нервы. Да так, что иногда от них хочется лезть на стену. В то же время она была вынуждена признать, что за всё это время Поллианна ни разу не пыталась вести с ней душеспасительные разговоры. Не говоря уж о том, чтобы предлагать поиграть в свою игру. И всё-таки эти постоянные разговоры о том, как Поллианна радуется той или другой вещи, неизбежно настраивали миссис Кэрю против девочки, раздражали – ведь её саму в этой жизни ничто не радовало...

В начале второй недели нахождения Поллианны в гостях у миссис Кэрю чаша терпения хозяйки оказалась переполненной. Формальным поводом к взрыву послужил очередной рассказ Поллианны об одной даме из благотворительного комитета. А точнее, мораль, которую девочка вывела из этой истории.

– ...Эта дама очень любила играть в мою игру, мэм, – сказала Поллианна. – Но вы ведь до сих пор не знаете, что это за игра. Ну ничего, я вам всё объясню. Вам понравится. Это чудесная игра!

Но миссис Кэрю раздражённо замахала руками.

– Не стоит, Поллианна, – проворчала она. – Я и так всё знаю. Сестра мне рассказывала. Мне это совершенно неинтересно. Эти игры не для меня.

– Так и я о том же, мэм! – поспешно, словно извиняясь, воскликнула девочка. – Я и не говорила, что вы захотите в неё играть. Просто хотела рассказать. Конечно, вам она не нужна.

– Да, Поллианна, – рассердилась миссис Кэрю, – она мне не нужна.

Её взбесило даже не столько то, что Поллианна завела разговор об игре, в которую миссис Кэрю не стала бы играть, сколько само замечание прямолинейной девочки, что игра ей эта не нужна.

– А вы знаете, почему она вам не нужна, мэм? – неожиданно развеселившись, воскликнула Поллианна. – Потому что её смысл – искать радость во всём, что вокруг. А вокруг вас столько радости, что вам даже искать её не надо! Значит, и игры вам никакой не нужно. Понимаете?

Миссис Кэрю даже покраснела от досады. В раздражении она, похоже, наговорила лишнего.

– Все нет, Поллианна, – как можно холоднее заметила она. – Совсем

наоборот. У меня вообще нет ничего, чему я могла бы порадоваться.

На несколько секунд изумлённая девочка словно потеряла дар речи. Только недоуменно хлопала глазами. Потом выдохнула:

– Что вы такое говорите, миссис Кэрю?!

– А разве не так? Что у меня, по-твоему, есть? – с вызовом в голосе поинтересовалась женщина, напрочь забыв, что категорически не хотела вступать с Поллианной ни в какие душеспасительные беседы и споры.

– Вы шутите, мэм?.. Да всё, буквально всё! – промолвила девочка, по-прежнему с недоумением глядя на миссис Кэрю. – Взять хоть ваш чудесный дом!

– Для меня это просто крыша над головой. Чтобы можно было спокойно есть и спать. Правда, ни есть, ни спать у меня тоже нет никакого желания...

– А как же все эти прекрасные вещи, которые вас окружают? – нерешительно напомнила девочка.

– Они мне надоели.

– А ваш шикарный автомобиль, который может умчать вас, куда вы только пожелаете?

– Не хочу я никуда ехать!

Поллианна даже ахнула от огорчения:

– Как так, мэм?! Ведь можно увидеть столько нового, познакомиться с интересными людьми!

– Меня они не интересуют, Поллианна.

И снова девочка онемела от удивления. Потом не на шутку опечалилась.

– Не понимаю, мэм, – сказала она. – Раньше, когда мы играли в эту игру, чем сложнее были обстоятельства, чем труднее было отыскать в них, чему можно порадоваться, и тем интереснее было в неё играть. А теперь, когда вокруг всё хорошо, я и сама не понимаю, как в неё играть.

Миссис Кэрю ничего не ответила и задумчиво посмотрела в окно. Постепенно раздражение, написанное у неё на лице, сменилось выражением бездонной грусти. Медленно повернувшись к девочке, она тихо промолвила:

– Не хотела говорить тебе об этом, Поллианна... Но сейчас решила рассказать. О том, почему меня ничто не радует...

И миссис Кэрю поведала о маленьком мальчике Джемми, который исчез из её жизни восемь лет тому назад, словно сквозь землю провалился.

– И с тех пор вы его ни разу не видели? – со слезами на глазах сочувственно спросила Поллианна, когда миссис Кэрю окончила свою

горькую исповедь.

– Ни разу.

– Но мы его найдём, мэм! Обязательно найдём!

Миссис Кэрю печально покачала головой:

– У меня уже нет сил. Я и так везде искала. Даже за границей.

– Но ведь не мог же он в самом деле провалиться сквозь землю!

– А что, если... его вообще нет в живых, Поллианна?

– Ах нет, нет, мэм! – всхлинула девочка. – Умоляю, не говорите так!

Давайте будем думать, что он жив! Это поможет нам его найти. Если мы будем уверены, что он жив, то поймём, где его нужно искать. Так гораздо лучше!

– И всё-таки, боюсь, его уже нет в живых, – прошептала миссис Кэрю.

– Как можно так говорить, если у вас нет никаких доказательств! – возмутилась девочка.

– У меня и правда их нет...

– Ну вот, тогда нужно думать, что с ним всё в порядке! – торжествующе подхватила Поллианна. – Раз у вас хватает фантазии представить, что он умер, значит, хватит, чтобы представить, что он жив. Во-первых, так будет гораздо лучше для вас, а во-вторых, так легче будет его искать. Вы согласны?.. Однажды мы непременно его найдём, мэм!.. Ну вот, мэм, – неожиданно подытожила она, – оказывается, у вас тоже есть причина играть в мою игру. Это Джемми. К примеру, можно постараться радоваться самой надежде, что когда-нибудь он отыщется. Понимаете?

Однако миссис Кэрю по-прежнему не желала ничего понимать. Она поднялась с кресла и с унылым видом промолвила:

– Увы, это не так, дитя! Ты просто не понимаешь... Ты не понимаешь... А теперь иди займись какими-нибудь своими делами. Почитай или ещё что-нибудь... У меня разболелась голова. Мне нужно немного полежать...

И, опечаленная, Поллианна вышла из комнаты.

Глава V

Поллианна идёт гулять

Знаменательная прогулка случилась во вторую субботу пребывания Поллианны у миссис Кэрю. До этого девочка ни разу не выходила на улицу одна – только в школу и из школы. Миссис Кэрю не запрещала этого: ей и в голову не могло прийти, что Поллианна решится лично исследовать улицы Бостона. Однако ещё в Белдигвилле Поллианна пристрастилась бродить по старым улочкам в поисках новых друзей и новых приключений.

Итак, днём в субботу, как обычно, миссис Кэрю сказала Поллианне:

– Иди, дитя, займись чем-нибудь! Делай что хочешь, только, ради бога, не задавай мне своих вопросов! На сегодня с меня хватит!

До сих пор Поллианна довольствовалась играми в доме, где было предостаточно неизведанных уголков и уголочков, куда она ещё не успела заглянуть. А если уж совсем нечем было заняться, девочка всегда могла поболтать о том о сём с Мэри, Дженни, Бриджет и Перкинсом.

Но именно сегодня у Мэри разболелась голова, Дженни была поглощена подгонкой новой шляпки, Бриджет занялась приготовлением яблочного пирога, а Перкинс вообще куда-то уехал. Не говоря уж о том, что прекрасный, солнечный сентябрьский денёк так и манил выйти из дома: не скучать же в четырёх стенах! И Поллианна отправилась на улицу.

Сначала девочка стояла на крыльце и молча рассматривала

проходящих мимо хорошо одетых дам и господ, барышень и детей. Некоторые из них неторопливо прогуливались по аллее, которая тянулась вдоль всего проспекта.

Немного погодя Поллианна не выдержала и, сбежав по ступенькам вниз, стала вертеть головой вправо-влево, размышляя, в какую бы сторону ей отправиться. День для прогулки выдался – лучше не придумаешь! Тем более что до сих пор она толком и не гуляла. Дорога в школу и обратно не в счёт. Поэтому она и решила поскорее восполнить это досадное упущение. Поллианна не сомневалась, что миссис Кэрю не стала бы возражать. В конце концов, та ведь сама сказала, чтобы Поллианна делала всё, что её душе угодно, лишь бы не приставала к ней с вопросами.

Так, в распоряжении девочки имелось целых полдня. Даже дух заваило от нетерпения. Сколько интересного можно сделать за это время! Да ещё в такой чудесный, погожий денёк!.. Что ж, почему бы не отправиться, например, в эту сторону?.. И Поллианна без колебаний двинулась вдоль по проспекту.

Всем, кто попадался ей навстречу, девочка приветливо улыбалась. Увы, никто из прохожих почему-то не спешил улыбаться в ответ. Ничего страшного, подумала девочка, должно быть, здесь, в Бостоне, свои обычаи. Как бы там ни было, Поллианна продолжала улыбаться каждому встречному в надежде, что кто-нибудь из них всё-таки улыбнётся.

Дом миссис Кэрю находился в самом начале проспекта Благоденствия, и очень скоро Поллианна оказалась на перекрёстке, не зная, куда повернуть дальше – направо или налево. Между тем прямо перед ней раскинулся городской парк, который Поллианна мысленно окрестила «садом».

Некоторое время, словно зачарованная, девочка созерцала эту чудесную достопримечательность. По наивности ей казалось, что парк – частная собственность, территория, принадлежавшая какому-нибудь богачу. Однажды, когда она лечилась в санатории, доктор Эймс взял её к одной пациентке, богатой леди, которая жила в шикарном доме, окружённом такими же чудесными деревьями и клумбами.

Поллианне ужасно хотелось перейти улицу и погулять по великолепному саду, но она боялась нарушить границу частных владений. Другие люди как ни в чём не бывало прохаживались по аллеям парка, но у них, наверное, имелось для этого специальное приглашение. Впрочем, когда Поллианна увидела, как две женщины, мужчина с ребёнком преспокойно прошли через открытые ворота, она решила последовать их примеру и, уловив удобный момент, перебежала через проспект и вошла

в парк.

Вблизи он оказался ещё чудеснее, чем издалека. Над головой чирикали птички, по тропинке прыгала белочка. На скамейках вдоль аллеи сидели мужчины, женщины, дети. За деревьями поблёскивала на солнце водная гладь. Откуда-то доносились весёлый детский гомон и звуки музыки.

И снова на Поллианну напала робость. Немного погодя, она набралась храбрости и спросила какую-то нарядно одетую молодую женщину:

- Простите, мэ, здесь что, какое-то празднование?
- Празднование? – удивилась женщина, недоуменно пожав плечами.
- Я в том смысле, ничего, что я нахожусь здесь? Это не запрещено?
- Запрещено?! Конечно нет! Это публичное место. Оно для всех!
- Вот здорово! – просияла Поллианна. – Как я рада, что зашла сюда!

Молодая женщина ничего не сказала, она лишь удивлённо покачала головой и пошла прочь. А Поллианна продолжила свой путь, размышляя о том, какой, должно быть, щедрый и добрый хозяин этого чудесного сада, устроивший праздник для всех желающих.

В конце аллеи Поллианна встретила красивенькую маленькую девочку, которая катила перед собой игрушечную коляску с куклой. Но не успела Поллианна заговорить с малышкой, как откуда ни возьмись к ним подлетела молодая женщина и принялась отчитывать девочку:

– Иди сейчас же сюда, Глэдис! Сколько раз мамочка говорила тебе не разговаривать с незнакомыми детьми!

– Какая же я незнакомая?! – обиженно сказала Поллианна. – Я теперь тоже живу в Бостоне, и я...

Но молодая женщина схватила малышку за руку и потащила за собой, и через мгновение обе исчезли в конце аллеи. А расстроенной Поллианне пришлось повернуть назад. Впрочем, уже через несколько шагов она улыбнулась и беспечно махнула рукой.

«Ну и ладно, – сказала она себе. – Я всё равно рада. Может быть, найду кого-нибудь поприветливее и посимпатичнее. Например Сюзи Смит или даже потерявшегося мальчика Джемми, о котором рассказывала миссис Кэрю... Могу же я хотя бы пофантазировать, помечтать об этом, разве нет? – продолжала рассуждать девочка сама с собой. – А если не найду, то встречу кого-нибудь ещё. Ведь вокруг столько чудесных людей!»

В душе Поллианна чувствовала себя одинокой. Её воспитал отец, в маленьком городке на Дальнем Западе она жила с дамами из благотворительного комитета. Она привыкла считать, что каждый дом в городке родной, а все люди вокруг, взрослые и дети, – её друзья. В одиннадцать лет Поллианна переехала к тётушке в Вермонт. Несмотря

на то что внешне условия жизни сильно изменились и здесь были другие дома, другие люди, она по-прежнему считала их родными. Более того, ей казалось, что это даже к лучшему: у неё появилась возможность расширить круг друзей, а новых, незнакомых людей она была готова полюбить так же сильно, как и тех, кого знала прежде.

Поселившись в Белдигвилле, Поллианна обожала гулять по городку и окрестностям и заводить новые знакомства. Поэтому оказавшись в Бостоне и увидев, какой он огромный, сколько в нём разных людей, девочка обрадовалась ещё больше: здесь перед ней открывалось столько новых возможностей! Жаль только, что она не отправилась на прогулку раньше! Целых две недели пропали даром! За это время она не завела ни одного знакомства в городе – даже с соседями, которые жили через дорогу от дома миссис Кэрю. А ещё её удивляло, что у самой миссис Кэрю так мало знакомых, она даже не знала своих ближайших соседей. Что ещё удивительнее, миссис Кэрю нимало к этому не стремилась. А когда Поллианна пыталась ей это объяснить, только равнодушно отмахивалась.

– Мне они совершенно неинтересны, Поллианна, – говорила миссис Кэрю.

Как ни старалась девочка изменить отношение миссис Кэрю к жизни, всё было напрасно. Теперешняя жизнь – унылая и одинокая – миссис Кэрю вполне устраивала.

На сегодняшнюю прогулку Поллианна возлагала большие надежды. Правда, начало прогулки пока нельзя было назвать удачным. Люди вокруг казались Поллианне симпатичными, но, к сожалению, среди них не попадалось ни одного знакомого. А как познакомиться с ними – девочка не знала. К тому же сами они явно к этому не стремились. В ушах Поллианны, как эхо, всё ещё звенела эта фраза про «незнакомых детей», когда молодая женщина утащила прочь малышку с куклой...

Но Поллианну было не так-то просто привести в уныние. Девочка твёрдо решила, что должна во что бы то ни стало доказать всем, что никакая она не «незнакомая» и не «чужая», и бодро зашагала дальше.

Навстречу попалась ещё одна дама, и Поллианна, приветливо улыбнувшись, обратилась к ней со словами:

– Не правда ли, прекрасный день, мэм?

– Что-что? Прекрасный день? – невнятно пробормотала дама.

И торопливо пробежала мимо.

Дважды Поллианна повторяла этот эксперимент, но, увы, с тем же результатом. Вскоре она вышла к маленькому пруду, который поплёскивал

из-за деревьев. О, это был чудесный пруд! Множество маленьких лодочек скользили по его поверхности, и в каждой из них смеялись счастливые дети. Глядя на детей, Поллианна всё острее чувствовала собственное одиночество.

Заметив какого-то мужчину, сидящего неподалёку, девочка подошла и осторожно присела на противоположный край скамейки. В другое время она бы не задумываясь подвинулась к нему поближе и, весело поздоровавшись, предложила познакомиться, не сомневаясь, что незнакомец с радостью согласится. Но теперь, после неудачных попыток познакомиться, она немного оробела и только незаметно поглядывала на соседа.

Внешний вид незнакомца, прямо скажем, оставлял желать лучшего. Одежда, хоть и новая, была покрыта пылью, а сам он был какой-то неухоженный. Девочка понятия не имела, что таким костюмом, как у него, американское правительство снабжает каждого выходящего из тюрьмы человека. Одутловатое лицо мужчины было бледным, а щёки покрывала недельная щетина. Шляпа надвинута низко на глаза. Он сидел, засунув руки в карманы, и лениво поглядывал по сторонам.

Некоторое время Поллианна не решалась ничего сказать, но потом промолвила:

– Чудесный день, сэр, не правда ли?

Мужчина порывисто оглянулся на неё.

– А? Что ты сказала? – пробормотал он не то удивлённо, не то испуганно, словно не понимая, почему она решила обратиться именно к нему.

– Я сказала, что сегодня чудесный день, – поспешно повторила Поллианна. – Но я это просто так сказала. То есть я, конечно, рада, что сегодня чудесный день, но вообще-то только хотела познакомиться. Я всегда говорю это, когда не знаю, с чего начать... Мне просто захотелось с кем-нибудь поговорить...

Мужчина хрипло усмехнулся. Его смех показался девочке каким-то странным – она ведь не знала, что за несколько месяцев он вообще отвык улыбаться или смеяться.

– Значит, тебе пришла охота поговорить и ты решила поговорить со мной? – надтреснутым голосом пробормотал незнакомец. – Не знаю, как это у нас получится, но я готов... Хотя и не понимаю, зачем такой симпатичной юной леди вроде тебя заводить разговор с каким-то старым хрычом вроде меня...

– Просто мне нравится говорить со старыми хрычами, – поспешила

заверить его девочка. – То есть я хотела сказать, что я люблю разговаривать с пожилыми людьми, а что означает слово «хрыч» я вообще не знаю. Может, это что-то обидное?.. Что ж, если вы действительно «хрыч», то, значит, хрычи очень даже симпатичные люди. Вы, во всяком случае, очень симпатичный, – завершила незнакомца немного осмелевшая Поллианна.

– Хм-м! Ты что, хочешь ко мне подольститься? – недоверчиво усмехнулся мужчина.

Как бы то ни было, после слов Поллианны он переменял положение – не сидел, развалившись на скамейке, а заметно подтянулся и выпрямился.

– Побей меня Бог, не представляю, о чём мы с тобой можем говорить!

– Ну, для меня это совсем не важно, – просияв, воскликнула Поллианна. – Я имею в виду сам предмет нашей беседы... Тётушка Полли, например, уверена, о чём бы я ни говорила, непременно съеду на рассказы о моих дамах из женского благотворительного комитета. Это всё потому, что я у них раньше воспитывалась... Но мы с вами можем поговорить о сегодняшнем празднике. Сегодня здесь чудесное гулянье. Я ужасно рада, что могу теперь кому-то об этом сказать...

– Праздник? Гулянье? – недоуменно покачал головой мужчина.

– А разве нет? Все эти люди, которые собрались здесь... Разве они пришли не на праздник? Одна леди сказала, что он здесь для всех, и я тоже могу остаться. Только я не понимаю, кто его устроил.

Мужчина косо усмехнулся.

– Что ж, юная леди, – кивнул он, – в каком-то смысле это действительно праздник и гулянье... Только его устроитель – город Бостон. Ведь этот парк – публичный парк, городской сад. Для всех людей. Понимаешь?

– Надо же! И так здесь всегда? Я могу приходить сюда в любое время? – изумилась Поллианна. – Вот здорово! Я такого и представить не могла! Даже подумала, что завтра здесь уже ничего этого не будет, никаких гуляний... Ах, как я рада! Я здесь только первый раз, и поэтому всё кажется таким шикарным и удивительным. Когда человек ещё не знает, что к чему, ему всё кажется удивительным и прекрасным, верно?

– Может быть, может быть, – согласился мужчина и, покачав головой, печально прибавил: – Если, конечно, потом не окажется, что всё совсем не так...

– Да, наверное, – кивнула девочка, не замечая его печального тона. – Но сегодня здесь чудесно, правда? – воскликнула она с сияющими от радости глазами. – Интересно, знает ли миссис Кэрю о том, как здесь хорошо. Наверное, люди обожают ходить сюда и любоваться праздником.

Лицо мужчины потемнело ещё больше.

– Вообще-то большинство людей в это время, – заметил он, – находятся на работе. Только у некоторых бездельников вроде меня уйма времени, чтобы шататься по паркам и глазеть на гулянья...

– Вот как! – рассмеялась Поллианна. – Тогда вы, должно быть, чувствуете себя ужасно счастливым.

Мужчина нахмурился, хотел что-то сказать, но потом передумал.

– Будь моя воля, – продолжала щебетать Поллианна, – я бы здесь целыми днями гуляла. Но, к сожалению, нужно ходить в школу. Хотя школа мне тоже нравится... Конечно, в мире много вещей, куда приятнее учёбы... Я люблю ходить в школу ещё и потому, что прошлой зимой думала, что никогда вообще не смогу ходить – не то что в школу... Дело в том, что у меня парализовало ноги и я не могла двигаться. Знаете, пока вы чего-нибудь не лишитесь, трудно представить, насколько это для вас важно. Так и с ногами... Я уж не говорю про глаза. Вы когда-нибудь задумывались, какое это счастье иметь здоровые глаза? Раньше я тоже никогда этого не понимала. Но, когда была в санатории, познакомилась с одной дамой, которая вот уже целый год как потеряла зрение. Я пыталась научить её своей игре, помочь найти хоть что-нибудь, чему можно порадоваться, но она заявила, что это выше её сил. Она сказала, если я хочу понять, что она чувствует, могу попробовать хотя бы на один час завязать глаза платком... Я так и сделала. О, это было ужасно!

Вы никогда не пробовали завязывать себе глаза на целый час?

– Вообще-то нет, – не то удивлённо, не то раздражённо пробормотал мужчина.

– И не нужно. Это очень неприятно. Вы становитесь абсолютно беспомощным. Нельзя сделать ничего, что вы хотите. И всё-таки я носила повязку целый час. С тех пор стала относиться ко многим вещам совершенно иначе, и когда вспоминаю, что у меня есть глаза, мне хочется плакать от счастья... Теперь та слепая леди тоже стала играть в мою игру. Мисс Уитерби написала мне об этом...

– Что ещё за игра такая?

– Её смысл в том, чтобы найти радость. Разве я вам ещё не рассказала? В любой трудной ситуации нужно попытаться отыскать что-то хорошее, что-нибудь, чему можно порадоваться. И та женщина, она тоже поняла, чему можно радоваться. Причём именно благодаря тому, что ослепла. Дело в том, что её муж юрист, работает в законодательном собрании, и женщина стала объяснять ему, что нужен специальный закон, который помогал бы незрячим людям, особенно слепым детям. Потом даже сама пришла в эту

комиссию, чтобы объяснить законодателям, что значит быть слепым. В результате они приняли этот закон, и люди из законодательного собрания очень благодарили женщину за помощь, говоря, что, если б не она, они бы вообще не смогли разработать этот нужный закон. Что в этом смысле она сделала даже больше, чем её муж-юрист. Вот теперь она и радуется тому, что ослепла, – иначе не смогла бы помочь другим слепым людям. И в первую очередь детям... Вот видите, получается, что это – продолжение моей игры... Ах да, ведь вы ещё не знаете, откуда взялась моя игра! – спохватилась Поллианна. – Я вам всё объясню. Это началось с того, как...

И девочка принялась с горящими глазами рассказывать незнакомцу всю свою историю: про детские костыли, про куклу, в общем, про всё, что произошло с ней много лет назад...

Когда она закончила, воцарилось молчание. Вдруг мужчина порывисто поднялся со скамейки.

– Вы что, уже уходите? – огорчилась Поллианна.

– Ухожу, – со странной улыбкой кивнул мужчина.

– Но вы ещё будете сюда приходить? Хотя бы иногда?

Он отрицательно покачал головой. Потом снова улыбнулся.

– Надеюсь, что нет, малышка. Понимаешь, сегодня я сделал одно очень

важное открытие. Мне казалось, что я конченный человек. Самый несчастный... Но вот выяснилось, что у меня есть глаза, пара здоровых рук и пара ног. Я решил, что нужно поскорее найти им достойное применение... И я уже знаю какое.

С этими словами мужчина быстро пошёл прочь и скоро скрылся из вида.

– Надо же какой забавный! – пробормотала Поллианна. – И очень мне понравился. Хотя и странный немножко...

И, поднявшись со скамейки, продолжила прогулку по парку.

Теперь Поллианна снова чувствовала себя уверенной и радостной. К тому же мужчина подтвердил, что чудесный парк – место для публичного гулянья, а значит, и она имеет полное право гулять здесь, как и все прочие.

Подойдя к пруду, Поллианна прошла по мостику и оказалась возле причала с лодочками. Некоторое время она разглядывала счастливую детвору: а вдруг промелькнут тёмные кудри Сюзи Смит?.. Она и сама была не прочь прокатиться на красивой лодочке, но надпись гласила, что одна прогулка стоит целых пять центов, а у неё с собой вообще не было денег. Несколько раз она с надеждой заглядывала в глаза незнакомым дамам, пыталась вежливо с ними заговорить. Ей отвечали холодно и односложно или вообще игнорировали.

Через некоторое время Поллианна ушла с пруда и отправилась гулять по другой аллее. Здесь она встретила мальчика с бледным лицом, который сидел в инвалидном кресле-коляске. Она хотела с ним заговорить, но мальчик уткнулся в книжку, и ей пришлось отправиться дальше. Ещё немного погодя она увидела молоденькую миловидную девушку, сидевшую с грустным видом в полном одиночестве. Как и давешний незнакомец на скамейке, девушка рассеянно смотрела в пустоту. Просияв от радости, Поллианна устремила к ней.

– Здравствуйте! Как я рада, что нашла вас! – воскликнула она, усаживаясь рядом на скамейку. – Я уже давно вас разыскиваю!

Девушка с готовностью обернулась, но в следующую секунду разочарованно покачала головой.

– Ты меня напугала! – поморщившись, пробормотала она. – Я думала, что это... Что тебе надо? Разве мы знакомы? В жизни тебя не видела!

– Нет, нет, мы ещё незнакомы, – с улыбкой покачала головой Поллианна, – но всё равно я вас искала! То есть не то чтобы именно вас. Но всё-таки я вас так себе и представляла. Просто мне хотелось встретить кого-нибудь, кто скучает, как вы, в одиночестве, кому не с кем поговорить. Ну, как мне самой! А сегодня все люди здесь гуляют семьями или парами.

Вы меня понимаете?

– Понимаю, понимаю, – равнодушно кивнула девушка. – И вот что я тебе скажу, девочка, – продолжала она, – тебе ещё предстоит сделать в жизни одно очень неприятное открытие...

– Неприятное? Какое? – удивилась Поллианна.

– Что человек больше всего чувствует себя одиноким именно в толпе людей! Особенно в большом городе!

Поллианна сдвинула брови и задумалась.

– Вот как! – пробормотала она. – Неужели? Не понимаю, как можно почувствовать себя одиноким, когда вокруг столько людей!.. А впрочем... – вздохнула она, – возможно, вы правы! Сегодня мне действительно очень одиноко, хотя вокруг столько людей. Но, кажется, они меня вообще не замечают. Как будто я пустое место...

Девушка горестно усмехнулась.

– Вот-вот! Об этом я и говорю! Всей этой толпе нет никакого дела до отдельного человека...

– Но не все же такие бессердечные! К счастью, есть и другие люди, – возразила Поллианна и снова улыбнулась. – Поэтому я и...

– Ну да, не все, – перебила её девушка, которая пристально вглядывалась в проходящих людей. Поллианне показалось, что девушка дрожит, словно от холода. – Есть и другие. Но и они не лучше.

Поллианна вздрогнула. Не слишком ли много обид за одну прогулку?

– Вы на меня намекаете? – обиженно пробормотала она. – Вы недовольны, что я подошла и заговорила с вами?

– Нет-нет, девочка! В данном случае я говорю не о тебе. Те другие совсем не похожи на тебя. Им до меня вообще нет никакого дела. Я рада, что ты со мной заговорила. Только сначала подумала, что... ты из моих родных краев...

– Значит, вы тоже нездешняя? Я имею в виду – не всегда здесь жили?

– Ну да, теперь-то я живу здесь, – со вздохом сказала девушка. – Если, конечно, это вообще можно называть жизнью.

– А чем вы занимаетесь? – любопытствовала Поллианна.

– Чем занимаюсь? Если тебе действительно интересно, я расскажу! – воскликнула девушка с ещё большей горечью в голосе. – Всю неделю с утра до позднего вечера я стою за прилавком и продаю кружева и банты – девушкам, которые веселы и счастливы, у которых здесь друзья, свои компании. А после работы иду домой в свою жалкую комнатёнку на чердаке. Такую маленькую, что в ней помещается только кровать, стул и табуретка с оловянным кувшином для умывания. Летом там жара, словно

в духовке, а зимой холод, как в погребе. Но другого жилья я не могу себе позволить... А сегодня я вышла немного прогуляться в парк. Только чтобы не сидеть в этой ужасной комнате! Не в библиотеку же мне идти! У меня сегодня полдня выходного. Последний выходной в этом году. И я очень хочу провести эти полдня весело. Ведь я ещё молода, мне хочется смеяться, шутить, как те другие счастливые девушки, которым я целыми днями продаю банты... И я непременно проведу их весело!

– Как здорово, что вы в таком бодром расположении духа! – с улыбкой кивнула Поллианна. – Я тоже хочу радоваться жизни! Ведь радоваться жизни – значит быть счастливой, вы согласны? Даже в Библии написано: «Возрадуйтесь и возвеселитесь!» Об этом там говорится целых восемьсот раз!

Вы, наверно, знаете, что эти места в Библии называются «стихами радости»...

Но девушка отрицательно покачала головой. На её лице появилось странное выражение.

– Нет, не знаю, – сухо сказала она. – Честно говоря, мне вообще не до Библии.

– Как так? – удивилась Поллианна. – А впрочем, всё может быть. Что касается меня, то мой папа был пастором, поэтому я...

– Твой папа был пастором? – оживилась девушка.

– Ну да. А что, ваш папа тоже? – радостно воскликнула Поллианна.

– Д-да... – смущённо пробормотала девушка и густо покраснела.

– Он тоже улетел на небо к Богу и ангелам?

Девушка отвела взгляд.

– Нет, мой отец жив и здоров. Он там... дома... – чуть слышно промолвила она.

– Какая вы счастливая! – вздохнула Поллианна. – А я вот часто мечтаю увидеть папу хотя бы на одну секундочку... А вы часто видите со своим папой?

– Я бы так не сказала... Ведь он там, а я здесь...

– Что ж, у вас хотя бы есть такая возможность. А у меня её нет, – печально продолжала Поллианна. – Мой папа улетел на небо вместе с мамочкой... А ваша мама, она жива?

– Д-да... – пробормотала девушка, ещё беспокойнее заёрзав на скамейке, словно порываясь встать и уйти.

– Значит, у вас есть и папа и мама... – едва слышно, с неопишуемой грустью прошептала Поллианна. – Какая вы, должно быть, счастливая! Ведь никто так не любит и не заботится о нас, как наши папы и мамы!

Уж я-то знаю! Я потеряла папу, когда мне было одиннадцать лет. Сначала я жила с дамами из женского благотворительного комитета, а потом меня забрала к себе тётушка Полли. Дамы были очень добрыми, но всё равно мама и папа добрее! Даже добрее, чем тётушка Полли! А ещё...

Поллианна щебетала почти без остановки. Теперь, когда ей удалось разговаривать с девушкой, она почувствовала себя в своей тарелке. Она обожала болтать с людьми. Ей даже в голову не приходило, что это довольно странно – разговаривать в бостонском парке с совершенно незнакомым человеком и с ходу начать делиться самыми задушевными мыслями. Поллианне было совершенно всё равно, кто перед ней, – знакомый человек или нет. В каждом она видела друга. С незнакомыми людьми ей даже нравилось общаться больше: ведь в каждом незнакомом человеке таилась своя загадка, которую предстояло разгадать. Каждый новый человек был для неё словно новое, удивительное путешествие в неизведанные страны...

Так и с этой молодой девушкой Поллианна без стеснения говорила о своём отце, тётушке Полли, о доме в Вермонте, друзьях и знакомых. И конечно, рассказала об игре. Рано или поздно она всегда рассказывала о ней каждому новому знакомому. Да и как не рассказать о том, что, по сути, было частью её самой.

Впрочем, на этот раз Поллианна не стала пускаться в подробные объяснения. Её новая знакомая была явно чем-то встревожена или расстроена – то краснела, то хмурилась, то впадала в задумчивость. Казалось, у неё в душе идёт какая-то внутренняя борьба. То и дело она переводила взгляд на дорожку и жадно кого-то высматривала. В такие моменты, сама того не замечая, девушка взволнованно сжимала руку Поллианны.

– Вот что, малышка! Ты сейчас не оставляй меня одну, ладно? Никуда не уходи, договорились? Я жду здесь одного человека. Пожалуйста, не обращай внимания на то, что он будет говорить. Просто никуда не уходи, не оставляй меня с ним одну. Мне нужно, чтобы ты была рядом! Понимаешь?

Не успела Поллианна ответить, как увидела перед собой симпатичного молодого человека, который подошёл к скамейке и, обратившись к девушке, сказал:

– А вот и я! – И галантно приподнял шляпу. – Прошу прощения, я немного опоздал...

– Ничего страшно, сэр, – поспешно ответила девушка. – Я всё равно... я передумала идти...

Молодой человек усмехнулся и беспечно покачал головой.

– Ну-ну, радость моя! – сказал он. – Нельзя же сердиться на парня только за то, что он немного опоздал!

– Дело совсем не в этом, – возразила девушка и снова покраснела. – Просто... я не хочу идти. Вот и всё...

– Что за глупости! – Молодой человек перестал улыбаться. – Вчера ты обещала пойти, – резким тоном напомнил он.

– Да, я знаю. Но сегодня передумала. Я пообещала моей маленькой подруге, что останусь с ней.

– Нет, что вы, – начала Поллианна, с беспокойством глядя на девушку, – если вы хотите пойти гулять с этим молодым джентльменом...

Но, увидев умоляющий взгляд девушки, вспомнила, о чём та её просила, и умолкла.

– Не пойму, почему такая неожиданная перемена? – нетерпеливо проворчал молодой человек. Теперь он не казался Поллианне таким симпатичным, как в первый момент. – Ведь только вчера ты говорила, что...

– Говорила, да, – прервала девушка, вся затрепетав. – Но уже вчера я знала, что мне не следует этого делать. Поэтому можешь считать, что я передумала. И хватит об этом! – решительно заявила она и отвернулась.

Но молодой человек не унимался. Он уговаривал, упрашивал. В его глазах сверкала неприкрытая ярость. В конце концов он сказал что-то очень злое, но Поллианна не поняла. Через мгновение он развернулся и зашагал прочь.

Девушка напряжённо смотрела ему вслед, пока он не скрылся в конце аллеи, потом положила дрожащую ладонь на руку Поллианны.

– Спасибо, малышка! Я тебе так благодарна, ты даже не представляешь! А теперь – прощай!

– Нет! – ахнула от огорчения Поллианна. – Неужели вы так и уйдёте?

– Ничего не поделаешь, – устало вздохнула девушка. – Он ведь может вернуться, и тогда у меня уже не будет сил ему отказать...

И она поспешно поднялась со скамейки. Ещё секунду-другую она колебалась, потом отрывисто, с горечью промолвила:

– Понимаешь, он из тех, кто видит людей насквозь. По крайней мере меня...

И ушла.

– Какая странная девушка, – пробормотала Поллианна, глядя ей

вслед. – Такая симпатичная и такая странная...

Потом тоже поднялась со скамейки и неторопливо двинулась дальше.

Глава VI

Джерри приходит на помощь

Довольно скоро Поллианна оказалась на перекрёстке – там, где кончался парк и сходились две улицы. Перекрёсток необычайно заинтересовал девочку: здесь сновали автомобили, повозки, экипажи, а также толпой перебежали прохожие. Потом внимание девочки привлекла аптечная витрина, где красовался гигантский красный пузырьк. Откуда-то издали доносились завораживающие звуки шарманки. Мгновение-другое Поллианна не знала, на что решиться, куда отправиться, но потом беспечно пересекла улицу и устремилась туда, откуда звучала чудесная музыка. Скоро она увидела толпу приплясывающих ребятишек и заинтересовалась ещё больше. Некоторое время, как и они, шла следом за шарманщиком, радуясь весёлому развлечению. А ещё немного погодя оказалась на углу улицы с таким большим движением, что какой-то человек в голубом мундире с ремнём помогал людям переходить с одной стороны на другую. Минуту-другую как зачарованная она наблюдала за регулировщиком, а затем сама двинулась через улицу. О, это было целое приключение! Человек в голубом мундире сразу её увидел и приветливо помахал рукой. Даже устремился ей навстречу. Поллианна торжественно проследовала через улицу, пока по обеим сторонам замерли в ожидании нетерпеливо рычащие автомобили и ржущие лошади. Это было так здорово, что, оказавшись на другой стороне, она тут же повернула назад – чтобы снова

пересечь улицу. Два раза подряд она повторяла эту изумительную процедуру, и оба раза регулировщик одним взмахом руки, словно по мановению волшебной палочки, перекрывал уличное движение. Он был похож на дирижёра. На третий раз регулировщик схватил Поллианну за руку и, вытащив на тротуар, рассерженно поинтересовался:

– Послушай, малышка, кажется, ты переходила улицу всего минуту назад! Зачем ты бегаешь туда-сюда?

– Не совсем так, сэр, – ответила сияющая Поллианна. – Я перехожу улицу уже в четвёртый раз!

– Ну и ну!.. – с упрёком сказал полисмен, но Поллианна затараторила без остановки:

– И каждый раз интереснее и интереснее!

– Да что ты! Неужели? – Мужчина сдвинул брови. Казалось, он вот-вот лопнет от возмущения. – Ты что, думаешь, мне больше нечем заняться, кроме как переводить тебя туда-сюда?

– Ах, простите, сэр! – смутилась Поллианна. – Я так не думаю. Просто не смогла удержаться. Я ведь знаю, кто вы такой. Вы полицейский. Около нашего дома тоже есть полисмен. То есть около дома, где живёт миссис Кэрю. А я просто приехала к ней в гости. Только тот полицейский не стоит посреди улицы, а ходит взад-вперёд по тротуару. Раньше я думала, что полицейские – это солдаты. Потому что носят мундиры с золотыми пуговицами и синие шляпы. Но теперь я знаю, как на самом деле. Конечно, вы похожи на солдат ещё и потому, что вы тоже храбрые. Ведь нужно быть большим храбрецом, чтобы, как вы, стоять посреди улицы, когда мимо проносятся машины, да ещё помогать людям переходить на другую сторону.

– Хо-хо-хо! – оглушительно загоготал полисмен. Он развеселился, как ребёнок, и хохотал от всей души. – Хо-хо-хо! Ты говоришь, что я похож на...

Но в следующую секунду ему пришлось взять себя в руки и снова стать серьёзным, чтобы перевести через дорогу какую-то перепуганную старенькую леди. Правда, на этот раз он шествовал с гордым видом – выпятив колесом грудь и триумфально поглядывая по сторонам. И всё это время Поллианна с восторгом наблюдала за его работой. Переведя через дорогу старушку и пустив по улице поток машин, регулировщик снова подошёл к девочке.

– Ах, сэр, вы неподражаемы! – с сияющим видом снова воскликнула Поллианна. – На вас можно смотреть бесконечно! Это напоминает мне переход народа Израиля через Красное море, когда морские волны

разошлись в обе стороны и замерли, словно две высокие стены, пока люди шли по морскому дну. Могу себе представить, как вы счастливы, что у вас такая работа. Раньше я думала, что самая лучшая работа у врачей, а теперь вижу, что быть полисменом гораздо веселее. Ведь вы помогаете перепуганным людям на дороге.

Ах, как это...

– Хо-хо-хо! – снова загоготал регулировщик, возвращаясь в гущу машин посреди улицы.

Оставшись на тротуаре одна, Поллианна ещё некоторое время любовалась, как народ Израиля переходит через Красное море, а затем со вздохом зашагала дальше.

«Пожалуй, пора возвращаться домой, – рассуждала она про себя. – Наверное, уже обед...»

И, круто развернувшись, поспешила в обратную сторону.

Несколько раз Поллианна останавливалась, не зная, в какую сторону свернуть. Наугад выбирала дорогу и шла дальше. Но скоро стала подозревать, что «вернуться домой» – не такое простое дело, как представлялось раньше. Наконец она остановилась перед зданием, которого она точно раньше не видела, и только теперь поняла, что окончательно заблудилась.

Улица была узкой, грязной, с выбоинами. По обеим сторонам – обшарпанные доходные дома и несколько дешёвых магазинчиков. Вокруг мужчины и женщины, лопочущие словно на каком-то тарабарском наречии. Ни слова не разберёшь. Но что самое неприятное: люди провожали её хмурыми взглядами, какими провожают чужаков. Не раз она пыталась узнать дорогу, но всё напрасно. Судя по всему, никто и понятия не имел, где живёт миссис Кэрю. Несколько раз ей отвечали на каком-то незнакомом наречии. Она решила, что это датский. Поскольку единственная семья иностранцев, с которой она была знакома в Белдингвилле, переселилась туда из Дании.

Поллианна понуро брела, переходя с улицы на улицу, из переулка в переулочек. Ей сделалось страшно. Хотелось есть. И она чуть не падала от усталости. Ноги ныли, глаза пекло от подступавших слёз. Но что ещё хуже – быстро темнело.

«Ну и что, что я потерялась! – привычно пыталась подбодрить она себя. – Зато когда меня найдут, то-то будет радости!»

Наконец она остановилась на перекрёстке двух оживлённых улиц. На неё нахлынуло отчаяние. Сдерживать слёзы больше не было сил – и они полились из глаз ручьём. Платка у неё не было, и слёзы приходилось

размазывать по щекам ладошками.

– Эй, малышка, почему ты плачешь? – послышался рядом весёлый голос. – Что случилось?

С радостным всхлипом Поллианна обернулась и увидела мальчика с толстой пачкой газет под мышкой.

– Как я рада, что встретила тебя! – воскликнула она. – Здесь все говорят по-датски!

Мальчик усмехнулся.

– Какой ещё датский? – фыркнул он. – Это итальянский!

Поллианна задумчиво покачала головой.

– В любом случае не английский, – промолвила она. – И меня здесь абсолютно никто не понимает. Не могут ответить ни на один мой вопрос.

Может быть, ты мне поможешь? Ты знаешь, где живёт миссис Кэрю?

– Понятия не имею!

– Как так? – удивилась Поллианна, недоверчиво глядя на мальчика.

Он снова усмехнулся.

– Понятия не имею, кто она вообще такая, – повторил он. – Я с ней даже незнаком.

– А ты не знаешь, у кого можно спросить, где она живёт? – взмолилась Поллианна. – Понимаешь, я вышла погулять и потерялась. Я забрела так далеко, что не могу найти свой дом. А ведь уже время ужинать. К тому же совсем темно. Мне нужно побыстрее вернуться. Я хочу домой!

– Надо же, какая жалость, – хмыкнул мальчик.

– Конечно! Представляю, как, наверно, волнуется миссис Кэрю, – вздохнула девочка.

– Да уж, было бы о ком волноваться! – неожиданно усмехнулся мальчик. – Слушай, а ты хоть помнишь, как называется твоя улица?

– Н-нет... Кажется, какой-то там проспект... – растерянно пожала плечами Поллианна.

– Проспект? Ну, вспомни хоть что-нибудь! Тогда мы найдём дорогу.

А какой номер дома? Ты помнишь? Давай, напряги свои извилины!

– Мои извилины? Какие ещё извилины? – недоумённо пробормотала Поллианна, потрогав рукой свою голову.

Мальчик презрительно присвистнул:

– Ты что, с луны свалилась? Может, ты дурочка? Как можно не знать номер своего дома?

– Я только помню, что там была цифра семь, – с надеждой сказала Поллианна.

– Нет, вы только послушайте! – насмешливо воскликнул мальчик. –

Там, оказывается, есть цифра семь! Может, ты думаешь, что я знаю, как выглядят все дома, в номерах которых есть эта цифра?!

– Если я увижу его, я сразу узнаю. Обязательно, – заверила мальчика Поллианна. – И улицу я тоже узнаю. Там такой красивый зелёный сквер – прямо посреди дороги...

Мальчик задумчиво наморщил лоб.

– Зелёный сквер? – пробормотал он. – Посреди дороги?

– Ну да! Деревья, трава. Там можно гулять, и есть скамейки. А ещё...

– Кажется, я знаю! – перебил её мальчик. – Похоже на проспект Благоденствия. Стало быть, ты живёшь там... Ну что, вспомнила? Ну у тебя вообще есть извилины?

– Да, кажется, он так называется, – задумчиво кивнула Поллианна. – По крайней мере, звучит похоже. А про какие извилины ты всё время говоришь? Там на проспекте нет никаких извилин. Наоборот, всё ровно и аккуратно подстрижено...

– Это у тебя в голове, похоже, нет извилин! – усмехнулся мальчик. – В любом случае я знаю, где твой проспект. Я каждый день ношу туда газету «Гардиан». И могу тебя туда отвести. Только тебе придётся немного подождать, пока я тут кое-что не доделаю. Мне нужно распродать газеты. Потом я тебя отведу. И глазом не успеешь моргнуть!

– Ты отведёшь меня домой? – переспросила Поллианна, ещё не веря своему счастью. – Правда?

– Зуб даю! Если, конечно, ты вспомнишь, как выглядит дом.

– Да, дом я хорошо помню, – заверила девочка. – Только зачем мне твой зуб? – удивилась она. – Тебе он и самому пригодится...

Но мальчик лишь смерил её ещё одним насмешливым взглядом и нырнул в самую гущу прохожих. Секунду спустя раздались его пронзительные призывы:

– Газеты, свежие газеты! «Геральд», «Глобус»! Покупайте газеты!

Облегчённо вздохнув, Поллианна отошла в сторонку и стала ждать.

Она едва не падала с ног от усталости, но была счастлива. Несмотря на их странное знакомство, она целиком и полностью доверяла мальчику, который обещал отвести её домой.

«Ах какой милый! Какой замечательный мальчик! – говорила она себе, следя за маленьким газетчиком, стремительно протискивавшимся сквозь толпу. – Вот только произношение у него какое-то чудное. Слова вроде английские, а понять мудрёно. Всё равно я рада, что его встретила», – решила она.

Довольно скоро мальчик вернулся назад. На этот раз без пачки газет.

– Пошли, малышка! Айда на проспект! – весело сказал он. – Держи хвост пистолетом! Я бы, конечно, подбросил тебя на тачке, но сегодня не при капусте. Придётся шлёпать на пятом номере...

По дороге они почти не разговаривали. Поллианна так устала, что у неё не было сил даже рассказать про своих любимых дам из благотворительного комитета. Что касается маленького газетчика, то он был занят тем, что сосредоточенно выбирал дорогу покороче.

Когда показался городской сад, Поллианна радостно воскликнула:

– Мы почти пришли. Я помню этот парк. Сегодня днём здесь было так весело! Отсюда до моего дома теперь рукой подать.

– Ну вот, а я тебе что говорил, – просияв, сказал мальчик. – Обещал привести и привёл! Теперь пойдём прямо через парк, чтобы срезать дорогу до проспекта. А уж там найдём и твой дом...

– Теперь я уже могу найти его сама, – радостно сказала Поллианна, оказавшись на знакомой улице.

Было уже совсем темно, когда Поллианна подошла к крыльцу миссис Кэрю. Мальчик позвонил в дверь, которая мгновенно распахнулась, и на крыльцо, кроме самой миссис Кэрю, тут же высыпали взволнованные Мэри, Бриджет и Дженни. На женщинах лица не было.

– Ах, дитя моё, куда ты пропала! – простонала миссис Кэрю, бросаясь к Поллианне.

– Я просто... ходила погулять, – начала Поллианна. – Потом потерялась, а этот мальчик...

– Где ты её нашёл? – прервала её миссис Кэрю, поворачиваясь к маленькому газетчику, который с любопытством заглядывал в ярко освещённую богатую прихожую. – Я спрашиваю, где ты её нашёл, мальчик? – резко повторила дама.

Мальчик спокойно взглянул ей в глаза. Разве что слегка насмешливо.

– Я встретил её на площади Боудойн, – с достоинством сказал он. – Кажется, она направлялась в сторону Норт-Энда. У неё не тамошний акцент, и на неё смотрели как на чужачку. Поэтому мне пришлось её проводить, мэм.

– Одна в Норт-Энде! Ах, Поллианна! – в ужасе воскликнула миссис Кэрю.

– Почему? Я была не одна, мэм! Вокруг было много народа, – возразила девочка. – Вот, спросите этого мальчика!

Она оглянулась за поддержкой к маленькому газетчику, но того уже и след простыл.

В следующие полчаса Поллианне пришлось выслушать целую лекцию о том, что маленьким девочкам не следует ходить одним по незнакомым улицам большого города, а тем более подсаживаться и разговаривать с незнакомыми людьми в парке. Миссис Кэрю объяснила ей, что такая непростительная беспечность могла привести к печальным последствиям, и только благодаря счастливому стечению обстоятельств ей удалось избежать неприятностей и благополучно вернуться домой.

– Заруби себе на носу, Поллианна, Бостон – это тебе не Белдингвилль!

– Ах, миссис Кэрю, – пробормотала девочка, пытаясь хоть как-то оправдаться, – ведь я, слава Богу, всё-таки не потерялась! Я нашлась! Значит, нужно радоваться!

– Я и радуюсь, – со вздохом промолвила миссис Кэрю. – Если не считать, что я чуть инфаркт из-за тебя не получила. Пообещай, что никогда не сделаешь ничего подобного! Слышишь? Никогда!.. Кстати, ты, наверно, умираешь от голода?

Уже в постели, засыпая, Поллианна вдруг спохватилась, что так и не узнала имени своего спасителя.

«Как же я теперь разыщу его, чтобы поблагодарить?» – опечалилась девочка.

Глава VII

Новый знакомый

Теперь, после приключений с прогулкой по городу, с Поллианны не спускали глаз. Выходить одной из дома ей было позволено только в школу. Во всех других случаях её непременно сопровождала либо Мэри, либо сама миссис Кэрю. Это нисколько не огорчало девочку, поскольку и Мэри и миссис Кэрю ей очень нравились, и она радовалась прогулкам с ними. Они тоже старались уделять ей побольше времени. Что касается миссис Кэрю, то дама содрогалась при одной мысли о том, что могло случиться с Поллианной, и, как могла, старалась сделать всё, чтобы девочка не скучала.

Так, в компании миссис Кэрю Поллианна ходила на концерты и разно-образные представления, а также посещала Публичную библиотеку и Музей изящных искусств. Кроме того, вместе с Мэри она выезжала на «обзорные экскурсии» по Бостону, посещала главные городские достопримечательности: Дом правительства и Старую Южную церковь.

С равным восторгом Поллианна отправлялась на экскурсии, как на автомобиле, так и на обыкновенном городском трамвае. Впрочем, трамвай ей нравился даже больше, о чём от неё однажды с удивлением услышала миссис Кэрю.

– Мы сегодня поедem кататься на трамвае, мэм? – с надеждой спросила девочка.

– Нет. Нас повезёт Перкинс, – ответила миссис Кэрю.

Поллианна была явно разочарована.

– Ты что, против авто? Мне казалось, что ты обожаешь кататься на авто, дитя моё, – удивилась миссис Кэрю.

– Конечно, конечно, – торопливо согласилась девочка. – Я и не думала возражать. Я ведь понимаю, на авто дешевле, чем на трамвае...

– На авто дешевле?! – ещё больше удивилась дама.

– Ну конечно, – кивнула Поллианна, широко раскрыв свои чистые, наивные глаза. – Ведь в трамвае билет стоит целых пять центов, а за авто ничего не нужно платить, потому что машина и так ваша... Кроме того, авто я тоже люблю. Честное слово, мэм! – И, прежде чем миссис Кэрю успела что-то возразить, добавила: – Разве что, в отличие от автомобиля, в трамвае всегда полным-полно народу, а мне ужасно нравится разглядывать разных новых людей. А вам разве нет, мэм?

– Я бы не сказала, Поллианна, – сухо заметила миссис Кэрю и занялась своими делами.

А через пару дней миссис Кэрю узнала ещё кое-что новое о трамваях. На этот раз от Мэри, у которой поинтересовалась о своей подопечной.

– Чудеса, да и только, мэм! – воскликнула Мэри. – В трамвае Поллианна умудряется познакомиться со всеми, кто только оказывается рядом. Притом без малейшего труда. Она почти ничего для этого не делает. Людям просто достаточно взглянуть на её счастливое лицо. Вы бы только видели, как мы сегодня ехали! В переполненном трамвае яблоку было негде упасть. Мужчины, женщины, все ворчат, все недовольны. Дети капризничают, хнычут... Но не прошло и пяти минут, как их было не узнать. Люди перестали хмуриться, а дети плакать. И так всегда. Как только они услышат голосок нашей Поллианны, даже если это простое «спасибо-пожалуйста», так сразу улыбаются и начинают уступать нам место. Честное слово, мы вообще ни разу не ехали стоя!.. А иногда она просто улыбнётся – ребёнку или собаке. Кстати, все собаки, завидев её, сразу начинают вилять хвостами, а дети смеяться и тянуть к ней ручки. А если мы не успеваем выйти на своей остановке или вообще сядем не на тот номер, наша поездка превращается в целое представление. Все вокруг просто покатываются со смеху... Уверяю вас, мэм, даже когда трамвай переполнен, люди начинают улыбаться, едва взглянув на Поллианну. А ведь они её впервые видят.

– Хм-м... Вполне возможно, – рассеянно кивнула миссис Кэрю.

Октябрь в этом году выдался на редкость мягкий, бархатный –

настоящая золотая осень. Удержать Поллианну дома не было никакой возможности. Её маленькие ножки рвались на прогулку, так что никто не мог за ней поспеть. Несмотря на своё ангельское терпение, миссис Кэрю явно выдохлась и, если бы не помощь Мэри, давно бы рухнула от усталости после прогулок, пытаясь исполнить фантазии и пожелания Поллианны.

Само собой, никому и в голову не приходило, что в такую чудесную октябрьскую погоду Поллианне нужно сидеть дома, и мало-помалу девочка всё чаще стала ходить в городской парк одна. Правда, на этот раз ей было строго предписано вести себя осмотрительно и неукоснительно следовать всем правилам.

Во-первых, категорически запрещалось разговаривать с незнакомцами, будь то мужчины или женщины. Во-вторых, не играть с незнакомыми детьми. И, конечно, ни в коем случае не выходить за ограду парка, а после прогулки сразу возвращаться домой. К тому же Мэри, которая вначале сопровождала Поллианну в городской парк, подробно рассказала ей об окрестностях, вплоть до самой Арлингтон-стрит, показала все маршруты. Как только колокол в городской ратуше начинал звонить, это значило, что уже половина четвёртого и Поллианна должна немедленно возвращаться домой.

Поллианна часто ходила гулять в городской парк. Иногда вместе с девочками из школы. Но чаще в одиночестве. Несмотря на строгие ограничения, эти прогулки доставляли ей огромное удовольствие. Миссис Кэрю не разрешала заговаривать с незнакомыми людьми, но смотреть-то на них не запрещалось. Если девочке приходила охота поболтать, она разговаривала с белочками и птичками, которых кормила пшеном и орешками. Для них у неё с собой всегда было угощение.

Поллианна часто высматривала среди гуляющих тех, с кем она познакомилась в первый день, – мужчину, который почувствовал себя счастливым, когда осознал, что у него есть глаза, руки и ноги, миловидную молодую женщину, которая отказалась идти на свидание со своим симпатичным, но грубым кавалером. Увы, больше она их ни разу не видела. Однако часто встречала мальчика в кресле-коляске. Ей очень хотелось поговорить с ним. Мальчик тоже кормил белок и птиц. Вся живность в городском парке была почти ручная. Голуби даже садились мальчику на голову и плечи, а белки нахально лазили в его карманы за орехами. Поллианна наблюдала за ним издали и сразу обратила внимание на одно странное обстоятельство: несмотря на то, что он явно любил кормить белок

и птиц, угощения с собой у него было немного, орехи и пшено быстро заканчивались, что явно его огорчало. Как, впрочем, и белок с птичками, которых он кормил. Поллианну удивляло, что на следующий день, видя, как быстро кончается угощение, мальчик не приносил его побольше.

Поиграв с белками и птичками, мальчик принимался за чтение. А читал он необычайно много. С собой в кресле-коляске у него всегда было две-три зачитанные книги и пару журналов в придачу. Всякий раз находя его в одном и том же уголке городского парка, Поллианна недоумевала: как ему удаётся туда добраться? Но однажды узнала...

Были школьные каникулы, и она пришла в парк утром. Ещё издалека, подходя к месту, где обычно находила мальчика-инвалида, она увидела, как его коляску катит по дорожке другой мальчик – курносый, со светлыми пшеничными волосами. Присмотревшись, Поллианна радостно вскрикнула и бросилась им навстречу.

– Это ты! Я тебя узнала. К сожалению, я так и не знаю, как тебя зовут. Ты отвёл меня домой, когда я заблудилась. Помнишь? Ах, как я рада, что встретила тебя! Мне так хотелось поблагодарить тебя...

– Ба! – усмехнулся мальчишка-газетчик. – Да это потерявшаяся малышка с авеню! Ты что, опять заблудилась?

– Нет-нет, – заверила Поллианна, пританцовывая от восторга вокруг кресла-коляски. – Теперь-то я уж больше не заблужусь! Мне не разрешают никуда отсюда отлучаться... А ещё мне не разрешают разговаривать с незнакомцами. Но ведь ты не незнакомец, верно? Тебя-то я знаю! А если ты представишь меня своему другу, то мне можно будет говорить и с ним тоже! – весело сказала девочка, ласково глядя на мальчика-инвалида.

Белобрысый мальчишка-газетчик удивлённо присвистнул и хлопнул приятеля в кресле-каталке по плечу.

– Ну и дела! – воскликнул он. – Слышал что-нибудь подобное?.. Она, похоже, действительно с луны свалилась, – продолжал он насмешливо. – Её, видите ли, нужно представлять!.. Ну что, мадмуазель, – обратился он к Поллианне, – позвольте рекомендовать вам моего друга сэра Джеймса, лорда с аллеи Мэрфи...

Однако мальчик в кресле-коляске прервал его язвительную речь.

– Эй, Джерри! Сейчас же прекрати кривляться! – сердито прикрикнул он на приятеля. – Я тебя здесь часто вижу, – сказал он Поллианне. – Ты кормишь птичек и белок. У тебя с собой для них всегда столько корма! Ты такая щедрая!.. Кстати, как тебе понравился здешний сэр Ланселот? Кроме него, тут, конечно, есть своя благородная леди Ровена, которая, не далее как вчера, ухитрилась стибрить у Гвинекры её обед – причём

прямо из-под носа! Ты видела? Какая наглость, а?

Поллианна недоуменно наморщила лоб, переводя взгляд с одного мальчика на другого. Джерри снова усмехнулся. Он как раз довёз кресло-

коляску до обычного места и повернулся, чтобы уйти.

– Эй, малышка, вот что я тебе скажу на прощание! – бросил он Поллианне через плечо, кивая на мальчика в кресле. – Ты не думай, этот типчик не пьян и не сбрендил. Просто у него такая привычка: давать человеческие имена всем здешним пернатым и хвостатым. Да к тому же не обычные, а которые вычитал из своих книжек. Теперь поняла? Он готов отдать им последнюю крошку! Даже на себе самом экономит, лишь бы они были сыты. Ну не чудак, а?.. Эй, сэра Джеймса, не дуйся на меня, – добавил он с потешной гримаской, обращаясь к товарищу. – Смотри, хотя бы сегодня не скорми им всё, оставь немного себе!.. Ну, до скорого! – крикнул он и был таков.

Поллианна нахмурила лоб и, глядя ему вслед, неодобрительно покачала головой. Однако мальчик-инвалид взглянул на неё с улыбкой.

– Не сердись на Джерри. Он всегда такой, мой Джерри. Но за меня готов отдать руку на отсечение. Просто любит подразнить... А ты где с ним познакомилась? Разве ты его знаешь? Он мне ничего не рассказывал про тебя.

– Меня зовут Поллианна Уиттиер. Однажды я заблудилась, а он отвёл меня домой, – объяснила девочка, всё ещё удивлённо качая головой.

– А, ясно... Он всегда такой отзывчивый и добрый, – кивнул мальчик. – Он каждый день возит меня сюда.

Поллианна сочувственно улыбнулась.

– А вы что, сэра Джеймса, совсем не можете ходить? – вежливо поинтересовалась она.

Мальчик рассмеялся:

– Сэр Джеймс! Очередная фантазия моего Джерри. Никакой я не сэра!

Поллианна разочарованно поджала губы:

– Не сэра? И не лорд?.. А ведь он сказал, что...

– Конечно нет!

– Впрочем, вы немножко похожи на маленького лорда Фаунтлероя, – осторожно сказала Поллианна. – Знаете, кто это такой?..

– Кто такой лорд Фаунтлерой? Ещё бы! – обрадовался мальчик. – Значит, ты тоже знаешь, кто он?.. А кто такой сэра Ланселот, знаешь? Ты читала про Святой Грааль, про короля Артура и Круглый стол, про леди Ровену и Айвенго?

Поллианна смущённо пожала плечами:

– Только про некоторых. Не про всех. Ты читал про них всех?

Мальчик кивнул.

– Некоторые книги у меня и теперь с собой, – сказал он. – Я очень

люблю их перечитывать, снова и снова. Всегда можно отыскать в них что-нибудь новое. Других-то у меня нет. Эти тоже папины... Эй, мошенник! – неожиданно воскликнул он со смехом, хватаясь за карман. – Куда полез?!

Белка с пушистым хвостом прыгнула к нему на колени, пытаясь сунуть мордочку в карман.

– Ничего не поделаешь! – весело продолжал мальчик. – Придётся их покормить, не то они нас самих от голода слопают!.. Милости прошу, познакомиться! Это и есть сэр Ланселот! – Он вытащил откуда-то коробочку с крышкой и осторожно приоткрыл, зорко поглядывая на проказливого зверька.

Через минуту вокруг кресла-коляски началась невообразимая суета. Со всех сторон к мальчику ринулись зверушки и птички. Трещали крыльями сойки, ворковали голуби, попискивали белки. Сэр Ланселот занял почётное место на подлокотнике кресла-коляски и, жадно следя за руками мальчика, ждал, когда будут раздавать угощение. Другая белка, с пушистым хвостом, но не такая смелая, присела в двух-трёх шагах от кресла и тоже не отрывала взгляда от мальчика. Третья белка вспрыгнула на ближайшую ветку.

Тем временем мальчик достал из коробочки несколько орехов, маленький ролл и пончик. Повертев в руках пончик, мальчик с сожалением покачал головой и проглотил слюну.

– А ты... – обратился он к Поллианне. – Что-нибудь принесла?

– Вот! Много! – с готовностью откликнулась девочка, показывая на свой бумажный пакет.

– Что ж, очень хорошо, – кивнул мальчик. – Тогда я сегодня, пожалуй, оставлю пончик себе... – Он улыбнулся и спрятал пончик обратно в коробку.

Не понимая, что означает такая бережливость, Поллианна раскрыла свой пакет и... начался пир на весь мир.

Час пролетел как одно мгновение. Для Поллианны это был лучший праздник в её жизни. Впервые девочка встретила кого-то, кто болтал охотнее и быстрее, чем она сама. У этого удивительного мальчика на каждый случай имелась россыпь историй о храбрых рыцарях и прекрасных леди, рыцарских турнирах и битвах. Мальчик пересказывал их с таким мастерством, что Поллианна словно видела всё воочию: рыцари в доспехах гарцевали мимо, отправляясь на подвиги, а благородные дамы, потрясая бриллиантами, махали им вслед. И не важно, что на самом деле это были никакие не рыцари и не дамы, а всего лишь белки и голуби.

На этот раз Поллианна даже ни разу не заговорила на свою

излюбленную тему – про дам из женского благотворительного комитета. Даже игра была забыта. Ей и в голову не приходило, что у мальчика, щёки которого горели от восторга и который взахлёб рассказывал ей чудесные истории про золотой рыцарский век, она была первым благодарным слушателем: ведь бедняга-инвалид долгие месяцы и годы был вынужден проводить дни почти в полном одиночестве.

Только когда раздался полуденный удар колокола и девочка со всех ног бросилась домой, она с досадой сообразила, что так и не узнала имени мальчика.

«Мне лишь известно, что его зовут не сэр Джеймс... – промелькнуло у Поллианны в голове. – Ну ничего, завтра обязательно спрошу...»

Глава VIII

Джемми

Но «завтра» не случилось. Зарядил дождь, и пришлось сидеть дома. Никакого парка. Дождь шёл и на следующий день. На третий день ярко светило солнце, и Поллианна специально вышла пораньше. Увы, мальчик вообще не появился, хотя она прождала его весь день. Только на четвёртый день она застала его на обычном месте и сразу бросилась к нему.

– Ах, как я рада, как я рада тебя видеть! – воскликнула она. – Где ты был? Почему не приходил вчера?

– Не мог. Вчера у меня были боли, – объяснил мальчик.

Поллианна заметила, что сегодня он бледнее прежнего.

– Боли?! У тебя что-то болит? – сочувственно пробормотала она.

– Ну да, постоянно, – как ни в чём не бывало кивнул мальчик. – Обычно нужно просто перетерпеть. Потом опять всё нормально. Но вчера были очень сильные боли... Поэтому я и не пришёл.

– Ох! – всплеснула руками Поллианна. – Как же ты их терпишь?

– Что поделаешь, – вздохнул мальчик, покачав головой, – приходится. Когда ты не можешь что-то изменить, нужно воспринимать это как должное. По-другому нельзя. Что толку рассуждать? К тому же, если боли особенно сильные, это даже лучше: на следующий день, когда они проходят, отличное настроение...

– Да-да, я знаю! – вскричала Поллианна. – Это точно так же, как в игре!..

– Ты сегодня принесла достаточно корма для белок? – нетерпеливо прервал её мальчик. – Прекрасно! А то сегодня мне вообще нечем их угостить. Джерри не удалось сэкономить даже пенни на орехи. Даже для одного меня маловато...

Поллианна в ужасе распахнула глаза.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что сегодня вынужден голодать? Что тебе нечем перекусить?

– Увы, – улыбнулся мальчик. – Но ты за меня не беспокойся! Мне ведь не привыкать. Нужно только немного потерпеть. Я к этому давно привык... Ага! А вот и сэр Ланселот собственной персоной!

Однако Поллианне было не до белок.

– А дома у тебя тоже нет еды?

– Как всегда, – со смехом кивнул мальчик. – Мамочка целый день на работе. Убирает, стирает. Обычно ей удаётся что-нибудь перекусить у хозяев. То же самое и Джерри: то там перехватит кусочек, то сям. В общем, где придётся. А вечером, если посчастливится, приносит что-нибудь на ужин и завтрак. Правда, не всегда...

Поллианна пришла в ещё больший ужас.

– А если у тебя дома вообще не оказывается еды, что ты тогда делаешь?

– Да ничего! Просто хожу голодным. Что ж ещё?

– Никогда не слышала подобного: чтобы человеку не было вообще нечего есть! – вырвалось у Поллианны. – Конечно, мы с папой тоже ужасно нуждались, жареной индейки у нас не было, но всё-таки могли позволить себе рыбные тефтели и бобы... Лучше, чем вообще ничего... Слушай, а почему ты не попросишь еду у своих соседей?

– А что толку?

– Как что! Тебя угостят чем-нибудь...

Мальчик снова рассмеялся. Но на этот раз невесело.

– Ну ты и чудачка! Так просто пойти и попросить котлет или пирожков? Честно говоря, и я никогда не слышал, чтобы кто-то из соседей устраивал для желающих бесплатные обеды... Кстати, – прибавил он, – когда поголодаешь несколько часов, обыкновенная лепёшка с молоком покажется тебе лакомством... Да и в Книгу Радости ничего не нужно записывать...

– Что-что? – удивлённо переспросила Поллианна. – Книга Радости?

Мальчик смущённо улыбнулся и вдруг покраснел:

– Не важно. Проехали. Не будь любопытной, как Джерри с мамочкой.

– Ну пожалуйста... Что это за книга?! – воскликнула Поллианна,

умоляюще сложив ладони. – Прошу тебя, расскажи! В ней что, тоже написано про рыцарей, лордов и благородных дам?

Мальчик уклончиво покачал головой. Его глаза потемнели.

– Нет, в ней про них ничего нет, – печально произнёс он. – Понимаешь, когда ты не можешь ходить, это значит, что ты никогда не сможешь участвовать в сражениях, добывать трофеи, прекрасные дамы не вручат тебе меч и не наградят золотой звездой... – В глазах мальчика вспыхнул слабый огонёк. Казалось, он услышал где-то далеко-далеко звук боевой трубы. Но этот огонёк почти сразу погас, и в его глазах снова воцарилась беспросветная тоска. – Если человек инвалид, он ни на что не годен, – повторил он, немного помолчав. – Всё, что ему остаётся, это сидеть и мечтать. Правда, чаще в голову лезут ужасные мысли... Ах, как бы я хотел ходить в школу и учиться! Ведь вся моя учёба, увы, только то, чему меня смогла научить мамочка... А как бы мне хотелось бегать и играть с мальчишками в футбол! А ещё – ходить вместе с Джерри продавать газеты. Я хочу обходиться без посторонней помощи. Вот моя мечта.

– Ах, я тебя понимаю, понимаю! – с жаром подхватила Поллианна. – Ведь однажды меня тоже парализовало, и я не могла ходить.

– Вот как? Тогда ты и правда понимаешь. Хотя в отличие от меня ты снова смогла встать на ноги и ходить. А я нет... – грустно вздохнул мальчик.

– Постой! Ты так и не рассказал мне про Книгу Радости, – спохватилась Поллианна.

Снова покраснев, мальчик неловко заёрзал в своём кресле-коляске.

– Понимаешь, это такая вещь особенная... Это только для меня имеет значение. Тебе это вообще может показаться ерундой. Я обнаружил эту книгу год назад. В тот день я чувствовал себя особенно плохо. Ужасно. Потом мне вдруг пришло в голову почитать одну из папиных книг... Первое, что попало на глаза, были стихи. Я и сейчас помню их наизусть:

Настоящее счастье обретаешь, когда горе безмерно.
Даже осенний лист, падая, наслаждается своим
Шелестом в тишине леса...

– Ну конечно, – продолжал мальчик, – ты, наверно, думаешь, что у меня не все дома. А мне ужасно, ужасно захотелось, чтобы тот, кто написал эти строки, побывал в моей шкуре и узнал о радости моих «листьев». В общем, меня так разбесили эти стихи, что я решил доказать,

что человек вообще не понимает, о чём пишет. Я подумал, что надо как-то увековечить мои собственные «листья». Поэтому я взял чистую толстую тетрадь, которую мне однажды подарил Джерри, и пообещал себе, что отныне буду записывать в неё разные случаи. То есть всё радостное, что только случилось и случается в моей жизни. Вести дневник. Вот тогда и можно будет увидеть, сколько у меня этих счастливых «листьев»!

Поллианна слушала, затаив дыхание.

– Правильно. Ты здорово придумал, – промолвила она, словно зачарованная.

– Сначала мне казалось, что записывать в тетрадь будет нечего, – продолжал мальчик. – А потом... потом этих «листьев» накопилась целая охапка! Почти во всём, что меня окружало, я стал находить и подмечать что-то радостное. Хотя бы капельку. Но и это годилось для моей книги... Причём самым первым «листом» стала сама эта книга, то есть подаренная тетрадь. Дальше – больше. Кто-то дарил мне цветок в горшочке или Джерри подбирал журнал в подzemке. Со временем собирание этих «листьев» захватило меня, словно охота или рыбалка. Я стал искать их повсюду. Иногда находил их в самых неожиданных местах... А однажды мой дневник попался на глаза Джерри. Полистав его, он дал ему это название: Книга Радости. Ну вот, я тебе всё рассказал...

– Это просто замечательно! – воскликнула раскрасневшаяся от волнения Поллианна. Она испытывала смешанные чувства: удивление и восторг одновременно. – Это то же, что моя игра! Сам того не подозревая, ты играешь в игру, смысл которой в поисках радости. Только у тебя это получается гораздо, гораздо лучше! Если бы мне нечего было есть или я больше никогда не смогла ходить... Не знаю, наверное, я бы вообще не смогла в неё играть...

От волнения девочка с трудом подбирала слова.

– Игра? Какая игра? Не знаю я ни про какую игру, – недоуменно покачав головой, промолвил мальчик.

Поллианна радостно захлопала в ладоши:

– Ты просто чудо! Конечно, ты не знаешь! Уверена, что не знаешь! Поэтому это так здорово!.. Слушай! Я расскажу тебе, что такое игра.

И она рассказала ему всё от начала до конца.

– Вот это да! – пробормотал потрясённый мальчик, когда она закончила. – Ну и что ты обо всём этом думаешь?

– Я думаю, что у тебя получается играть в мою игру гораздо лучше всех на свете!.. А ведь я даже не знаю, как тебя зовут! – воскликнула Поллианна, удивлённо всплеснув руками. – Расскажи мне всё! Всё-всё!

– О чём рассказывать? Не о чем рассказывать, – пожал плечами мальчик. – И вообще, – смущённо сказал он, – сэр Ланселот, бедняжка, ещё не завтракал. И другие тоже.

– А ведь и правда, – согласилась Поллианна.

Вокруг них уже собралась прежняя компания пернатых и хвостатых.

Девочка поспешно раскрыла пакет с угощением и в мгновение ока рассыпала его на дорожке.

– Ну вот, – сказала она, – теперь можно спокойно поговорить. Ты мне должен всё рассказать. Но сначала назови своё имя. Мне известно лишь, что ты не сэр Джеймс.

– Нет, конечно, – улыбнулся мальчик. – Это Джерри меня так называет в шутку. Мамочка и все остальные зовут меня Джемми.

– Джемми?! – переспросила Поллианна. От волнения у неё снова перехватило дыхание.

«А вдруг он тот самый пропавший мальчик?» – с надеждой пронеслось у неё в голове.

Но потом на неё нахлынули сомнения.

– Скажи, – осторожно спросила она, – «мамочка» – это твоя мать?

– Ну конечно.

Поллианна разочарованно вздохнула. Что ж, если у него есть мать, то он, конечно, не тот мальчик Джемми, у которого много лет назад умерла мать и о котором столько рассказывала миссис Кэрю.

В любом случае и этот «другой» Джемми тоже ужасно ей понравился.

– А где ты живёшь? – живо спросила она. – У тебя ещё есть кто-то, кроме твоей мамы и Джерри? Ты каждый день здесь бываешь? Где твоя Книга Радости? Можно на неё взглянуть? Что говорят доктора, сможешь ты когда-нибудь снова ходить? И откуда у тебя эта штука? Я имею в виду твоё кресло-коляску...

Мальчик удивлённо раскрыл глаза.

– Сколько вопросов! Не знаю даже, на какой сперва отвечать... Что ж, начну с последнего. А дальше – пойдём по порядку. Если, конечно, ничего не забуду. Это кресло-коляска у меня с прошлого года. Джерри знаком с одним человеком, который пишет для газет. Он рассказал ему про меня, про то, что я не могу ходить, про мою Книгу Радости, а тот пропечатал об этом в газете. Сразу откликнулось множество народа, и очень быстро собрали деньги на кресло-коляску для меня...

– Вот ты, наверное, обрадовался!

– Ещё бы! Подробный рассказ о кресле-коляске занял в моей Книге Радости целую страницу.

– Скажи, а есть какая-то надежда, что ты снова сможешь ходить? – промолвила девочка, и на глазах у неё блеснули слёзы.

– Вряд ли, – вздохнул мальчик. – Врачи говорят, что не смогу...

– Мне они говорили то же самое. А потом послали к доктору Эймсу. Я провела у него целый год, и он поставил меня на ноги. Может быть, он и тебе поможет!

Мальчик с сомнением покачал головой.

– Вряд ли, – повторил он. – Видишь, для лечения нужны деньги, много денег – чтобы поехать к твоему доктору. А у нас их вообще нет. Поэтому давай больше не будем говорить об этом. Не обижайся. Просто не обращай внимания! – Поллианна хотела что-то возразить, но Джемми нетерпеливо отмахнулся. – Чтобы лишний раз не расстраиваться, я тоже предпочитаю об этом не думать, – объяснил он. – Думаю, ты меня понимаешь...

– Ещё бы! Прости, что вообще завела эту тему, – со вздохом сказала девочка. – Как бы там ни было, ты действительно играешь в мою игру гораздо лучше меня... Но продолжай! Рассказывай дальше. Где ты живёшь? Кроме Джерри у тебя ещё есть братья или сёстры?

Мальчик снова удивлённо наморщил лоб, а потом рассмеялся.

– Есть. И братья и сёстры... Только Джерри мне вовсе не брат. Так же, как и мамочка. Она ведь мне не родная мать. Хотя оба любят меня, как родного.

– Как так?! – воскликнула Поллианна. – Значит, «мамочка» не твоя настоящая мать?

– Конечно нет. Только какая разница, если... – начал он.

– А где твоя настоящая мать? – взволнованно перебила его девочка.

– Этого я не знаю. О ней вообще ничего не известно... А мой отец умер, когда мне было шесть лет...

– А сейчас тебе сколько?

– Точно не знаю. Я ведь был совсем маленький. Мамочка говорит, что, когда они взяли меня к себе, мне было лет шесть...

– Но зовут-то тебя Джемми? – затаив дыхание, спросила Поллианна.

– Ну да. Я же сказал тебе...

– А как твоя настоящая фамилия, ты знаешь? – осторожно поинтересовалась девочка.

– Нет.

– Не знаешь?!

– Просто не помню. Говорю же, я был слишком маленьким. Мэрфи тоже не знают. Но они всегда звали меня Джемми.

И Поллианна снова разочарованно покачала головой. Потом подумала,

что всё-таки не стоит терять надежду.

– Послушай, – обратилась она к мальчику, – раз ты не помнишь своей фамилии, значит, тебя могли звать Джемми Кент.

– Джемми Кент? – удивился мальчик.

– Конечно, – взволнованно продолжала Поллианна. – Понимаешь, был такой мальчик, которого звали Джемми Кент, и он...

Вдруг Поллианна сообразила, что было бы жестоко давать мальчику преждевременную надежду, что он тот потерявшийся Джемми, племянник миссис Кэрю, и прикусила язык. Если потом окажется, что это не так, и без того несчастный мальчик расстроится ещё больше. Уж лучше она сама сначала всё тщательно проверит. А то получится, как однажды с Джимми Бином, когда она поторопилась обнадежить мальчика, рассказав про дам из благотворительного комитета, а потом про одинокого мистера Пендлтона. На этот раз она не сделает такой ошибки!

– Впрочем, это не важно, – как можно спокойнее сказала Поллианна. – Лучше ещё расскажи мне про себя. Мне всё интересно!

– А больше нечего рассказывать. По крайней мере, ничего такого

интересного, – пожал плечами мальчик. – Говорят, мой отец был человек со странностями. Но кто он такой, откуда родом – неизвестно. Все звали его просто «профессор». Mamочка говорит, что он жил со мной в маленькой каморке под самой крышей в доме в Лоуэлле. Они с Джерри были нашими соседями. Они и тогда сильно нуждались, хотя не были такими бедняками, как сейчас. Ведь отец Джерри был ещё жив, и у него была работа...

– Продолжай, пожалуйста, – попросила Поллианна.

– В общем, со слов мамочки, мой отец стал часто болеть и поэтому чудил ещё больше. Они жили под нами, и им частенько приходилось брать меня к себе. Тогда я ещё немного мог ходить, но с ногами становилось всё хуже. Я играл с Джерри и его маленькой сестрёнкой, которая вскоре умерла. А когда мой отец умер, я остался совершенно один. Меня даже хотели отдать в приют. Но мамочка сказала, что они с Джерри возьмут меня к себе. Так они и сделали. Маленькая сестрёнка Джерри умерла, и меня взяли вместо неё. С тех пор я и живу с ними. С ногами у меня становилось всё хуже, а Мэрфи становились всё беднее. А потом ещё и отец Джерри умер... Но меня всё равно не отдали в приют. Они такие добрые люди!

– Ещё бы! – подхватила Поллианна. – Господь наградит их за доброту. Обязательно наградит, – убеждённо сказала она.

Её глаза радостно сияли. Последние сомнения развеялись. Поллианна была уверена, что отыскала пропавшего мальчика Джемми. Абсолютно уверена. Но всё-таки решила пока не говорить ему о своём открытии. Сначала нужно показать его миссис Кэрю. А уж тогда...

Вот радости-то будет! В своём воображении Поллианна уже рисовала счастливую встречу миссис Кэрю с пропавшим Джерри, о котором бедная женщина горевала столько лет.

Девочка вскочила со скамейки и нетерпеливо всплеснула руками. Сэр Ланселот, примостившийся у неё на коленях в надежде отыскать новое угощение, испуганно спрыгнул на землю.

– Мне пора домой, – сказала она, – но завтра я обязательно приду.

И, возможно, приду не одна. Я хочу привести с собой одну леди, с которой тебе будет интересно познакомиться. Приходи и ты, Джемми! Придёшь? – с надеждой спросила она.

– Ну конечно. Джерри привозит меня сюда каждый день. Чтобы я не падал духом и не грустил. Обычно мне с собой дают что-нибудь перекусить, чтобы забрать отсюда в четыре часа... Вот какой он хороший – мой Джерри!

– Я знаю, – кивнула счастливая Поллианна. – Что ж, может быть, ты встретишь и других хороших людей, – загадочно улыбнулась она,

прощаясь с мальчиком.

Глава IX

Мечты и планы

На обратном пути Поллианна принялась мечтать о том, как уже завтра под каким-нибудь благовидным предлогом выманит миссис Кэрю на прогулку в городской парк, а уж тогда... Правда, пока Поллианна ещё не знала, как это устроить. Знала лишь, что должна сделать это во что бы то ни стало.

О том, чтобы напрямик сказать миссис Кэрю, что она разыскала Джемми и хочет показать ей мальчика, не могло быть и речи. Кто знает, а вдруг он всё-таки окажется совсем не тем Джемми? Тогда она только зря расстроит бедную миссис Кэрю, и ещё неизвестно, что из этого выйдет. Со слов служанки Мэри, Поллианна знала, что уже два раза из-за таких ложных надежд и расстройств, когда какого-то мальчика объявляли сыном её покойной сестры, миссис Кэрю долго болела. Вот почему Поллианна решила сказать женщине, что просто хочет прогуляться с ней завтра в городском саду, а уж под каким, как говорится, соусом это подать, девочка сообразит по ходу дела.

Однако снова вмешались непредвиденные обстоятельства. Непогода, дожди накрыли город. Стоило только посмотреть в окно, чтобы понять: ни о какой прогулке в городской парк не может быть и речи. Что ещё печальнее, и на следующий день, и через два дня тучи не рассеялись. Поллианна перебегала от окна к окну, выглядывала на улицу и беспокойно

спрашивала домашних, когда же наконец немного распогодится...

Такое поведение Поллианны, которая, независимо от погоды, всегда была полна радости, показалось миссис Кэрю странным и подозрительным. Устав от бесконечных вопросов касательно погоды, она потеряла терпение и, сдвинув брови, потребовала объяснений.

– Бога ради, дитя, в чём дело? Раньше тебя, кажется, вообще не интересовала погода! Или твоя чудесная игра перестала тебе помогать?

Поллианна покраснела и смущённо отвела взгляд.

– А ведь и правда, – пробормотала она, – совсем забыла про мою игру... Наверняка и в плохой погоде, если хорошенько подумать, можно найти что-нибудь радостное, – согласилась она. – Когда перестает дождь, это означает, что Господь смилостивился и решил не устраивать нам новый Потоп... Но, откровенно говоря, мне просто хочется, чтобы сегодня была хорошая погода!

– Почему именно сегодня?

– Мне ужасно хочется пойти погулять в парк, – с невинным видом сказала Поллианна. – И мне подумалось, почему бы вам не прогуляться со мной?

Она сказала об этом как бы между прочим, но сердце беспокойно сжалось: а вдруг миссис Кэрю откажется?

– Прогуляться... в городской парк? Мне?! – воскликнула женщина, недоуменно подняв брови. – Нет уж, благодарю. Что-то не хочется, – покачав головой, сказала она.

– Как же так! – в панике пролепетала девочка. – Вы никак не можете отказаться!

– Очень даже могу.

От огорчения Поллианна побледнела как полотно.

– Прошу вас, мэм! Ну, пожалуйста, не отказывайтесь! Честное слово, вам там очень понравится, – взмолилась она. – К тому же я не просто так прошу вас... Сегодня мне очень нужно, чтобы вы пошли со мной... Пожалуйста! Только один разок!

Миссис Кэрю нахмурилась ещё больше. С её губ уже было готово сорваться решительное «нет», но в глазах девочки было столько мольбы, что она не решилась отказать.

– Ну хорошо, дитя, если распогодится, будь по-твоему. Но только при условии, что в ближайшие полчаса ты не подойдёшь к окну и не заговоришь о погоде.

– Обещаю, обещаю, мэм! – с готовностью согласилась Поллианна. Однако уже в следующий момент, когда из-за туч вдруг блеснул солнечный

луч, не сдержалась и радостно воскликнула: – Смотрите, кажется, начинает проясняться... Ой! – Спohватившись, она прикрыла рот ладошкой и в ужасе выбежала из гостиной.

На следующий день погода действительно прояснилась. Солнце ярко сияло, но, когда Поллианна вернулась из школы, подул порывистый, промозглый ветер. Тем не менее девочка убеждённо заявила, что день лучше некуда и что миссис Кэрю полжизни потеряет, если откажется от прогулки. Делать нечего: миссис Кэрю пришлось согласиться.

Как и следовало ожидать, прогулка не увенчалась успехом. Миссис Кэрю настороженно поглядывала по сторонам, а Поллианна рыскала глазами по аллеям городского парка в надежде отыскать Джемми. К сожалению, она не могла объяснить миссис Кэрю, почему они здесь. В конце концов, продрогшая женщина потребовала, чтобы они вернулись домой.

Для Поллианны настали чёрные дни. Ей казалось, что надвигается новый Потоп, хотя миссис Кэрю уверяла, что это всего лишь обычные осенние дожди. Погода была беспросветно сырой, хмурой, дождь моросил непрерывно, словно мелкое пшено. Если ненадолго выглядывало солнышко, Поллианна немедленно неслась в парк. Но, увы, всё было напрасно: Джемми там больше не появлялся.

Была середина ноября, и городской парк превратился в унылое место. Листва с деревьев давно облетела, с пруда исчезли чудесные лодочки. Белки и голуби были тут как тут, но кормить их больше не доставляло девочке того удовольствия – ведь рядом не было Джемми. Даже сэр Ланселот со своим смешным хвостиком нагонял на неё тоску. Глядя на него, Поллианна тут же вспоминала про мальчика, давшему белке эту кличку, то есть про Джемми, и огорчалась ещё больше...

А дни шли один за другим.

«Вот глупая! Я даже не спросила, где он живёт! – снова и снова досадовала на себя девочка. – Единственное, что мне известно, – его имя. Теперь, наверное, придётся дожидаться весны, когда снова будет тепло и он сможет отправиться на прогулку... А до тех пор меня могут забрать отсюда домой... Как жалко! Я уверена, что он и есть тот самый Джемми! – горестно восклицала она про себя. – Я в этом уверена, уверена!..»

Потом случилось нечто совершенно непредвиденное. Как-то раз, тусклым, пасмурным днём Поллианна услышала в прихожей какие-то

голоса. Один принадлежал служанке Мэри, которая была явно чем-то недовольна, а другой... Поллианна его сразу узнала.

– Эй, с чего это вы взяли! Я тут вовсе не для того, чтобы попрошайничать. Я пришёл по делу. Мне нужна девочка по имени Поллианна. У меня для неё записка от сэра Джеймса. Вот глупая голова! Говорю вам, мне нужна Поллианна.

С радостным криком Поллианна бросилась вниз по лестнице.

– Я здесь, здесь! – закричала она, рискуя второпях переломать себе ноги. – Я уже спускаюсь! Ты принёс письмо от Джемми?

Не помня себя от волнения, она проскользнула мимо Мэри, которая, растопырив руки, преграждала дорогу.

– Мисс Поллианна! Мисс Поллианна! – в отчаянии воскликнула служанка. – Вы что, знаете этого бродяжку?

Мальчик покраснел от возмущения, но прежде, чем он успел что-то сказать, Поллианна бросила служанке:

– Никакой он не бродяжка, Мэри. Это один из моих лучших друзей. К тому же однажды он привёл меня домой, когда я потерялась. – Она повернулась к мальчику и, дрожа от нетерпения, спросила: – Что случилось? Тебя послал Джемми?

– Ну да. Он заболел. Вот уж месяц, как сильно простудился, и с тех пор лежит в постели.

– Ах, боже мой! – испуганно прошептала девочка.

– Ничего страшного, обыкновенная простуда. Он прислал меня спросить, может, ты его навестишь?

– Обыкновенная простуда? Какая досада! – воскликнула Поллианна. – Ну, конечно, я приду!.. Только пойду надену шляпку и пальто!

– Ах, мисс Поллианна! – неодобрительно проворчала Мэри. – Разве миссис Кэрю разрешила вам куда-то идти с этим чужим мальчиком?

– Никакой он не чужой! – живо возразила Поллианна. – Во-первых, мы уже давно знакомы, а во-вторых, мне обязательно нужно навестить Джемми...

– Бога ради, что всё это значит?! – послышался недовольный голос самой миссис Кэрю. – Кто этот мальчик, Поллианна, и что ему здесь нужно? – поинтересовалась миссис, выходя из гостиной.

Поллианна оглянулась и запоздало спросила:

– Вы ведь разрешите мне пойти, миссис Кэрю, правда?

– Куда это ещё?

– Навестить моего брата, мэм, – неожиданно вмешался мальчик, стараясь держаться как можно вежливее. – Он, знаете ли, немного

прихворнул и замучил меня просьбами сходить за ней... – Он кивнул на Поллианну. – Он без конца о ней бредит.

– Так я пойду, ладно? – пролепетала девочка, умоляюще сложив ладони.

Миссис Кэрю нахмурилась:

– Ты хочешь пойти? С этим мальчишкой? Ни в коем случае, Поллианна! Это безрассудство! Ты вообще понимаешь, что говоришь?

– Но мне обязательно нужно пойти, – снова начала Поллианна.

– Обязательно? Ни за что! Если хочешь, дай мальчику немного денег, чтобы он передал их...

– Спасибо, конечно, мэм! Но я здесь не для того, чтобы попрошайничать, – гордо сверкнув глазами, сказал Джерри. – Меня послали... за ней!

– Миссис Кэрю, это ведь Джерри! Разве вы не помните? Тот самый мальчик, который нашёл меня, когда я заблудилась, и привёл домой! – воскликнула Поллианна. – Ну теперь мне можно пойти?

Миссис Кэрю решительно покачала головой.

– Ни в коем случае, Поллианна, – повторила она.

– Но он сказал, что Дже... Что тот другой мальчик заболел и хочет, чтобы я его навестила!

– Ничего не поделаешь, Поллианна.

– Но я с ним знакома, я хорошо его знаю. Правда, мэм! Он читает книжки. Очень хорошие книжки. Про разных рыцарей, лордов, прекрасных дам. А ещё всегда кормит в городском парке птичек и белочек, которым даёт разные имена. Он инвалид, не может ходить и часто живёт впроголодь, – задыхаясь от волнения, тараторила Поллианна. – Целый год он играл в мою игру, а я даже не подозревала об этом. Он играет в неё гораздо лучше, чем я!

Всё это время я безуспешно пыталась его разыскать. Ах, миссис Кэрю, поверьте, мне обязательно нужно с ним увидеться! – чуть не плача, воскликнула она. – Я не хочу его снова потерять!

Миссис Кэрю даже покраснела от возмущения.

– Не говори глупостей, Поллианна! Ты меня просто удивляешь! То, что ты требуешь, за гранью, выходит за рамки приличий! Я не могу разрешить тебе пойти с этим мальчиком. И хватит об этом!

Неожиданно на лице девочки отразилась отчаянная решимость. Она даже топнула ножкой и заявила:

– Хорошо! Тогда я вам всё скажу! Я не хотела, но придётся. Я хотела, чтобы вы сначала сами на него посмотрели... В общем, было бы

непростительно снова его потерять, потому что я уверена: это ваш Джемми!

– Джемми? Мой Джемми? – побелев как смерть, пролепетала женщина.

– Да!

– Этого не может быть!

– Я знаю, что это может показаться невероятным, но вы только представьте: его тоже зовут Джемми, и он не знает своей фамилии. Его отец тоже умер, когда ему было шесть лет, а свою мать он вообще не помнит. Сейчас ему двенадцать. Его усыновили добрые люди, он живёт у них, как в родной семье. Они взяли его, когда умер его папа, который вёл себя очень странно: он даже скрывал от соседей свою фамилию. А кроме того...

Миссис Кэрю в отчаянии замахала руками. Она побледнела ещё сильнее, но в её глазах вспыхнула надежда.

– Мы немедленно идём туда! – вырвалось у неё. – Мэри, распорядись, чтобы Перкинс побыстрее подавал машину. Поллианна, надевай пальто и шляпку! А ты, мальчик, пожалуйста, подожди здесь. Через минуту мы будем готовы...

И миссис Кэрю бросилась к себе. Мальчик облегчённо вздохнул.

– Ну и дела! Наш Сэр Джеймс просто ахнет от удивления! – пробормотал он с усмешкой. – Если я правильно понял, нам ещё удастся прокатиться на лимузине!

Глава X

В гостях у Мэрфи

Шикарный лимузин миссис Кэрю пронёсся по проспекту Благоденствия и повернул на Арлингтон-стрит. Глаза Поллианны радостно сияли, а миссис Кэрю по-прежнему была ужасно бледной. На переднем сиденье восседал маленький разносчик газет Джерри, с важным видом показывавший дорогу водителю Перкинсу, который поглядывал на мальчишку с откровенным неудовольствием.

Когда автомобиль притормозил в бедном переулке у обшарпанного подъезда ещё более обветшало́го дома, Джерри выскочил на тротуар и, распахнув заднюю дверцу лимузина, с комичным видом стал изображать швейцара, дожидаясь, пока обе знатные леди соизволят выйти из машины.

Первой выпрыгнула Поллианна. Девочка удивлённо обвела глазами бедный квартал и печально покачала головой. Затем вышла миссис Кэрю, которая изо всех сил старалась не замечать окружающую её нищету. Шикарный лимузин сразу окружили оборванные, чума́зные ребятишки. Грозно сдвинув брови, Джерри замахал на них руками.

– Ну-ка, пошли отсюда! Кыш! Здесь вам не бесплатное кино! Прочь с дороги! Дайте пройти благородным гостям, которые пожаловали навестить нашего Джемми!

Миссис Кэрю неловко поёжилась и, дотронувшись до плеча Джерри, умоляюще пробормотала:

– Прошу тебя, не надо!

Но мальчик как будто не слышал. Работая локтями и кулачками, он решительно расчищал гостям дорогу сквозь толпу любопытной детворы. Не успели миссис Кэрю и Поллианна глазом моргнуть, как он провёл их к подъезду, распахнул дверь, и они оказались в тёмной, дурно пахнущей парадной.

И опять миссис Кэрю протянула к мальчику дрожащую руку.

– Подожди минуту, – тихо, но настоятельно проговорила она. – Запомни, ни единого слова о том, что... Джемми может оказаться тем мальчиком, которого я ищу. Сначала я хочу сама его увидеть и расспросить.

– Правильно, – поддержала Поллианна.

– Конечно. Я всё понимаю, – согласился мальчик. – К тому же у меня есть другие дела. Как только поднимемся наверх, я сразу вас покину и не буду мешать. Эй, осторожнее на этой лестнице! Здесь все ступеньки в выбоинах. И не удивляйтесь, если встретите какого-нибудь ребёнка, спящего прямо на лестничной клетке. К нам то и дело забредают один-два бродяжки, чтобы отдохнуть и погреться. Лифт сегодня тоже не работает, – весело прибавил он. – А живём-то мы на последнем этаже...

На лестнице и точно было полным-полно щелей и выбоин. Миссис Кэрю боязливо поднималась по шатким, скрипящим ступеням. На втором этаже она увидела двухлетнего малыша, который играл пустой консервной банкой, спуская её на верёвочке на нижний этаж. Банка билась о стены и гремела на весь подъезд. Из дверей любопытно выглядывали непричёсанные женщины и чумазые ребяташки. Где-то жалобно плакал маленький ребёнок и слышался мужской голос, сыплющий отборными ругательствами. Пахло винным перегаром, кислой капустой и человеческим потом.

Поднявшись на последний, третий, этаж они остановились перед запертой дверью.

– Интересно, что скажет сэр Джеймс, когда увидит, кого я привёл, – с усмешкой прошептал Джерри. – Как поведёт себя мамочка, я догадываюсь. Наверняка зальётся слезами, глядя, как радуется её милый Джемми... – Распахнув дверь, он весело крикнул: – Эй, сэр Джеймс! Встречайте гостей! Только посмотрите, кто к вам пришёл!

В маленькой бедной комнатке было жутко холодно, однако здесь царил идеальная чистота и порядок. Здесь не оказалось непричёсанных голов, любопытных ребяташек, запаха перегара, капусты или человеческого пота. Вся обстановка состояла из двух коек, трёх кособоких стульев, потёртого стола и жалкой печурки, огонь в которой еле теплился и которая

не могла обогреть даже такую крошечную комнатку. На одной из кроватей лежал больной мальчик. На его щеках алел болезненный румянец, а глаза лихорадочно блестели. Около него сидела худенькая, бледная женщина, скрюченная в три погибели от ревматизма.

Войдя в комнату, миссис Кэрю пришлось прислониться спиной к стене, чтобы немного перевести дыхание, а Поллианна с радостным криком бросилась к больному мальчику.

– Ну вот, а теперь я должен вас покинуть, вы уж простите, – сказал им на прощание Джерри. – У меня ещё есть дела. До свидания! – И с этими словами исчез за дверью.

– Ах, Джемми, как я рада, что мне наконец удалось тебя разыскать! – воскликнула Поллианна. – Я ведь каждый день ходила в городской парк и ждала тебя. А ты, оказывается, заболел, бедняжка!

Джемми счастливо улыбнулся и протянул к ней руку.

– Со мной всё в порядке. Я ужасно рад тебя видеть, – промолвил он в ответ. – Зато ты сама пришла ко мне в гости! К тому же я чувствую себя гораздо лучше. Мамочка! – обратился он к скрюченной женщине. – Это та самая девочка, про которую я тебе рассказывал. И про игру, которую она придумала... Ты знаешь, – воскликнул Джемми, снова поворачиваясь к Поллианне, – мамочка тоже научилась играть в твою игру. Раньше она ужасно переживала, что из-за радикулита не может работать, а потом, когда я заболел, даже обрадовалась, что у неё уважительная причина остаться дома, чтобы не ходить на работу и ухаживать за мной...

В этот момент к постели подошла миссис Кэрю и робко взглянула на мальчика-инвалида, лежащего на кровати.

– Это миссис Кэрю, Джемми! – представила её Поллианна. Её голос дрожал от волнения. – Я привела её познакомиться с тобой...

Маленькая женщина поспешно соскочила со стула и предложила его миссис Кэрю. Миссис Кэрю села, по-прежнему не сводя глаз с мальчика на постели.

– Тебя зовут... Джемми? – едва слышно промолвила она.

– Да, мэм, – кивнул мальчик, глядя ей прямо в глаза.

– А как твоя фамилия?

– Этого я не знаю.

– Он не ваш сын? – спросила миссис Кэрю у маленькой женщины, стоявшей у постели мальчика.

– Нет, мадам.

– Вы тоже не знаете его фамилии?

– Увы, мадам.

Миссис Кэрю бросила умоляющий взгляд на мальчика:

– Прошу тебя, Джемми, попробуй вспомнить свою фамилию! Неужели ты её не помнишь?

Мальчик отрицательно покачал головой и взглянул на неё с удивлением:

– Нет, не могу...

– Может быть, у тебя сохранились какие-нибудь вещи твоего отца, на которых могла бы обнаружиться его фамилия?

– От него остались только книги. Больше ничего, – вмешалась миссис Мэрфи. – Вот они – его книги! Если хотите, можете на них взглянуть, – предложила она, показывая на ряд потрёпанных томиков, стоявших на книжной полке. – А вы что, может быть, знали его, мэм? – полюбопытствовала она.

– Не знаю, не знаю, – дрогнувшим голосом промолвила миссис Кэрю.

Она встала и подошла к книжной полке. Книжек было немного, десятка полтора. Томик пьес Шекспира, «Айвенго» и потрёпанное издание «Озёрной девы» Вальтера Скотта, сборник поэзии, «Теннисон» без обложки, ветхий томик «Маленького лорда Фаунтлероя», а также две или три книги по античной истории и истории Средних веков.

Миссис Кэрю тщательно пролиставала каждую из книг, но, не обнаружив в них ни одной записи, горестно вздохнула. Потом снова повернулась к мальчику и маленькой женщине, которые с интересом смотрели на неё.

– Пожалуйста, расскажите мне всё о себе! – обратилась к ним миссис Кэрю и, словно лишившись последних сил, рухнула на стул возле кровати.

Женщина и мальчик охотно рассказали свою историю, которая точь-в-точь совпадала с рассказом Джемми, услышанным Поллианной в городском парке. Несмотря на настойчивые расспросы миссис Кэрю, девочка не услышала почти ничего нового. По крайней мере, ничего существенного.

– Вы что, знали моего отца, мэм? – спросил Джемми, умоляюще глядя на миссис Кэрю.

Женщина прикрыла глаза и потёрла ладонью лоб.

– Ох, не знаю, не знаю, – тихо проговорила она. – Думаю, что нет...

Расстроенная Поллианна уже была готова вмешаться в разговор, но строгий взгляд миссис Кэрю заставил её замолчать. Девочка ещё раз обвела глазами бедную комнату.

Между тем Джемми вспомнил, что перед ним гости, которые пришли его навестить, и радостно воскликнул:

– Как хорошо, что вы пришли, Поллианна! Расскажи, как там поживает наш сэр Ланселот? Надеюсь, ты подкармливала его всё это время?

Поллианна немного замешкалась с ответом, и он поспешно воскликнул, показывая рукой на подоконник, на котором в банке с водой стоял маленький букетик:

– Тебе нравятся цветы? Кто-то обронил их, а Джерри подобрал и принёс мне. Разве они не прелесть! Понюхай, ещё немного пахнут!

Но Поллианна словно не слышала его слов. Её глаза по-прежнему блуждали по комнате, а сложенные на коленях руки были напряжённо сцеплены.

– Не понимаю, как ты мог здесь играть в мою игру? – вздохнув, пробормотала она. – В такой ужасной комнате. Она похожа на нору... – Девочка даже поёжилась. – Как тут вообще можно жить! – вырвалось у неё.

– Здесь ещё ничего! – рассмеялся в ответ Джемми. – Ты бы посмотрела, как живут в своём подвале Пайксы! Вот у них действительно ужасно, как в норе, а здесь... Ты просто не знаешь, сколько у этой комнаты достоинств! Во-первых, в солнечную погоду солнце заглядывает нам в окно на целых два часа! К тому же, если подойти к окну поближе, хорошо видно небо... К сожалению, нам скоро придётся отсюда съехать. У нас кончились деньги, чтобы платить за эту замечательную комнату. Вот это действительно печально!..

– Вы должны съехать?

– В том-то и дело. Мы и так сильно задолжали квартплату. Мамочка захворала и не может работать... – Джемми старался говорить бодрым голосом, но в его глазах сквозило отчаяние. – Миссис Долан этажом ниже обещает нам помочь с переездом. Моё кресло-коляска стоит пока у неё... Конечно, она не может вечно держать его у себя. Видно, придётся съезжать, если Джерри не удастся заработать немного денег или...

– А что, если нам... – начала Поллианна и тут же беспомощно умолкла.

Миссис Кэрю поспешно поднялась со стула и сказала:

– Пойдём, Поллианна. Нам пора домой.

Маленькая женщина устало вздохнула.

– Вам не придётся никуда съезжать, – пообещала миссис Кэрю на прощание. – А ещё я пришлю вам денег и еды... Также обращусь в нашу благотворительную организацию, походатайствую, чтобы вам оказали помощь...

Взглянув на маленькую женщину, миссис Кэрю оторопела. Миссис

Мэрфи, щёки которой запыхали от возмущения, забыв про свой радикулит, выпрямилась и, гордо расправив плечи, заявила:

– Благодарю вас, миссис Кэрю, но нам от вас ничего не надо! – Её голос дрожал, но был полон решимости. – Мы, конечно, не богатые люди, мэм, но не настолько, чтобы просить милостыню.

– Что за глупости! – резко возразила миссис Кэрю. – Я только что слышала, что женщина, которая живёт этажом ниже, помогает вам. Мальчик рассказывал...

– Это не милостыня, – продолжала стоять на своём женщина. – Миссис Долан – наша добрая приятельница. Друг. Она понимает, что и мы тоже готовы помочь ей в любую минуту. Помощь друзей – это не милостыня! Друзья всегда заботятся друг о друге. Это большая разница. Ведь мы не всегда были бедняками. Увы, теперь нам приходится особенно тяжело... В общем, спасибо за заботу, но нам она ни к чему. Как и ваши деньги.

Миссис Кэрю нахмурилась. Никогда она не чувствовала такой обиды. Обычно она не привыкла сдерживать свои эмоции, но на этот раз лишь холодно заметила:

– Ну как вам будет угодно... – Но, помолчав, устало проворчала: – Но пока вы не съехали, почему бы вам не пойти к домовладельцу и не потребовать, чтобы тот по крайней мере привёл в порядок ваше жильё? Почему вы должны жить с окнами, рамы в которых растрескались, а щели заткнуты газетами и тряпьем? Я уж не говорю про ужасную лестницу в вашей парадной...

Миссис Мэрфи лишь горестно вздохнула. Её плечи снова поникли, а на лице появилось прежнее выражение отчаяния и безысходности.

– Конечно, мы и сами много раз пытались добиться этого, – через силу вымолвила она. – Но всё бесполезно. К тому же нам приходится иметь дело не с домовладельцем, а лишь с квартирным агентом, посредником, который заявил, что арендная плата и так слишком низкая, поэтому жильцы обязаны сами заниматься мелким ремонтом...

– Глупости! – снова фыркнула миссис Кэрю.

Всё её раздражение было направлено теперь на неведомого домовладельца.

– Это просто чёрт знает что такое! – возмущённо продолжала она. –
Совсем люди совесть потеряли! Это ведь прямое нарушение закона!

По крайней мере, что касается общей лестницы в подъезде. Я непременно прослежу, чтобы домовладельца призвали к порядку. Как фамилия квартирного агента и кто владелец этих, с позволения сказать, шикарных апартаментов?

– Кто домовладелец, я не знаю, а квартирный агент – мистер Додж.

– Вы сказали мистер Додж? – удивлённо пробормотала миссис Кэрю. – Генри Додж?

– Да, мадам. Кажется, его зовут Генри.

Миссис Кэрю сначала покраснела, потом снова побледнела.

– Прекрасно... Я сама займусь этим делом, – промолвила она, отводя взгляд. – Ну что ж, Поллианна, – обратилась она к девочке, – нам пора!

Когда Поллианна прощалась с Джемми, у неё в глазах стояли слёзы.

– Я ещё приду! Обязательно! И очень скоро, – пообещала она с улыбкой и поспешила вслед за миссис Кэрю.

Снова им пришлось проделать путь по ветхой лестнице, с опаской ступая на полупровалившиеся ступени. На улице вокруг лимузина уже собралась порядочная толпа, и попавший в осаду Перкинс хмуро огрызнулся на галдящих детей, женщин и мужчин. Только когда за Поллианной захлопнулась дверца, девочка смогла перевести дух и, умоляюще глядя на миссис Кэрю, пролепетала:

– Милая миссис Кэрю, скажите, ведь это был ваш Джемми, правда? Ах, как было бы чудесно, если бы это был он!

– Это не Джемми.

– Боже мой! Вы уверены?

После мимолётного молчания, миссис Кэрю закрыла лицо руками.

– В том-то и дело, что не уверена! Ах, какое мучение! – простонала она. – То есть, я не думаю, что это он... Но и не могу с уверенностью сказать обратное. Ведь всегда остаётся шанс, что... Ох, я с ума сойду!

– Почему бы вам тогда не предполагать хорошее? – робко предложила Поллианна. – Лучше думайте, что это Джемми. Как в моей игре. Вы могли бы взять его к себе домой и тогда...

– Взять мальчика, который вовсе не мой Джемми? – резко прервала её женщина. – Нет, Поллианна! Ни за что!

– Но посудите сами, – дрожащим голосом взмолилась Поллианна, – если вы никак не можете помочь своему Джемми, наверное, сам он был бы счастлив, если бы вы вместо него помогли какому-нибудь другому мальчику... Разве нет?.. А что, если ваш Джемми, – взволнованно продолжала девочка, – сейчас тоже лежит где-то больной, в нищете, и ему

тоже некому помочь, утешить...

– Ах, не надо, Поллианна, прошу тебя! – с несчастным видом простонала миссис Кэрю, не зная, куда деваться от тоски и горя. – От одной мысли, что наш Джемми сейчас, может быть, где-то страдает без помощи... – Она схватилась за горло и не смогла закончить.

– Так ведь я об этом и говорю, мэм! Вы совершенно правы! – с горячностью подхватила Поллианна. – Только представьте на секунду, что это действительно ваш Джемми. Разве вам не хочется взять его к себе? Даже если окажется, что это не ваш Джемми, – рассуждала она, – то, взяв его к себе, вы ведь этим никак не огорчите вашего Джемми. Совсем наоборот. Вы осчастливите бедного, несчастного мальчика. Вы совершите огромное благодеяние... Следовательно, вы ничего не теряете. Наоборот, приобретаете. Вместо одного мальчика у вас их будет целых два!

– Ах, прекрати, Поллианна! – снова прервала её миссис Кэрю, задыхаясь от горя. – Ох, мне надо подумать...

Девочка в слезах откинулась на сиденье. Прошла минута-другая, прежде чем она смогла взять себя в руки и немного успокоиться. Затем эмоции снова хлынули через край.

– Подумать только, в каких жутких условиях они живут! – принялась восклицать она. – Попробовал бы домовладелец сам пожить в этом ужасном доме, возможно, тогда бы он что-нибудь понял!

Неожиданно миссис Кэрю подняла голову. Её лицо как будто исказила судорога. Замахав на девочку руками, она в отчаянии крикнула:

– Перестань!.. Ах, Поллианна, ведь домовладелец, может быть, вообще ничего об этом не знает! Тем более если домовладелец – женщина. Откуда ей знать?! Для неё это всего лишь одна из собственности... Но теперь, конечно, всё будет исправлено.

– Вы сказали, что это женщина?! Дом принадлежит женщине? Вы что, знаете квартирного агента или саму хозяйку?

– Да, да, – пробормотала миссис Кэрю, нервно кусая губы. – И агента, и саму хозяйку.

– Ах как удачно! – облегчённо вздохнула Поллианна. – Тогда всё будет хорошо!

– Безусловно, – решительно заявила миссис Кэрю. – Вне всяких сомнений.

Машина подъехала к крыльцу дома на проспекте Благоденствия.

Судя по всему, у миссис Кэрю были все основания считать, что вопрос с жильём для семейства Мэрфи будет решён наилучшим образом. Но у неё не поворачивался язык рассказать Поллианне всю правду.

Вечером, перед тем как лечь спать, миссис Кэрю собственноручно написала гневное письмо мистеру Генри Доджу, приглашая его немедленно прибыть и обсудить неотложный ремонт в принадлежащем ему доме. Особо было указано на щели в окнах и проваленную лестницу. Читая письмо, мистер Додж побледнел от злости и страха и даже сквозь зубы выругался.

Глава XI

Сюрприз для миссис Кэрю

Миссис Кэрю внимательно проследила за тем, чтобы в доме, где жила семья Мэрфи, был сделан надлежащий капитальный ремонт. На этом вопрос можно считать закрытым, с чувством выполненного долга решила она. И больше к этому не следует возвращаться. Мальчик оказался не её Джемми. Да и не мог им быть. Как полуграмотный калека мог быть сыном её сестры?! Разве такое возможно? Поэтому нужно просто выбросить это из головы... Однако миссис Кэрю мыслями постоянно возвращалась к одному и тому же: к маленькой комнате и бедному мальчику с грустными глазами. А в ушах эхом отдавался один и тот же вопрос: «А вдруг это всё-таки Джемми?..» К тому же молчание Поллианны, в глазах которой читался немой упрёк, стало для женщины тяжким испытанием.

Вот уже дважды миссис Кэрю отправлялась навестить мальчика, надеясь развеять свои сомнения. Но всё было тщетно. Пока она находилась рядом с мальчиком, сомнения действительно уходили, но, как только женщина возвращалась домой, они с новой силой одолевали её. Наконец миссис Кэрю не выдержала и подробно написала обо всём своей младшей сестре Делле.

«...Не хотела тебе говорить, – писала она, после того

как сухо изложила все факты и обстоятельства, – чтобы не возбуждать в тебе ложных надежд. С одной стороны, я совершенно уверена, что это не он, а с другой – когда я пишу эти самые строки – мне вдруг начинает казаться, что я ошибаюсь... Вот почему я решила просить тебя приехать, чтобы самой удостовериться...

Сгораю от нетерпения услышать, что ты скажешь. Конечно, последний раз мы видели нашего Джемми, когда ему было четыре года, а теперь, должно быть, уже двенадцать. Этому мальчику, кажется, тоже двенадцать. Сам он своего возраста точно не знает. Волосы и глаза не такие, как у Джемми. К тому же он калека. Но не от рождения, а после несчастного случая шесть лет назад. Ухудшение у него началось последние четыре года. Ничего определённо про его отца узнать не представляется возможным. Был ли он мужем нашей несчастной Дорис? То немного, что мне удалось выяснить, не говорит ни за, ни против. Все звали его «профессор». Говорят, он был с большими странностями. Кроме нескольких книг, после него ничего не осталось. А по книгам судить трудно. Джон Кент, конечно, тоже был человеком со странностями, вроде свободного художника. Интересовался ли он книгами, этого я уже не помню. Как по-твоему?.. Что касается «профессора», возможно, это было просто прозвище, которое прилипло к нему даже против его воли... Возвращаясь к мальчику... Очень надеюсь, что по приезду ты разрешишь мои сомнения!

Твоя безутешная сестра Рут».

Делла явилась безотлагательно и сразу отправилась знакомиться с мальчиком. Однако и она не смогла сказать что-то определённое. Как и сестре, ей показалось, что мальчик совсем не похож на Джемми, а немного погодя, стали закрадываться сомнения: а вдруг это всё-таки он?

С другой стороны, Делла вполне разделяла точку зрения Поллианны. Выход из положения, по её мнению, был очень простым.

– А почему бы тебе не взять его к себе, дорогая? – сказала она сестре. – Взять да и усыновить, а? Подумай, это было бы чудесно! Причём для вас обоих...

Но миссис Кэрю даже не дала сестре закончить.

– Нет-нет, ни в коем случае! – простонала она. – Мне нужен мой

Джемми! Больше мне никто не нужен!

Делла не стала её уговаривать и вернулась в санаторий.

Однако и на этом дело не кончилось. Несмотря на все старания, миссис Кэрю никак не могла успокоиться. Один и тот же вопрос «он или не он?» преследовал бедняжку и днём и ночью. У неё началась мучительная бессонница. А ещё – проблемы с Поллианной.

Девочка и сама не находила места. Впервые в жизни Поллианна лицом к лицу столкнулась с настоящей нищетой, увидела людей, которые часто сидели без хлеба, носили жалкие обноски и жили в ужасающих условиях. Первым её порывом было помочь им. Вместе с миссис Кэрю она два раза навещала Джемми и порадовалась тому, что у квартирного агента Доджа «наконец появилась совесть» и тот сделал необходимый ремонт. Но это, увы, была лишь капля в море. По соседству с Джемми жили такие же бедные, несчастные люди, их дети ходили в лохмотьях и отчаянно нуждались в помощи. Девочка с молчаливой надеждой смотрела на миссис Кэрю, которая отлично понимала, что от неё хотят, и однажды, не выдержав взгляда Поллианны, раздражённо воскликнула:

– По-твоему, я обязана облагодетельствовать всю улицу? Переклеить во всех домах обои, вставить разбитые стёкла и починить разваливающиеся лестницы? Не слишком ли много ты от меня требуешь?

Но добрая девочка не поняла иронии и, сияя от радости, наивно подхватила:

– Да-да! Это было бы замечательно! У этих людей так много проблем! Разве не счастье помогать нуждающимся? Как бы и я хотела быть богатой, чтобы помогать беднякам! Хорошо ещё, что хотя бы у вас достаточно для этого средств...

Изумлённая миссис Кэрю даже не знала, что на это отвечать. Одно было ясно: она не собиралась тратить времени на объяснения, что у неё не только нет возможности осчастливить всех нуждающихся с «улицы Мэрфи», но и большого желания тоже. Да и с какой, спрашивается, стати?! Она и так снизила как могла арендную плату. И вообще, шла на всяческие уступки. В то же время она до сих пор не считала нужным поставить Поллианну в известность, кому на самом деле принадлежит доходный дом. Лишь расплывчато объяснила девочке, что материальное положение семейства Мэрфи существенно улучшилось, благодаря многочисленным благотворительным организациям, которые помогают беднякам, причём добровольно и регулярно.

Однако и после этого Поллианна не успокоилась.

– И всё-таки я не понимаю, мэм, – снова и снова недоумевала девочка, – почему все люди на земле не объединятся, чтобы помогать друг другу? Мы должны объединиться. Ведь Джемми будет гораздо приятнее, если он получит в подарок книгу или ещё что-то не от какого-то там чужого благотворительного комитета, а от меня или вас, вы согласны, мэм?

– Пожалуй, ты права, – устало согласилась миссис Кэрю. – Однако люди, специально посвятившие себя благотворительности, лучше нас знают, как помочь Джемми. В частности, знают, какую книгу подарить...

Из последовавшей далее длинной тирады Поллианна мало что поняла. Миссис Кэрю разглагольствовала о «бедных, которых делают ещё беднее», о «дискриминации в вопросе распределения благотворительности», а также о «проблеме избирательной благотворительности, ухудшающей ситуацию в целом...»

– Кроме всего прочего, – заявила в довершение этой тирады дама, видя, что девочка с трудом понимает, о чём идёт речь, – вполне вероятно, что сами люди не хотят принимать абсолютно никакой благотворительности. Вспомни, как отреагировала миссис Мэрфи, когда я предложила прислать им в качестве помощи денег, еды и одежды. А между тем они охотно принимают помощь от соседей этажом ниже.

– Это я понимаю, – вздохнула Поллианна, смущённо опуская глаза. – Но есть вещи, которые я совсем не могу понять. Почему на свете вообще такая несправедливость: у нас дом – полная чаша, а у кого-то хоть шаром покати?..

Дни мелькали один за другим, а Поллианна всё больше укреплялась в своём мнении о несправедливом устройстве мира. Её неудобные вопросы не давали покоя миссис Кэрю. Даже знаменитая игра в поиск радости зашла в тупик. Поллианна была в отчаянии.

– Что хорошего можно найти в бедственном положении этих людей?! – восклицала она, горестно качая головой. – Сами мы, конечно, можем порадоваться тому, что не оказались на их месте, что мы не бедняки. Однако как только я вспоминаю о них, то собственное благополучие перестаёт меня радовать. Единственное, что ещё как-то может меня радовать, – так это то, что мы хотя бы имеем возможность помогать беднякам. С другой стороны, какая радость в том, чтобы сознавать эту возможность, если бедняки вообще отказываются принимать нашу помощь?..

На этот больной вопрос у Поллианны не было ответа... Более того, когда она обращалась с ним к миссис Кэрю, женщина огорчалась ещё

сильнее. Её снова начинали преследовать мучительные видения. А именно, что её маленький племянник Джемми, больной и несчастный, страдает где-то от голода и нищеты. Даже приближение Рождества её не радовало. Наоборот, блеск новогодних украшений и гирлянд повергал её в глубокое уныние. Она словно чувствовала себя в чём-то виноватой. Особенно когда представляла, что в Рождественскую ночь, которая раньше была для неё лучшим детским праздником, её Джемми, быть может, вообще останется без новогоднего подарка. Приготовления к Рождеству лишь нагоняли на неё тоску...

Перед самым Рождеством душу миссис Кэрю стали раздирать такие отчаянные сомнения, что женщина совершенно пала духом. В конце концов она сделала распоряжения Мэри и позвала Поллианну.

– Поллианна, вот что я решила. Я решила... взять Джемми, – ворчливым голосом заявила миссис Кэрю. – Сейчас подадут авто. Я собираюсь съездить за ним и привести его к себе домой. Если хочешь, можешь отправиться со мной...

Девочка просияла от радости.

– Ах! Как я рада! Как я счастлива! – не помня себя от удивления,

прошептала она. – Я так рада, что мне даже плакать хочется!.. Скажите, мэм, почему это, когда человек так сильно рад, ему хочется не смеяться, а плакать?

– Чего не знаю, того не знаю, – рассеянно пробормотала миссис Кэрю, на лице которой, впрочем, не отражалось никакой особенной радости.

Приехав к Мэрфи, миссис Кэрю с порога заявила о цели своего визита и в нескольких словах рассказала о своём пропавшем племяннике, а также о том, как она надеялась, что наконец нашла его. Она не скрывала своих сомнений насчёт того, что Джемми действительно её Джемми. Тем не менее она решила взять мальчика к себе и вообще сделать для него всё, что только в её силах. Усталым голосом миссис Кэрю принялась рассказывать, как она предполагает устроить будущее сироты.

Миссис Мэрфи сидела на кровати Джемми и тихо плакала. Джерри, не находя слов от удивления, лишь выдохнул:

– Ну и дела! В жизни ничего подобного не слышал!

Что же касается самого Джемми, то в первый момент в глазах мальчика вспыхнула такая радость, словно перед ним распахнулась чудесная дверь в волшебную страну. Но потом, по мере того как миссис Кэрю рассказывала о своих сомнениях, лицо мальчика снова осунулось, а глаза потухли.

Потом он закрыл глаза и с безразличным видом отвернулся к стене.

Миссис Кэрю молчала и ждала ответа на своё предложение. Наконец после долгой тягостной паузы Джемми снова повернулся и взглянул на знатную даму. Он был ужасно бледен, а в глазах стояли слёзы.

– Благодарствуйте, миссис Кэрю, но я не могу, – тихо, но твёрдо промолвил Джемми.

– Не можешь? Почему? – пробормотала миссис Кэрю, словно не веря своим ушам.

– Джемми! – взмолилась Поллианна.

– Да брось, парень, что ты в самом деле! – проворчал Джерри, обращаясь к мальчику. – Дают – бери, бьют – беги! Знаешь такую поговорку?

– Нет, я не могу, – упрямо покачал головой тот.

– Но, Джемми, ты только подумай, как это для тебя важно! – дрожащим голосом проговорила миссис Мэрфи.

– Думаете, я не понимаю, от чего отказываюсь? – хмуро сказал мальчик. – Отлично понимаю! – Он снова посмотрел на миссис Кэрю. –

Нет, – решительно повторил он, – мне ничего не надо. Я ведь вижу, что вы сомневаетесь. Если бы вы действительно хотели, тогда другое дело. Я вам не нужен. Вам нужен настоящий Джемми! Вы ведь не верите, что я это он!

– Да, но... – уныло пролепетала миссис Кэрю.

– К тому же я не такой, как обыкновенные дети. Я калека, я не могу ходить! Вы скоро устанете от меня! – продолжал мальчик, покраснев. – Так оно и будет! А я этого совсем не хочу! Мне самому это будет в тягость... Другое дело, если бы вы относились ко мне так же, как мамочка... – всхлипнул он и, в отчаянии махнув худенькой рукой, снова отвернулся к стене. – Нет, я не тот Джемми, которого вы ищете! И я никуда с вами не поеду!

И даже стукнул по старенькому одеялу кулачком.

Воцарилось неловкое молчание. Миссис Кэрю поднялась со стула.

Её лицо было очень бледным, но совершенно спокойным. Именно это спокойствие заставило Поллианну закусить губу, чтобы не заплакать.

– Пойдём, Поллианна, – сказала миссис Кэрю.

– Ну ты и дурак, ей-богу! – не выдержав, бросил Джерри больному мальчику, когда за гостями закрывалась дверь.

Джемми ничего не ответил и только горько заплакал, как будто чудесная дверь в волшебную, счастливую страну закрылась для него. Захлопнулась – на этот раз навсегда...

Глава XII

У прилавка

Миссис Кэрю была в ярости. Это ж надо, она снизошла, буквально заставила себя пойти и предложить несчастному калеке счастливый билет, а тот – взял и отказался! Просто возмутительно! Миссис Кэрю была не из тех знатных леди, которые смиренно переносят отказ и насмешки. Но ещё больше в данной ситуации её ужасало, а что, если этот Джемми и есть настоящий Джемми! Ведь в глубине души она прекрасно сознавала, что её намерение взять мальчика к себе объяснялось лишь тем, что, приютив беднягу, она надеялась раз и навсегда заглушить в себе эти бесконечные сомнения, которые выматывали всю душу: «Джемми или не Джемми?..»

Что и говорить, отказ мальчика переселиться к ней оскорбил и расстроил миссис Кэрю до глубины души. Да ещё в такой форме! Ведь он прочёл её самые потаённые мысли... Впрочем, теперь миссис Кэрю была даже рада тому, что не питает к этому Джемми никаких чувств (как он ей об этом и заявил), – в таком случае она тем более имеет полное право спокойно «умыть руки» и просто забыть о неприятном инциденте.

Но в том-то и дело, что забыть не получалось. Как миссис Кэрю не убеждала себя, что судьба какого-то чужого калеки абсолютно её не касается, сомнения вновь и вновь атаковали её, жалили, словно злые осы. Тогда она постаралась занять себя многими другими богоугодными делами: лишь бы её днём и ночью не преследовали эти печальные глаза,

которыми смотрел на неё несчастный мальчик-калека, прозябающий в жестокой нищете.

Изрядную долю жгучей соли на рану подсыпала и Поллианна. Её будто подменили. Вместо весёлой, энергичной девочки, которая всегда улыбалась и смеялась, по дому теперь слонялось какое-то унылое привидение, потерявшее всякий интерес к жизни.

– Нет, мэм, со мной всё в порядке. Я не заболела, – вяло отвечала Поллианна, когда миссис Кэрю пыталась с ней заговорить.

– Так в чём же дело?

– Ни в чём... Просто я всё время вспоминаю Джемми... Думаю о том, что он, бедный, лишён всех этих чудесных вещей – ковров, картин, занавесок...

То же самое происходило с едой. Поллианна совершенно потеряла аппетит. Вместо того чтобы есть, начинала вздыхать и печалиться.

– Ах, мне совсем не хочется есть! – говорила она. – Как только я сажусь за стол, так сразу вспоминаю Джемми. Представляю, что он, бедняжка, грызёт сухую корку... У меня сразу пропадает весь аппетит!

Миссис Кэрю стала замечать за собой, что всеми силами старается угодить Поллианне, развеселить девочку. Она заказала громадную новогоднюю ёлку, дюжину чудесных гирлянд, праздничные шары, а также массу других украшений. Впервые за долгие годы весь дом засверкал разноцветными огнями: золотыми, серебряными. Кроме того, миссис Кэрю распорядилась начать подготовку к рождественскому балу и сказала Поллианне, чтобы та пригласила в гости одноклассниц.

Увы, и тут миссис Кэрю ожидало разочарование. Было видно, что девочка старается улыбаться и радоваться, но эти улыбки были вымученными, а в глазах застыла прежняя печаль и тоска.

В конце концов стало ясно, что новогодний праздник принесёт Поллианне больше огорчений, чем радости. Как только новогодняя ёлка вспыхнула огнями, девочка потупила взор, с трудом сдерживая рыдания.

– Да что с тобой, Поллианна? – в отчаянии воскликнула миссис Кэрю. – Какая муха тебя укусила?

– Со мной всё в порядке, – всхлипнула Поллианна. – Просто вокруг такая красота, что хочется плакать! – И правда залилась слезами. – Как мне жаль, что Джемми не может увидеть всего этого!

Чаша терпения бедной миссис Кэрю оказалась переполненной.

– Джемми, Джемми, Джемми! – вскричала она, не в силах сдерживаться. – Неужели ты никогда не перестанешь вспоминать об этом мальчике! Ты ведь прекрасно знаешь, что я не виновата в том, что он сейчас

не здесь. Я просила его поехать со мной, умоляла переселиться ко мне. И где, в конце концов, твоя хвалёная игра в поиски радости? По-моему, сейчас для неё самое время! Попробуй хоть немного развеселиться!

– Я стараюсь как могу, мэм, – виновато пробормотала Поллианна. – Сама не пойму, почему у меня ничего не получается. Раньше я всегда находила что-нибудь, чему можно порадоваться, и чувствовала себя счастливой. Но сейчас, когда я думаю о Джемми и о том, что, в отличие от него, могу ходить по чудесным коврам, смотреть на красивые картины, есть всякие вкусности, могу ходить в школу, просто бегать и прыгать, то от этого почему-то чувствую себя ещё более несчастной. Чем больше у меня радостей, тем сильнее я переживаю за Джемми! Такого со мной ещё никогда не было, и моя игра совсем не помогает... Что со мной такое, мэм?

Но миссис Кэрю только удручённо махнула рукой и отвернулась, не проронив ни слова.

На следующий день после Рождества произошло нечто до того удивительное, что Поллианна на время почти забыла про Джемми.

Миссис Кэрю взяла девочку с собой в магазин, и, пока женщина рассматривала вышитые кружевные воротнички, не зная, какой выбрать, Поллианна взглянула через прилавок, и одно из лиц показалось ей знакомым.

Секунду-другую девочка морщила лоб, пытаясь понять, кто это, а затем с радостным криком бросилась к одной из продавщиц.

– Это вы! Это вы! – восклицала она, подбегая к девушке, которая выкладывала на витрине розовые банты. – Как я рада, что встретила вас!

Девушка за прилавком подняла голову и с удивлением взглянула на Поллианну. В следующее мгновение и её лицо озарилось радостной улыбкой. Она тоже узнала Поллианну.

– Девочка из городского парка! Вот так встреча! – ахнула она.

– Да, это я. Как здорово, что вы меня вспомнили, – просияла Поллианна. – Я всё время искала вас, но с тех пор больше ни разу не встречала вас в парке...

– Мне было не до прогулок. Нужно было работать. В тот день был мой последний выходной... Пятьдесят центов, мадам, – сказала она какой-то миловидной пожилой даме, которая поинтересовалась, сколько стоят чёрно-белые банты, выложенные на прилавке.

– Целых пятьдесят центов? Как дорого! – Пожилая леди повертела бант туда-сюда и со вздохом отложила в сторону. – Хотя, конечно, очень красивый... – добавила она и последовала дальше.

Вслед за почтенной дамой к прилавку подошли две хихикающие девушки и стали примерять бархатные банты со стразами и банты из розового тюля, как у сказочных фей. Когда они наконец отошли, Поллианна с удивлением и завистью спросила:

– И так целый день? Какая вы счастливая, что у вас такая работа!

– Счастливая?

– Ну да. Разве не весело, когда вокруг столько людей и все такие разные? С каждым можно поболтать, познакомиться. Ведь ваша работа – с ними разговаривать, верно? Ах, как я вам завидую! Когда я вырасту, тоже пойду сюда работать. Это же так интересно: наблюдать, что люди покупают...

– Интересно? Скажешь тоже! – фыркнула девушка-продавщица. – Ты ещё маленькая, ничего не понимаешь в жизни... Доллар, мадам, – сказала она, обращаясь к молодой женщине, которая показывала на ярко-

жёлтый бархатный бант.

– Ну наконец-то дождалась от вас ответа, – проворчала молодая женщина. – Я уже во второй раз к вам обращаюсь.

Продавщица виновато опустила глаза:

– Я не слышала, мадам...

– Меня это не касается. Вы *должны* слышать. Это ваша обязанность!

Вы за это зарплату получаете, не так ли? Сколько стоит тот чёрный?

– Пятьдесят центов.

– А голубой?

– Доллар.

– Эй, повежливее, мисс, не то придётся на вас пожаловаться вашему начальству! Дайте-ка мне посмотреть те розовые!

Продавщица хотела что-то сказать, но, проглотив обиду, покорно взяла подставку с розовыми бантами и протянула покупательнице. Поллианна заметила, что у девушки дрожат руки, а в глазах стоят слёзы.

Молодая женщина стала перебирать банты, но потом отложила их в сторону.

– Они мне не нравятся, – проворчала она.

– Ну, что ты теперь скажешь? – дрожащим голосом спросила девушка Поллианну, когда покупательница отошла. – Как тебе такая работа? Что в ней хорошего, а?

Неожиданно Поллианна прыснула от смеха.

– Вот фурия! Да она прекомичная, эта ворчливая молодая дама. Уже одно то, что вы не такая, как она, должно вас радовать. Разве нет?

– Пожалуй, – кивнула девушка, слабо улыбнувшись. – Как бы то ни было, малышка, та игра, о которой ты мне рассказывала в городском парке, быть может, подходит для тебя, но для меня... – Она снова была вынуждена прерваться и повернуться к новой покупательнице. – Пятьдесят центов, мадам, – устало промолвила она.

– У вас по-прежнему нет молодого человека? – поинтересовалась Поллианна у девушки, когда та ненадолго освободилась.

– Как тебе сказать, – пожала плечами девушка. – С тех пор как мы с тобой виделись, у меня, наверное, было... дюжин пять или семь ухажёров! – неловко пошутила она.

– А как вы провели Рождество? Весело?

– О да, ещё как весело! – с горькой усмешкой кивнула девушка. – Весь день провалялась в постели, укутавшись потеплее, чтобы согреться. Ужасно ныли ноги... Прочла не то три, не то четыре газеты и один журнал. А вечером, решив шикануть, отправилась в ресторанчик. Взяла порцию

цыплёнка не за двадцать пять, а за целых тридцать пять центов!

– А что у вас с ногами?

– Натёрла... Перед праздниками в магазине всегда столпотворение.

– Что правда, то правда, – сочувственно вздохнула девочка. – А у вас была какая-нибудь новогодняя ёлочка? Неужели вы больше никуда не ходили на Рождество?

– Нет, никуда.

– Как жаль, что вы не видели моей ёлки! – снова вздохнула Поллианна. – Она такая чудесная! Хотя... – вдруг радостно спохватилась она, – вы ещё можете на неё полюбоваться! Её ведь ещё не убрали! Если не можете сегодня, то приходите завтра...

– Поллианна! – послышался рядом недовольный голос миссис Кэрю. – Что это значит? Куда ты пропала? Я тебя обыскала! Мне даже пришлось вернуться в секцию верхней одежды...

Девочка бросилась к ней с радостным смехом.

– Ах, миссис Кэрю! Вы как раз кстати, – воскликнула девочка. – Это... это... Я ещё не узнала имени этой девушки, но я всё равно хорошо с ней знакома. Мы познакомились с ней давным-давно, в городском парке. Она очень одинокая, и у неё совсем нет знакомых. Её отец тоже был священником, как и мой, только он жив. Представляете, у неё на Рождество вообще не было ёлки! Она натёрла в магазине ноги, и у неё не было ничего вкусного... Вот я и решила пригласить её посмотреть на мою ёлку сегодня вечером или завтра... – запыхавшись от волнения, торопливо объясняла Поллианна. – Можно, я опять зажгу ёлку, мэм? Вы мне разрешите?

– Видишь ли, Поллианна... – начала миссис Кэрю, неодобрительно качая головой.

– Не беспокойтесь, мадам! – поспешно прервала её девушка-продавщица. – Я и не собиралась навязываться...

– Ну пожалуйста... – взмолилась Поллианна. – Я так хочу, чтобы вы пришли!

– Насколько я понимаю, – снова прервала её девушка с иронической улыбкой, – мадам не собирается меня приглашать...

Миссис Кэрю покраснела от злости и даже повернулась, чтобы уйти. Однако Поллианна схватила её за руку и не отпускала. Девочка продолжала торопливо говорить с продавщицей, пока ту не отвлекали покупатели.

– Ничего подобного! Конечно, она вас пригласит! Она хочет, чтобы вы пришли, уверяю вас! Вы даже не представляете, какая она добрая и как много денег тратит на благотворительность!

– Поллианна! – проворчала миссис Кэрю, снова порываясь уйти,

но на этот раз её остановил звенящий от возмущения голос девушки-продавщицы.

– О да, это мне хорошо известно! Их, таких дам, пруд пруди, хлебом не корми, дай показать, какие они все добродетельные! – насмешливо воскликнула она. – Ведь вокруг столько нуждающихся и падших девушек! Всем нужно помочь! Что ж, и это хорошо. Ничего против не имею. Вот только меня всегда удивляло, почему эти богатые не торопятся со своей помощью, пока человек ещё не скатился по наклонной?! Почему бы им не подарить каждой бедной девушке по уютному дому с книгами, картинами, богатыми коврами и прочей музыкой? Может быть, тогда на свете не было бы столько несчастных, падших девушек?.. Боже мой, – словно спохватившись, прервала себя молоденькая продавщица, – что я такое говорю!..

Её лицо снова потемнело от усталости. Девушка повернулась к очередной покупательнице, которая примеряла голубой бант.

– Пятьдесят центов, мадам...

Миссис Кэрю потащила Поллианну прочь.

Глава XIII

Ожидание и победа

План был великолепный. Он созрел в голове у Поллианны буквально за пять минут. И девочка тут же поделилась им с миссис Кэрю. Но миссис Кэрю план не понравился, и она так прямо об этом и заявила.

– Уверю вас, мэм, это будет замечательно! – тут же заспорила Поллианна. – И совсем не хлопотно! Пусть ёлка остаётся как она есть, только подарков нужно повесить побольше. До Нового года ведь всего ничего! Только вообразите, как обрадуется девушка, придя к нам! Вы бы тоже обрадовались на её месте, если бы на Рождество у вас вместо подарков были мозоли на ногах, а вместо угощения – один дешёвый пирожок.

– Ох нет, это переходит всяческие границы! – нахмурилась миссис Кэрю. – Ты ведь даже не знаешь имени этой подозрительной особы!

– Ну и что! Так даже веселее! Кроме того, мне кажется, что я сто лет её знаю, – с улыбкой возразила Поллианна. – Когда мы познакомились с ней в городском парке, она подробно рассказала мне о своей одинокой жизни в большом городе, где никому нет до неё дела... У неё был один молодой человек, но он оказался симпатичным лишь на первый взгляд. Они договорились куда-то пойти. Он пришёл за ней в парк, но она почему-то отказалась. О, если бы вы видели, как он разозлился! И сделался ужасно грубым! Ах, как только люди не понимают, какими они делаются некрасивыми, когда злятся!.. И сегодня тоже. В магазине к ней подошла

одна милостивая леди и, выбирая бант, вдруг наговорила девушке кучу грубостей. Посмотрели бы вы на эту даму, когда она начала ругаться! Вот уж действительно – ужасно несимпатичная!.. Ах, мэм, ведь вы не будете против, если я устрою у себя новогоднюю ёлку и приглашу в гости эту продавщицу бантов? А ещё я приглашу Джемми! Ему уже значительно лучше. Он поправился и сможет прийти. Конечно, Джерри придётся катить кресло-коляску. Но зато какая нам всем будет радость, правда, мэм?

– Ну да, нам ещё Джерри не хватало для полного счастья, – проворчала миссис Кэрю. – А может, пригласить не только Джерри, а заодно и всех его приятелей? У него, я уверена, куча приятелей, которые будут рады прийти.

– Правда? Вы не шутите, миссис Кэрю? Мне их тоже можно пригласить?! – воскликнула Поллианна, в восторге захлопав в ладоши. – Вот здорово! Вы такая добрая, такая добрая! Я так хотела...

Изумлённая миссис Кэрю в ужасе смотрела на девочку.

– Нет, Поллианна, я не... – начала она.

Но Поллианна, не дав ей договорить, продолжала весело тараторить:

– Нет-нет! Вы – добрая, добрая! Лучше вас никого в целом свете нету! Как вы могли подумать, что вы не добрая!.. Теперь у меня будет самая весёлая новогодняя ёлка! – радостно восклицала она. – К нам в гости придут Томми Долан с сестрёнкой Дженни, дети Макдоналдов, три девочки, чьих имён я тоже не знаю, но они живут как раз под Мэрфи. И ещё много других гостей. Надеюсь, у нас хватит места для всех. Только представьте, мэм, они будут на седьмом небе от счастья, когда я приглашу их всех к себе на ёлку! Ах, милая миссис Кэрю, я сама так рада, так рада! Как никогда в жизни! И всё благодаря вам!.. А можно я прямо сейчас начну их приглашать? То-то они обрадуются, когда узнают, какой у них будет чудесный новогодний праздник!

Если бы раньше миссис Кэрю сказали, что к ней в дом на новогоднюю ёлку соберётся толпа ребятишек из бедных семей да ещё девушка, чьего имени она даже не знает, она бы никогда в жизни не поверила!

Более того, она абсолютно не понимала, как так получилось, что, вместо того чтобы наотрез отказаться от этой безумной затеи, она вдруг согласилась.

Кто знает, может быть, всё дело в словах девушки-продавщицы, которые засели в голове у миссис Кэрю: «Почему богатые не торопятся

со своей помощью, пока человек ещё не скатился по наклонной?..»

А может быть, у неё в ушах всё ещё звучал рассказ Поллианны – о той же девушке-продавщице, которой было так одиноко одной в большом городе, а когда она отказалась пойти на свидание с симпатичным молодым человеком, тот оказался вовсе не таким уж симпатичным...

А может быть, миссис Кэрю надеялась, что её поступок поможет ей самой обрести мир в душе, по которому она так истосковалась?

А может, и то, и другое, и третье?

Так или иначе, сердце миссис Кэрю дрогнуло, и, глядя на наивное, счастливое личико Поллианны, она сказала «да». Девочка сразу бросилась мечтать о том, как она устроит этот новогодний праздник.

Пересказывая в письме все эти события, миссис Кэрю писала сестре:

«...Не представляю, к чему всё это приведёт! Надеюсь, я не пожалею о том, что делаю. В любом случае назад дороги нет. Конечно, если бы Поллианна завела со мной душевительную беседу или что-нибудь в этом роде, я бы категорически ей отказала и с чистой совестью отослала обратно к тебе... Но, слава Богу, обошлось без проповедей!..»

Читая письмо сестры, Делла хохотала от души. Особенно повеселило её окончание письма, которое она перечитала вслух.

– «Слава Богу, обошлось без проповедей!..» – повторяла она, давась от смеха. – Ах, Поллианна, ах, святая простота!.. Как бы там ни было, Рут, милая моя сестрёнка, ты устраиваешь у себя в доме сразу два весёлых праздника за одну неделю. И это в доме, в котором ещё недавно было темно и мрачно, как в могиле!.. «Слава Богу, обошлось без проповедей!..» Ох, я умру от смеха!

Праздник удался на славу. Даже миссис Кэрю была вынуждена это признать. Джемми в кресле-коляске, Джерри, который не лез за словом в карман, а также девушка-продавщица (которую, как выяснилось, звали Сэйди Дин) – все трое сразу подружились и оказались центром внимания весёлой компании. К удивлению гостей (а возможно, и к своему собственному), Сэйди Дин знала множество забавных игр. Джемми развлекал всех удивительными историями, которые вычитал из книжек, а Джерри смешил гостей уличными шутками-прибаутками. Ёлка была восхитительна. Ни один из гостей не ушёл с праздника без подарка. Усталые, они разошлись далеко за полночь. Самыми последними уходили

Джемми и Джерри. Оглянувшись на сверкающую ёлку и богатые комнаты, Джерри наклонился и, думая, что его никто не слышит, тихонько шепнул Джемми на ухо:

– Ну что, ты и теперь не жалеешь, что отказался переезжать сюда?

Однако миссис Кэрю услышала эти слова и громко поинтересовалась:

– А и правда, Джемми, ты не жалеешь?

Мальчик покраснел и смущённо покачал головой. Потом, глядя прямо в глаза миссис Кэрю, твёрдо сказал:

– Если бы всегда было, как сегодня! Тогда, может быть... Но, увы, это невозможно. После сегодняшнего праздника наступят обычные будни. Из них и состоит жизнь... Нет, я не жалею, – твёрдо повторил он.

Миссис Кэрю была уверена, что после новогоднего праздника Поллианна забудет про Сэйди Дин. Но не тут-то было! Уже на следующее утро девочка снова заговорила о ней.

– Как я рада, что снова её встретила, – защебетала она. – Жаль, конечно, что мне не удалось отыскать для вас настоящего Джемми, но зато я познакомила вас с этой девушкой. Наверняка вы её полюбите всем сердцем, мэм! Потому что это будет то же самое, что любовь к Джемми!

Миссис Кэрю даже поперхнулась от удивления. Её изрядно раздражала наивная вера Поллианны, которая уверяла, что сердце миссис Кэрю – самое доброе сердце в мире, а сама миссис Кэрю только и мечтает о том, чтобы помогать и опекать всех и каждого.

И с чего только она это взяла?!

– Послушай, Поллианна, – нетерпеливо возразила миссис Кэрю, нахмутив брови. – Тебе не кажется, что любовь к моему Джемми и к этой девушке – всё-таки совершенно разные вещи? Эта девушка для меня отнюдь не мой племянник Джемми!

– Ну конечно, она не Джемми, – с готовностью согласилась Поллианна. – Тут вы, к сожалению, совершенно правы. Однако, – продолжала рассуждать девочка, – в каком-то смысле, она тоже похожа на вашего Джемми. Я имею в виду, что для кого-то она, возможно, то же самое, что для вас Джемми. Она ведь такая же одинокая, как он. Если кто-то полюбит её, поможет ей, это будет то же самое, как если бы кто-то помог и вашему Джемми... Где бы он сейчас ни находился...

Из груди миссис Кэрю вырвался горестный стон.

– Мне нужен мой Джемми! – всхлипнула она.

Поллианна понимающе закивала.

– Я знаю! Это называется родительский инстинкт, чувство дома.

Об этом мне ещё мистер Пендлтон говорил! Только у него мужское чувство, а у вас женское.

– Женское чувство?

– Ну да! Конечно! Желание устроить свой дом, семью. Однажды мистер Пендлтон признался мне, что для этого в доме должно чувствоваться присутствие женщины или ребёнка. Поэтому он сам уговаривал меня переселиться от тётушки и жить с ним. Увы, это было невозможно, и поэтому я нашла ему вместо себя мальчика Джимми, и он его усыновил...

– Ты сказала Джимми? – пробормотала миссис Кэрю. – Джимми или Джемми?

Рассказ Поллианны совершенно сбил её с толку. А тут ещё чередование похожих имён.

– Ну да, Джимми! Джимми Бина.

– Значит, Джимми Бина... – с облегчением выдохнула женщина.

– Сначала он жил в приюте, а потом убежал оттуда. А я его нашла. Прямо на дороге. Он сказал, что ему нужна настоящая семья, с мамой и папой. Вместо какой-то чужой директрисы. Увы, маму я ему не смогла найти, но зато нашла ему мистера Пендлтона, который его и усыновил... Стало быть, теперь его зовут Джимми Пендлтон!

– А раньше он, значит, был Джимми Бином?

– Ну да, Бином.

– Ох...

Миссис Кэрю снова протяжно вздохнула. Ей казалось, что она вот-вот сойдёт с ума. Сначала её преследовало имя Сэйди Дин. А до новогоднего праздника имя Джемми. В результате Поллианне удалось привести обоих в её дом. И как это ни удивительно, миссис Кэрю не нашла в себе сил этому воспрепятствовать. У этой девочки всё выходило само собой. Не то чтобы миссис Кэрю была категорически против таких маленьких радостей и праздников, но, судя по всему, её одобрение или согласие вовсе не требовалось.

С другой стороны, благодаря Поллианне, а также незаметно для самой себя, миссис Кэрю научилась многим вещам, о которых раньше и помыслить не могла. Ещё недавно она запиралась у себя в доме, наглухо занавешивала окна и приказывала горничной никого не принимать. А теперь её жизнь круто переменялась. Она даже имела представление о том, что такое жизнь одинокой девушки в большом городе, которой приходится самой зарабатывать себе на хлеб и у которой нет никого, кроме молодого эгоистичного ухажёра...

– Что вы имели в виду, – поинтересовалась миссис Кэрю у Сэйди Дин, – когда в тот раз в магазине заговорили про помощь девушкам, которые катятся по наклонной?

Девушка смущённо покраснела.

– Простите меня, мэм! Тогда я, кажется, наговорила лишнего...

– Да что вы, я нисколько не обижаюсь! Просто с тех пор я часто думала об этом. Что вы хотели этим сказать?

Немного помолчав, Сэйди печально улыбнулась и тихо сказала:

– Дело в том, что однажды у меня была такая знакомая девушка. Родом из того же городка, что и я. Добрая, симпатичная. Но... слабая. Около года мы жили вместе, снимали одну комнату на двоих, готовили на одной газовой горелке, ужинали вместе в одной местной забегаловке... В выходные могли позволить себе лишь погулять по городу или сходить в кино. Но чаще просто сидели дома... Комната у нас была ужасная, – продолжала девушка. – Летом в ней было жарко, как в духовке, а зимой жуткий холод. Газовая горелка едва теплилась. При ней нельзя было ни шить, ни читать. Впрочем, после работы мы всё равно валялись с ног от усталости. Соседи тоже достались беспокойные. Потолок трясся так, будто верхний жилец учился отбивать чечётку, а снизу оглушительно пицал кларнет. Вы никогда не жили с соседом, который играет на кларнете, мэм?

– По правде сказать, никогда... – пробормотала миссис Кэрю.

– Тогда вы много потеряли, – безрадостно усмехнулась Сэйди Дин. – На праздники мы обычно ходили гулять на Проспект или куда-нибудь ещё, – продолжала она. – Или просто глазели в чужие окна. Нам было ужасно одиноко. Особенно в те дни. В некоторых окошках уютно светили абажуры, за обеденным столом сидели люди, рядом играли дети. Нам казалось, если мы полюбуемся на чужое счастье, нам самим станет легче, теплее. Но от этого становилось только ещё грустнее. Когда мимо проезжали роскошные автомобили, в которых хохотали молодые люди и девушки, мы чувствовали себя несчастными-пренесчастными. Мы тоже были совсем юными, нам тоже ужасно хотелось смеяться, развлекаться... Нам хотелось весёлой жизни, хоть каких-нибудь радостей... Но вот мало-помалу у моей знакомой появилась такая возможность... Короче говоря, однажды мы решили расстаться.

Мне не нравилась её компания, и я так прямо ей это и сказала. Но у неё на этот счёт было другое мнение. В общем, она пошла своей дорогой, а я своей. Я не видела её больше двух лет. Потом получила от неё короткое письмо. Она писала из какого-то благотворительного заведения,

вроде приюта для бедных. Я поехала её навестить. Это было месяц назад. Заведение оказалось очень даже приличным с виду: на полу мягкие ковры, на стенах картины, на окнах цветы. Пианино, книги. Богатые дамы заезжали за ней туда на шикарных авто, возили в театр и на концерты. Обещали устроить на службу и обучали стенографии. Она рассказывала, что все были ужасно добры к ней, буквально лезли из кожи, чтобы ей помочь... Однако она поведала мне ещё кое-что. «Сэйди, – сказала она, – если бы раньше, когда я была неиспорченной работающей девушкой, они сделали для меня хоть десятую долю того, что делают сейчас, я бы здесь не оказалась!..» Никогда не забуду эти её слова. Вот и всё, что я хотела сказать. Я вовсе не против благотворительности. Благотворительность – хорошая вещь. Просто теперь развелось столько этих благотворительниц! Где же они все раньше были, а?..

– Насколько мне известно, – неуверенно возразила миссис Кэрю, – для неиспорченных девушек существуют заведения вроде пансионатов и работных домов...

Кто бы мог подумать, что и миссис Кэрю способна терзаться угрызениями совести!

– Ну да, существуют, – с горькой усмешкой кивнула Сэйди. – А вы когда-нибудь заглядывали хотя бы в одно из таких заведений, мэм?

– Честно говоря, никогда... Но я помогала им деньгами... – словно извиняясь, пробормотала миссис Кэрю.

– Да, я знаю... – кивнула Сэйди Дин, с любопытством разглядывая странную мадам. – Многие богатые дамы перечисляют туда деньги. Хотя даже не представляют себе, что это такое... Прошу вас, мэм, только не подумайте, что я против этих заведений. Это совсем не так. Они тоже нужны. Других-то вообще нет. Только это капля в море. Однажды я сама была в одном таком заведении. Там даже воздух тяжёлый... Впрочем, может быть, всё дело во мне самой... Может быть, в других заведениях лучше... Просто мне хотелось вам об этом рассказать. Вы ведь в них не жили и вообще туда не заглядывали... В общем, меня всегда удивляло, почему благородным дамам, которые занимаются благотворительностью и действительно вкладывают в это дело всю душу, почему им никогда не приходит в голову, что, если бы они помогали людям до того, как те окажутся на дне, несчастных судеб было бы гораздо меньше... Простите, я не хотела вам всего этого говорить, мэм, – извинилась девушка. – Но вы сами спросили...

– Ты совершенно права, – тихо сказала миссис Кэрю, отводя глаза.

Много нового миссис Кэрю узнала не только от Сэйди Дин, но и от Джемми. Теперь мальчик часто бывал у неё в доме. Поллианна обожала приглашать его в гости, и ему здесь нравилось. Поначалу, конечно, он очень смущался. Но потом понемногу освоился. «Я же не жить сюда приехал!» – успокаивал он себя.

Миссис Кэрю часто заставляла детей сидевшими на подоконнике в библиотеке. Пустое кресло-коляска стояло рядом. Иногда, склонившись голова к голове, дети увлечённо читали какую-нибудь книгу. Однажды миссис Кэрю услышала, как мальчик сказал Поллианне:

– Если бы у меня было столько книг, сколько здесь, я был бы самым счастливым человеком в мире и вообще забыл про то, что я калека. Ведь благодаря книгам даже без ног можно путешествовать в чудесные дальние страны!

Порой мальчик увлечённо рассказывал Поллианне какую-нибудь историю, а та слушала, затаив дыхание. Глядя на него, миссис Кэрю удивлялась, что такого необыкновенного может рассказывать этот мальчик

с горящими глазами, чтобы слушать его с таким интересом. Как-то раз она немного задержалась у двери и прислушалась.

Сама того не заметив, женщина погрузилась в фантастический мир. Вслед за Поллианной пустилась в путешествие во времени – в далёкий золотой век...

В глубине души миссис Кэрю понимала, что прикованному к инвалидной коляске мальчику хочется хотя бы в мечтах быть героем, хочется удивительных приключений... Но чего никак не могла понять, так это почему этот бедный мальчик вдруг стал играть такую важную роль в её собственной жизни. Сама того не замечая, она всё больше и больше привязывалась к нему и уже не могла думать ни о чём другом, кроме как о том, чем бы ещё «развлечь нашего Джемми».

Так уж получилось, что с течением времени мальчик-инвалид прочно занял в её сердце место другого Джемми, её пропавшего племянника, сына её покойной сестры.

Пролетели февраль, март, апрель. Только в мае, когда до отъезда Поллианны оставалось не так уж много времени, миссис Кэрю вдруг осознала, какой потерей станет для неё разлука с девочкой. Если раньше она с нетерпением ждала, когда наконец можно будет сбросить с плеч эту обузу, то теперь пришла в ужас и замешательство, сообразив, что скоро маленькая гостя отправится восвояси, и ей снова придётся запира́ть двери и окна и прятаться от суетного мира. Неужели в её доме снова воцарятся унылая тишина и могильный полумрак?! Неужели она снова останется наедине со своими прежними большими мыслями о пропавшем много лет назад племяннике?!

Миссис Кэрю не сомневалась, что так оно и будет – как только за Поллианной захлопнется дверь.

Между тем сама миссис Кэрю стала другой. Её больше не радовала перспектива возобновления «спокойной, уединённой жизни». Наоборот, теперь такая жизнь казалась ей «ужасной и несносной». То, что раньше было «желанным уединением», теперь представлялось «ненавистным одиночеством». Женщина понимала, что отныне не только не сможет погрузиться в трясину былой тоски и печали, а скорее всего, начнёт печалиться и скучать по теперешнему Джемми, мальчику с большими, грустными глазами. К тому же по-прежнему нельзя было сбрасывать со счетов вероятность того, что этот мальчик вполне мог оказаться её племянником...

В общем, было ясно, что без Поллианны дом опустеет, из него уйдёт

жизнь. Но что ещё хуже, миссис Кэрю не могла примириться с мыслью, что кроме Поллианны она потеряет и Джемми. Одна эта мысль повергала её в ужас. А ведь Джемми уже несколько раз недвусмысленно заявлял, что не собирается переселяться к ней.

Последние дни перед отъездом девочки стали для бедной женщины тяжким испытанием. Хотя из гордости она и старалась не подавать виду.

Как бы то ни было, когда Джемми в очередной (судя по всему в последний) раз пришёл в гости к Поллианне, миссис Кэрю поборол гордость и ещё раз обратилась к мальчику с просьбой переехать к ней, став для неё заменой пропавшего Джемми.

Впоследствии она уже не могла вспомнить, что именно она говорила ему, но его ответ врезался ей в память на всю жизнь. Это были всего несколько слов, но они потрясли её до глубины души.

– Что ж, – сказал мальчик после долгого раздумья, пристально глядя в глаза миссис Кэрю, – теперь, когда вы и правда полюбили меня, я согласен!

Глава XIV

Джимми и зеленоглазое чудовище

На этот раз о возвращении Поллианны в Белдингвилль было известно лишь нескольким самым близким друзьям. Поэтому обошлось без оркестра и торжественных речей. Но те немногие, кто пришёл встречать её на вокзал с тётей Полли и доктором Чилтоном, радовались как никогда. Казалось, объятиям и поцелуям не будет конца.

Едва приехав домой, девочка обзвонила всех старых знакомых. А уже на следующий день отправилась с визитами. По словам Нэнси, «бесценную девочку» несколько дней просто «рвали на части», все хотели, чтобы она первым делом заехала в гости именно к ним.

И конечно, куда бы Поллианна не приходила, её встречали вопросом:
– Ну и как тебе показался Бостон?

Подробнее, чем другим, Поллианна рассказала о своих впечатлениях мистеру Пендлтону. Правда, в первую секунду сам вопрос заставил её нахмуриться.

– Мне там понравилось. Даже очень, – промолвила девочка. – Не всё, конечно, – поспешно добавила она.

– Говоришь, не всё? – с улыбкой переспросил мистер Пендлтон.

– Увы, не всё, – кивнув, повторила Поллианна. – Но всё-таки я рада, что съездила туда! – продолжала она. – Там было столько интересного! И в то же время необычного и странного. Например, там обедают не днём, а вечером. Приходилось есть, когда аппетита не было. Но ко мне там все

замечательно относились. Я посетила уйму достопримечательностей. Была на холме Банкер, в городском парке, на выставке автомобилей. Да и сам город был как выставка. Там множество разных витрин, памятников, картин, а улицы длинные-предлинные. А сколько там людей! Честное слово, никогда в жизни не видела так много народа!

– Ну, люди-то, я думаю, тебе понравились, – сказал мистер Пендлтон.

– В общем, да, – задумчиво кивнула Поллианна. – Вот только что проку в таком количестве народа, если нет возможности с каждым познакомиться! Да и миссис Кэрю запретила мне разговаривать с незнакомыми. Представляете, она и сама там не со всеми знакома! Я имею в виду, в Бостоне... – Немного помолчав, Поллианна вздохнула, а потом продолжала: – Пожалуй, именно это мне там не понравилось. То есть что люди по большей части незнакомы между собой, совершенно не знают друг друга. А ведь как было бы здорово, если бы все перезнакомились!.. Вы только представьте, мистер Пендлтон! – воскликнула девочка. – Там есть очень бедные кварталы. С узкими, грязными улицами. Люди там живут впроголодь. Ходят в рваных обносках. Они не могут позволить себе даже фасоль с рыбными котлетами. И посылок от благодетелей никто из них не получает... С другой стороны, в богатых кварталах люди живут в роскошных домах. Как, например, миссис Кэрю. У богатых-то всего даже с избытком! И дорогой одежды, и всяких вкусностей. Просто девать некуда! Ах, если бы они, как миссис Кэрю, знали, что рядом с ними живут такие бедняки...

– Милое дитя, – прервал её мистер Пендлтон со смехом, – а тебе никогда не приходило в голову, что богачи даже знать не хотят про бедняков, не то чтобы с ними знакомиться?

– Но ведь есть исключения, – с горячностью возразила девочка. – Вот, например, там живёт одна девушка, её зовут Сэйди Дин. Она продавщица в большом магазине, в отделе бантов. Она охотно знакомится с другими людьми. Я познакомилась с миссис Кэрю. Мы пригласили её в гости. А ещё бедного мальчика Джемми. И других тоже. Миссис Кэрю они очень понравились... И вот что я подумала, – продолжала Поллианна. – Было бы здорово, если бы таких, как миссис Кэрю, было побольше и чтобы их всех познакомить с бедняками... Но, к сожалению, у меня у самой из знакомых только одна миссис Кэрю и есть. Других-то я не знаю... Но ведь богатые люди знакомы между собой! Они могли бы перезнакомиться с бедными друг через друга и помогать им деньгами...

– Ах, Поллианна, Поллианна! – снова рассмеялся мистер Пендлтон. – Боюсь, ты затронула слишком щекотливую и болезненную тему. Эдак мы

и оглянуться не успеем, как ты станешь коммунисткой!

– Кем, кем? – не поняла девочка. – Я не знаю, кто такие коммунисты. Но зато я знаю, что такое коммуны. В них люди живут вместе и каждый знает каждого. Если коммунисты тоже что-то в этом роде, я с радостью готова стать коммунистом! Честное слово!

– Ну я лично в этом не сомневаюсь, – улыбнулся мистер Пендлтон. – Но если бы ты попробовала осуществить эту идею на практике, у тебя возникло бы масса проблем. И притом весьма больших. Уверяю тебя!

Девочка печально вздохнула.

– Понимаю, – кивнула она. – Миссис Кэрю тоже так думает. То есть что я плохо разбираюсь в жизни. И жаловалась, что я доведу её до разорения, потому что толкаю её на гибельный путь... Возможно, так оно и есть...

Поллианна с недоумением посмотрела на мистера Пендлттона, который продолжал покатываться со смеху.

– Как бы то ни было, – решительно заявила девочка, – это кажется мне большой несправедливостью, когда у одних есть всё и даже больше, а у других нет ничего. Я против этого. Если бы я была богатой, я бы непременно делилась с теми, кто беден. Даже если это, как выразилась миссис Кэрю, толкнуло бы меня на гибельный путь и довело до разорения.

Мистер Пендлтон захохотал так, что у него на глазах выступили слёзы. Глядя на него, Поллианна тоже не удержалась и принялась смеяться. Сама не зная чему.

– Всё равно, – немного отдышавшись, пробормотала она, – я не понимаю, почему должна существовать такая несправедливость...

– Честно говоря, и я тоже, – становясь серьёзным, согласился мистер Пендлтон. – Многие люди этого не понимают... Но послушай... – спохватился он, меняя тему. – А кто такой этот Джемми? С тех пор как ты вернулась, ты только о нём и говоришь!

Глаза девочки радостно вспыхнули, и она с готовностью принялась рассказывать мистеру Пендлтону про мальчика-калеку.

Поллианна обожала заводить разговор про Джемми. Его ситуацию она прекрасно понимала; для того чтобы рассказать о нём, не требовались мудрёные взрослые слова. Кроме того, в данном случае, то есть в случае мистера Пендлттона, дело ещё больше упрощалось: ведь ему не нужно было долго объяснять, почему миссис Кэрю решила взять мальчика к себе и что значит «присутствие ребёнка» в доме.

Рано или поздно все знакомые Поллианны оказались в курсе истории Джемми. Девочка не сомневалась, что судьба мальчика никого не может

оставить равнодушным, как не оставила равнодушной её сама. Но здесь её ожидал сюрприз. Когда дошла очередь рассказать про Джемми Джимми Пендлтону, тот отреагировал неожиданно.

– Подумаешь, какая драгоценность, этот твой Джемми! – поморщился мальчик. – Можно подумать, он один такой в целом Бостоне!

– Что ты хочешь этим сказать, Джимми Бин? – возмутилась Поллианна.

Мальчик снова поморщился.

– Я больше не Джимми Бин, – презрительно заметил он. – Теперь моя фамилия – Пендлтон. А сказать я хочу то, что, приехав из Бостона, ты только и говоришь о каком-то мальчишке, у которого явно шарики заходят за ролики, раз он белкам и птицам придумывает дурацкие имена, вроде «Леди Ланселот»...

– Как ты можешь так говорить, Джимми Бин!.. То есть я хотела сказать, Джимми Пендлтон! – возмущённо воскликнула Поллианна. – Никакие шарики за ролики у него не заходят! Он замечательный мальчик. Просто он читает много книжек. А ещё умеет сам сочинять разные истории. Кроме того, Ланселот вовсе не «Леди», а «Сэр», чтобы ты знал!.. Да что с тобой говорить, – сверкнув глазами, сказала она, – ты, пожалуй, и половины не читал из того, что прочёл он!

Джимми Пендлтон покраснел как рак и опустил глаза. Однако жгучая ревность – это зеленоглазое чудовище, как змея, продолжала больно жалить его.

– Мне вообще наплевать, как его зовут, – проворчал мальчик со злой усмешкой. – Подумаешь, Джемми! Тоже мне имечко! Наверняка какой-нибудь слюняй. Кстати, – неожиданно прибавил он, – это не только моё мнение.

– А чьё ещё?

Но ответа не последовало.

– Я задала тебе вопрос! – грозно сказала Поллианна.

– Моего папы... – дрогнувшим голосом ответил мальчик.

– Твоего... папы? – недоумённо спросила Поллианна. – Откуда он мог знать Джемми?

– Он его и не знал. Дело совсем не в Джемми... Дело во мне, – едва слышно сказал мальчик, не решаясь поднять на Поллианну глаза.

В то же время в его голосе послышалась тёплая нотка – когда только он произнёс слово «папа».

– Дело в тебе? – не поняла Поллианна.

– Ну да. Незадолго до папиной смерти мы жили неделю у одного

фермера. Папа подрядился заготовливать сено, а я, значит, ему помогал. Жена фермера относилась ко мне, как к родному сыну, и даже стала ласково называть меня «Джемми». Почему? Бог её знает!.. А однажды отец услышал, что она меня так называет, и ужасно разъярился. Его слова врезались мне в память на всю жизнь. «Джемми – имя не для мальчика! – стал кричать он. – Я не позволю так называть моего сына. Это имя для маменькиного сынка, слюнтя!» Никогда в жизни я не видел его в такой ярости, как в тот день. И несмотря на то, что всё это происходило поздно вечером, он вдруг заявил, что не намерен ни минуты больше оставаться в этом доме и что мы немедленно уходим. Так, даже не окончив работы, мы и ушли. Мне было ужасно жалко жену фермера, ведь она действительно очень хорошо ко мне относилась...

Поллианна сочувственно покачала головой. Рассказ произвёл на неё огромное впечатление. Ведь она почти ничего не знала о жизни мальчика до их знакомства. Она даже забыла, из-за чего разгорелся сыр-бор.

– А что было потом? – поинтересовалась она.

– Ничего. Мы просто ушли. Вот и всё. Нашли работу в каком-то другом месте. А потом... потом папа умер, и меня отправили в приют...

– Потом ты оттуда сбежал и бродяжничал, пока не познакомился со мной на дороге возле дома миссис Сноу... – взволнованно договорила за него Поллианна.

– Ну да, там мы и познакомились, – кивнул мальчик. А через секунду снова нахмурился. – В общем, я рад, что я никакой не Джемми, – ревниво проворчал он.

С этими словами он повернулся и, даже не попрощавшись, вышел от Поллианны.

«Слава Богу, что он не всегда такой грубый...» – вздохнула про себя девочка, задумчиво глядя ему вслед.

Глава XV

Тётушка Полли бьёт тревогу

Через неделю после возвращения Поллианны миссис Чилтон пришло письмо от Деллы Уитерби.

«Как жаль, что Вы не можете видеть, как изменилась моя сестра после общения с Вашей Поллианной! – писала медсестра. – Правда, Вам трудно было бы это понять. Вы ведь не знали, какой она была раньше, все эти годы. Впрочем, Вы, наверное, успели заметить, как темно и мрачно было у неё в доме. Но главное – мрак и тоска царили у неё в душе, она совершенно потеряла интерес к жизни, носила вечный траур...

И вот приехала Поллианна. Кажется, я так и не сказала Вам, что поначалу моя сестра ужасно жалела, что согласилась взять девочку к себе. Буквально с первой минуты. Она даже дала себе слово, что, как только Поллианна начнёт, по её выражению, “читать ей свои проповеди”, без колебаний отправит её обратно ко мне.

Но никаких “проповедей”, конечно, не было. По крайней мере, так показалось моей сестре... Но позвольте рассказать Вам, какую картину я застала, когда вчера заехала к ней в гости.

Пожалуй, ничто не может лучше передать перемену, которая произошла с моей сестрой. И всё благодаря Поллианне!

Во-первых, уже подъезжая к дому, я обратила внимание, что практически все ставни с окон сняты. А ведь ещё недавно все окна до единого были наглухо закрыты от света. Едва я вошла в прихожую, как услышала звуки музыки – мелодию оперы “Парсифаль”. Двери в гостиную были раскрыты настежь, а по дому разлит чудесный аромат свежих роз. “Миссис Кэрю и мистер Джемми в музыкальной гостиной”, – сказала мне служанка. Там я их и застала – мою сестру и мальчика. Оба наслаждались музыкой, льющейся из граммофона, этого новомодного изобретения, благодаря которому можно целиком услышать оперу с оркестром.

Мальчик сидел в инвалидной коляске. Он был немного бледен, но, судя по всему, был на седьмом небе от счастья. Моя сестра и подавно. Она выглядела на десять лет моложе. На её прежде бледном лице играл здоровый румянец, а глаза весело блестели.

Немного пообщавшись втроём, мы с сестрой поднялись наверх, в её комнаты, и она принялась рассказывать мне про Джемми. Но не про нашего Джемми, пропавшего племянника, а про теперешнего. Про нашего Джемми она всегда говорила печально, вздыхая, заливаясь слезами. Теперь печали не было и в помине. Напротив, сестра была полна жизни и энергии. “Делла! Он просто чудо! – то и дело восклицала она. – Он необычайно восприимчив к лучшим образцам искусства, музыки, литературы! Конечно, ему ещё предстоит многому научиться. Что ж, об этом я позабочусь! С завтрашнего дня к нему начнёт ходить репетитор. Мальчик много читает, но его язык и произношение ещё оставляют желать лучшего. С другой стороны, у него отменное знание разных народных словечек. Если бы ты слышала, какие интересные истории он рассказывает! Ему не хватает обычного образования, но это, к счастью, дело наживное. К тому же он обожает учиться и, без сомнения, скоро наверстает упущенное. Особенно ему нравится музыка. Учитывая все его пожелания, я уже заказала для него кучу грампластинок. Если бы ты видела его лицо, когда он впервые услышал арии из “Святого Грааля”! Он наизусть знает всю историю короля Артура и рыцарей Круглого стола, словно это его ближайшие

родственники. Правда, иногда я немного путаюсь и не понимаю, кого он имеет в виду, когда он заводит разговор о Сэре Ланселоте: то ли он говорит о благородном рыцаре, то ли о белке из городского парка...

Ах, Делла! Я убеждена, что однажды он снова сможет ходить! Во всяком случае, его непременно нужно показать доктору Эймсу..."

И так далее в том же духе. Сестра говорила не переставая. Я не могла вставить и словечка. Но, Боже мой, как я была счастлива за неё!

Я Вам рассказываю всё это, миссис Чилтон, чтобы Вы поняли, как она заботится о мальчике, о его образовании и развитии, а это, в свою очередь, решительным образом меняет её отношение к себе самой, к собственной жизни. Ведь она не смогла бы делать всего того, что она делает для совершенно чужого мальчика, если бы пребывала в том прискорбном расположении духа, в котором находилась раньше. Я уверена, что больше никогда не увижу той унылой, капризной дамы, какой она была до приезда Поллианны.

Ах, какое чудо Ваша Поллианна! И самое удивительное, девочка даже не догадывается обо всём происходящем. Впрочем, и моя сестра не понимает, что происходит. По крайней мере о том влиянии, которое на неё оказала Поллианна.

Даже не знаю, как благодарить Вас, милая миссис Чилтон! Я перед Вами в вечном долгу! Просто знайте, что я от всей души благодарю – Вас и Поллианну!

Делла Уитерби».

– Ну что ж, как я вижу, лекарство подействовало, – с улыбкой сказал доктор Чилтон, когда жена прочла ему письмо.

– Ради бога, Томас, не начинай снова! – поспешно воскликнула миссис Чилтон.

– В чём дело, Полли? – удивился доктор. – Разве ты не рада, что лекарство подействовало?

Миссис Чилтон с безнадёжным видом откинулась в кресле.

– Ну вот опять ты, Томас! – вздохнула она. – Конечно, я рада за эту бедную женщину. Рада, что у неё снова появилась цель в жизни, что она снова почувствовала себя кому-то нужной. И конечно, рада, что это произошло благодаря нашей Поллианне... Но мне не нравится, когда девочку сравнивают с каким-то пузырьком касторки или валерьянки. Как ты не понимаешь!

– Глупости! Что в этом плохого? Как только я познакомился с Поллианной, я сразу понял, что у неё настоящий дар лечить людей.

– Что плохого, ты спрашиваешь? Посуди сам, девочка с каждым днём взрослеет, становится старше, неужели ты хочешь избаловать её? До сих пор она понятия не имела об этом своём удивительном даре. И слава богу! Поэтому она им и обладает. Разве ты не понимаешь, как только она попытается сознательно наставлять заблудших на путь истинный,

она превратится в ужасную зануду. Упаси бог, чтобы она узнала, что у неё этот дар – вселять надежду в страждущих.

– Глупости, – повторил доктор с добродушным смехом. – Не о чем беспокоиться.

– И всё-таки у меня беспокойно на душе, Томас.

– Но, Полли, только вспомни обо всём, что Поллианна сделала, – возразил доктор. – Вспомни про миссис Сноу и Джона Пендлтона. Не говоря уж о многих других. Чем эти люди отличаются от миссис Кэрю? Поллианна помогла им всем! Дай Бог ей здоровья!

– Я это и без тебя понимаю, – взволнованно промолвила миссис Чилтон. – Но я против, чтобы Поллианна об этом узнала. Конечно, в каком-то смысле она тоже это понимает. Но пока для неё это просто игра. Пусть так и остаётся! Пусть девочка продолжает играть и учить людей своей игрой.

Им это только на пользу. Главное, чтобы игра оставалась игрой. Тогда всё будет хорошо. Конечно, между нами, – продолжала миссис Чилтон, – между тобой и мной, я готова признать, что Поллианна – лучший проповедник из всех, кого я встречала в жизни, и её своеобразные проповеди добра обладают колоссальной силой... Но, повторяю, как только она это осознает, всё кончится. А мне бы этого совсем не хотелось... А теперь, – сказала женщина, – поговорим о другом. Я решила, что этой осенью буду сопровождать тебя в поездке в Германию. Сначала я не хотела снова оставлять Поллианну, а потом решила взять девочку с собой...

– Взять Поллианну с собой? Почему бы и нет! Это замечательно!

– Других вариантов у нас нет. К тому же я рада, что мы сможем провести там несколько лет. Ты ведь сам этого хотел, не так ли? Да и Поллианне пойдёт на пользу, если она на некоторое время уедет из Белдингвилля. Мне очень не хочется, чтобы здешняя популярность вскружила девочке голову. А если она отправится с нами, я буду за неё спокойна... Ну, что скажешь, Томас? Мы ведь не хотим вырастить из нашей чудесной Поллианны зануду или святошу?

– Ни в коем случае! – рассмеялся доктор. – Впрочем, я уверен, что это невозможно. Но в любом случае твоя идея с Германией мне по душе. Ты ведь знаешь, что я и сам не хотел уезжать из-за Поллианны. Теперь мы сможем снова отправиться в Германию. Я рад, что смогу поработать там несколько лет. Мне нужна практика.

– Значит, решено, – улыбнулась жена.

Глава XVI

Из Германии домой!

Прошло несколько лет.

Городок Белдингвилль находился в предвкушении знаменательного события. За всю его историю подобное нетерпение имело место лишь однажды: когда после долгого отсутствия Поллианна Уиттиер возвращалась домой из санатория на «своих ногах». Тогда имя чудесной девочки тоже не сходило с уст жителей городка... И вот опять Поллианна взбудоражила сонную жизнь Белдингвилля. На этот раз своим возвращением из Германии.

Но теперь это была совершенно другая Поллианна. Теперь ей было целых двадцать лет. Шесть зим она провела в Германии, а летом вместе с доктором Чилтоном и его женой путешествовала по Европе. За все эти годы девушка приезжала в Белдингвилль всего один раз, когда ей исполнилось шестнадцать, да и то всего на месяц.

Теперь она возвращалась насовсем. Вместе с тётушкой Полли. По городу разлетелась печальная весть: полгода назад бедный доктор Чилтон скоропостижно скончался. Их прибытия ожидали сразу после этого трагического события, но они ещё некоторое время жили за границей. Стало также известно, что они уже подыскивают в Белдингвилле новое жильё: чтобы старые воспоминания не бередили душу и лишний раз

не причиняли боль и без того убитой горем вдове.

А ещё через некоторое время расползлись слухи, что материальное положение миссис Чилтон серьёзно подорвано: родовое имение было заложено, а почти все деньги вложены в акции железной дороги. Несколько месяцев назад железнодорожную компанию начало лихорадить, а затем она и вовсе разорилась. Прочие финансовые вложения миссис Чилтон также оказались неудачными. Финансовое же положение покойного доктора было весьма скромным, он никогда не был состоятельным человеком. Кроме того, последние шесть лет у него было много расходов, и наследства он не оставил.

Вот почему жителей Белдингвилля не удивило, что, спустя полгода после смерти доктора, миссис Чилтон и Поллианна возвращаются домой.

Старый особняк Харрингтонов, который до сего времени стоял заколоченный, снова ожил. С окон сняли ставни, а двери распахнули настежь.

Засучив рукава, служанка Нэнси принялась за уборку. Правда, теперь, когда она была замужем за Тимоти, её стали называть миссис Дерджин.

На любопытные вопросы соседей, которые останавливались у ворот или даже по-свойски заглядывали в дом, миссис Дерджин отвечала коротко:

– Нет, никаких распоряжений от хозяйки пока не поступало!

Тем, кто понастырнее, «мамаша Дерджин» объясняла:

– У меня же есть ключ. Миссис Чилтон написала, что она и Поллианна приезжают в следующую пятницу. Поэтому нужно проследить, чтобы всё было в порядке. Нужно проветрить комнаты, просушить бельё... Миссис Чилтон просила оставить ключ под половиком на заднем крыльце...

Вы только подумайте: просто оставить ключ под половиком, чтобы после всего случившегося благородная леди с племянницей приехали в совершенно пустой дом! Бедный доктор Чилтон! Мир праху его!.. Разве я какая-нибудь бессердечная эгоистка, чтобы бросить их и отсиживаться в своей деревне! У них ведь теперь, у сирот, ни денег, ничего!.. А что, если доктор Чилтон смотрит сейчас на меня оттуда, с неба? Что он подумает обо мне, если я не помогу его близким в трудную минуту? Да я бы со стыда сгорела, если была бы такой бесчувственной!

Пожалуй, ни с кем Нэнси не была так словоохотлива и откровенна, не говорила с таким удовольствием, как с высоким, симпатичным молодым человеком с открытым взглядом и обаятельной улыбкой. Утром в четверг, ровно в десять, молодой человек подъехал на двуколке к боковому крыльцу. В то же время, говоря с ним, мамаша Нэнси заметно смущалась и постоянно путалась, называя его то «мистером Джимми», то «мистером

Бином», то «мистером Пендлтоном». Видя её смущение, молодой человек весело хохотал, сверкая белоснежными зубами.

– Да брось ты, Нэнси! Не то, глядишь, ещё язык себе сломаешь! – воскликнул он. – Главное, я узнал то, за чем пришёл. Миссис Чилтон с племянницей приезжают завтра...

– Так точно, сэр, именно так, – закивала Нэнси, стараясь говорить «по-благородному». – Какая жалость!.. То есть я имею в виду не их приезд, – поправились она, – а ту причину, которая заставила их вернуться в наши края...

– Да уж, такая печальная история, – со вздохом кивнул юноша, окидывая взглядом величественный старинный особняк. – И ничего тут не поделаешь... Но я очень рад, что ты решила к их приезду немного прибраться. Иначе бы им было совсем грустно возвращаться сюда... Ты просто умница! – сказал он с прежней весёлой улыбкой.

Он развернул двуколку и покатил по аллее. Провожая его восхищённым взглядом, Нэнси вдруг хитро улыбнулась и пробормотала себе под нос:

– Думаете, вы меня удивили, мистер Джимми? Нисколечко! Ничего удивительного, что вы даже полсловечком не обмолвились, не поинтересовались про мисс Поллианну. Оно и понятно! Вы вот какой красавец выросли – высокий, видный. А ведь всё-таки оно будет по-моему, как в книжках пишут! Не может не быть! Пришёл ваш час! Самое время. Погодите, вот она увидит, какой вы стали, молодой мистер Пендлтон – настоящий благородный господин. И кто бы мог подумать, что из маленького Джимми Бина получится такой шикарный джентльмен! Чудеса, да и только!..

Нэнси смотрела ему вслед, пока двуколка не исчезла из виду.

Ничего удивительного, если точно такая же мысль пришла в голову и мистеру Пендлтону-старшему, когда тот вышел на веранду своего громадного особняка из серого камня и увидел подъезжающего к крыльцу пасынка. По крайней мере, в его глазах промелькнуло то же самое восхищённое выражение, которое несколько минут назад вспыхнуло в глазах мамыши Дерджин.

– Ах, какая очаровательная из них выйдет парочка! – невольно вырвалось у него.

Отведя лошадей на конюшню, юноша обогнул угол дома и неторопливо поднялся по ступеням на веранду.

– Ну что, мой мальчик, это правда? Они действительно

возвращаются? – живо спросил мистер Пендлтон.

– Да.

– Когда же?

– Завтра, – с равнодушным видом сказал молодой человек, усаживаясь в кресло.

Мистер Пендлтон нахмурился и бросил испытующий взгляд на юношу. После некоторого колебания он отрывисто поинтересовался:

– В чём дело, мальчик мой?

– О чём вы, сэр? Всё в порядке.

– Глупости! Меня не проведёшь. Час назад ты сорвался с места, понёсся туда рысью, а вернувшись, сидишь так, словно вот-вот заснёшь. Если бы я тебя не знал, то решил, что ты не рад приезду друзей...

Мистер Пендлтон снова сделал паузу, ожидая ответа. Но ответа опять не последовало.

– Так как же, Джим? Разве ты не рад их приезду?

Молодой человек принуждённо рассмеялся:

– Почему же? Рад.

– Гм-м... По тебе этого никак не скажешь.

Юноша снова рассмеялся. И покраснел, как мальчишка.

– Просто... я подумал про Поллианну.

– Про Поллианну! Да ты о ней говоришь не переставая, с тех пор как приехал из Бостона и узнал, что они возвращаются домой. По-моему, ещё недавно ты сгорал от нетерпения её увидеть.

Юноша с готовностью кивнул.

– Вы совершенно правы, сэр. Всё именно так, как вы только что сказали. Ещё недавно я сгорал от нетерпения её увидеть, а теперь, когда узнал, что она приезжает... не перестал...

– Но почему, Джим?!

Видя искреннее недоумение мистера Пендлтона, молодой человек вдруг нервно рассмеялся.

– Да, понимаю. Это звучит глупо, и вам, скорее всего, будет трудно это понять. Как бы это сказать... Дело в том, что я в каком-то смысле жалею, что Поллианна выросла... Она была таким прелестным ребёнком. Я с нежностью вспоминаю её милые конопушки, пшеничные косички, наивные глаза.

Любая мелочь могла растрогать её до слёз. До сих пор у меня в ушах звучат слова, которые она сказала в день отъезда: «Я ужасно рада, что отправляюсь путешествовать... Но буду рада ещё больше, когда вернусь обратно!» Ведь мы с ней не виделись с тех пор! Когда она

приезжала ненадолго в Белдингвилль, мы с вами находились в Египте...

– Отчего же! Я тебя отлично понимаю, мой мальчик. Я-то видел её прошлой зимой в Риме. И почувствовал то же самое.

– Знаю, знаю! – нетерпеливо воскликнул юноша. – Расскажите мне о ней.

В глазах старого мистера Пендлтона загорелись лукавые искорки.

– С удовольствием. Только... боюсь, тебя огорчит эта новость: Поллианна и в самом деле подросла.

Но юноше было не до шуток.

– И что же? Она хорошенькая?

– Ах, юноши, юноши! – насмешливо прищурился мистер Пендлтон. – Единственное, что вас интересует, «хорошенькая ли она»!

– Так да или нет? – не успокаивался молодой человек.

– Скоро сам увидишь! Если, конечно... Впрочем, не буду оставлять тебя в полном неведении, скажу пару слов. Чтобы ты не сильно разочаровался при встрече... Пожалуй, – задумчиво продолжал Пендлтон-старший, – Поллианну нельзя назвать красавицей в общепринятом смысле этого слова. То есть когда у девушки правильные черты лица, губки бантиком, ямочки на щеках, вьющиеся локоны... Если говорить серьёзно, то одним из главных испытаний в жизни Поллианны будет необходимость смириться с мыслью, что она в этом смысле, увы, не красавица. Помню, ещё девочкой она признавалась, что её самое заветное желание в раю – это попросить себе у Бога чёрные кудри... Кстати, зимой в Риме я услышал от неё почти то же самое, хоть и сформулированное иначе. Мне кажется, в её словах прорывалось какое-то очень сильное чувство... А сказала она примерно следующее: «Как бы я хотела, чтобы кто-нибудь написал книгу, в которой была бы героиня с прямыми русыми волосами и веснушками на носу... С другой стороны, – тут же прибавила она, – я рада, что хотя бы в книжках у девочек нет этих противных веснушек!..»

– Как это похоже на прежнюю Поллианну! – воскликнул молодой человек.

– Что ж, скоро ты сам сможешь с ней об этом поговорить, – усмехнулся мистер Пендлтон. – Кстати, на мой вкус, Поллианна стала очень даже хорошенькая. У неё восхитительные глаза. Она так и пышет здоровьем. Она – сама энергия молодости. Глядя на неё, просто забываешь про какие-то там правильные черты лица и губки бантиком!

– И что же, она по-прежнему играет в свою игру?

Взгляд мистера Пендлтона потеплел.

– Полагаю, играет, – кивнул он. – Просто теперь не заговаривает об этом при каждом удобном случае. По крайней мере, со мной

не заговаривала, хотя мы виделись два или три раза...

Немного помолчав, молодой Пендлтон медленно промолвил:

– Должен признаться, именно это меня больше всего и беспокоит. Ведь для многих людей эта игра значила невероятно много. В нашем городе, к примеру, об игре знает каждый. Было бы грустно, если бы Поллианна вдруг перестала в неё играть... Но с другой стороны, трудно представить, чтобы и теперь повзрослевшая Поллианна поучала людей, как им радоваться жизни... Вот почему я и сказал, что в каком-то смысле жалею, что она выросла...

– Не беспокойся, мой мальчик, – пожал плечами Пендлтон-старший. – Поллианна навсегда останется Поллианной, – улыбнулся он. – Рядом с ней всё как будто расцветает и начинает благоухать. И в прямом и в переносном смысле. Мне кажется, у тебя будет возможность в этом убедиться. Она по-прежнему верна себе. Хотя, может быть, это не так заметно, как раньше... К тому же бедняжке сейчас приходится нелегко.

– Вы о тех сплетнях, что миссис Чилтон разорилась и теперь они очень бедны?

– Полагаю, что это, увы, не сплетни, а чистая правда. Во всяком случае, их нынешнее финансовое положение, насколько мне известно, весьма плачевное. Состояние миссис Чилтон почти улетучилось, а состояние Тома было мизерным. Кроме того, он оставил много долгов: работа не могла покрыть всех его расходов. В общем, дела его находились в изрядном беспорядке. Том был добрым человеком и никогда не мог отказать, если к нему обращались за помощью. Каждому мошеннику в городе было это известно, и каждый норовил поживиться за его счёт. Последнее время его расходы особенно возросли. Он вообще не думал о деньгах. С одной стороны, возлагал большие надежды на свою научную работу в Германии, а с другой – полагал, что благодаря солидному состоянию Харрингтонов его жена и Поллианна материально обеспечены.

– Понимаю. Всё это очень печально.

– Но и это ещё не всё. Два месяца спустя после смерти Тома, я видел миссис Чилтон и Поллианну в Риме. Миссис Чилтон была в ужасном состоянии. Сначала смерть любимого супруга, а затем финансовые неприятности – такое кого угодно доведёт до отчаяния. Она наотрез отказывалась возвращаться домой, говорила, что не хочет больше видеть ни Белдингвилля, ни кого-то из старых знакомых. Видишь ли, миссис Чилтон очень гордая женщина, и невзгоды нанесли тяжкий удар по её самолюбию. По словам Поллианны, у тётушки появилась навязчивая идея, что в Белдингвилле с самого начала не одобряли их женитьбы с доктором

Чилтоном, а теперь, когда он умер, испытывают по отношению к её горю едва ли не злорадство. А уж как нестерпимо обидно ей, вдове, появляться в городе нищей! В общем, подобные мысли совершенно расстроили её нервы, она находится в ужасном расположении духа. С ней практически невозможно общаться. Бедная Поллианна! Одному Богу известно, как она всё это терпит. Если дело так и дальше пойдёт, то страшно подумать, что станется с бедной девушкой. Вот почему я сказал, что теперь как никому другому Поллианне нужна её игра...

– Вот несчастье! Бедная, бедная Поллианна! – воскликнул потрясённый молодой человек.

– Не то слово, – вздохнул Пендлтон-старший. – Особенно, если учесть, что они никому не сообщили о своём приезде. Не сомневаюсь, что это было решение миссис Чилтон. Она не хочет никого видеть. Поэтому и не написала никому, что они возвращаются. Только своей старой служанке, миссис Дерджин. И то потому, что оставила той ключи от своего дома...

– Ну да, Нэнси мне всё рассказала, – подхватил Джимми. – По простоте душевной. Она уже навела в доме порядок, проветрила комнаты. Сделала всё возможное, чтобы дом не казался мрачным склепом, где похоронены надежды и былые радости... Что касается сада, то он в более или менее приличном состоянии. Старина Том тщательно ухаживал за ним... Просто сердце разрывается при одной мысли об этом, – признался юноша.

Наступило тягостное молчание. Затем мистер Пендлтон осторожно предложил:

– Тебе не кажется, что нужно их встретить?

– Само собой!

– Ты поедешь на станцию?

– Конечно.

– Ты знаешь, каким поездом?

– Увы, нет. И Нэнси тоже не знает.

– Что же ты собираешься делать?

– С раннего утра буду встречать каждый прибывающий поезд, сэр. И так, пока они не приедут, – с невесёлым смехом сказал молодой человек. – Тимоти тоже собирается там дежурить, с фамильным экипажем. В конце концов поезда ходят не так уж и часто...

– Что ж, другого выхода нет, – кивнул мистер Пендлтон. – Знаешь, Джим, – добавил он, – я восхищаюсь твоей выдержкой. И я рад, что в данной ситуации ты следуешь своему пылкому сердцу,

а не холодному рассудку. Надеюсь, так будет и в дальнейшем. В любом случае желаю тебе удачи!

– Спасибо, сэр, – печально улыбнулся юноша. – Удача мне теперь очень даже пригодится. Впрочем, как говорит Нэнси, на Бога надейся, а сам не плошай!

Глава XVII

Возвращение

Поезд подходил к Белдингвиллю, и Поллианна с тревогой поглядывала на тётушку. Час от часу беспокойство и дурное расположение миссис Чилтон усиливались, и девушка не на шутку опасалась момента, когда за окнами появится знакомый вокзал.

На тётушку нельзя было смотреть без слёз. Последние полгода состарили бедную женщину не меньше чем на десяток лет. Глаза совершенно поблекли, лицо осунулось, щёки ввалились, а лоб избороздили глубокие скорбные морщины. Углы губ опустились, волосы были гладко зачёсаны назад и туго стянуты на затылке – точно так же, как в тот первый раз, когда много лет назад девочка Поллианна увидела её впервые. Словно по мановению злой волшебницы, добрые черты характера, такие как мягкость, весёлый нрав, которые женщина приобрела в супружестве, оказались в одно мгновение сброшены, как отслуживший карнавальный костюм, и она снова превратилась в прежнюю миссис Полли Харрингтон – ворчливое существо, которое никого и никто не любит.

– Поллианна! – послышался резкий голос миссис Чилтон.

Девушка виновато улыбнулась. Ей показалось, что тётушка прочла её мысли.

– Да, тётя?

– Где моя чёрная сумка? Маленькая...

– Вот же она!

– Будь добра, достань-ка мою чёрную вуаль. Мы уже почти приехали.

– Но на улице такая жара, тётушка!

– Поллианна, я попросила тебя достать вуаль. Если хочешь мне помочь, то постарайся поменьше спорить там, где тебя не просят. Мне нужна вуаль. Или ты думаешь, мне доставит удовольствие, когда весь Белдингвилль будет на меня пялиться и обсуждать, какая я несчастная?

– Ах, дорогая тётушка, никто никогда не станет этого делать! – возразила девушка, но поспешно раскрыла сумку и стала рыться в ней в поисках вуали. – К тому же нас с вами никто не будет встречать. Мы ведь никому не сообщили о своём приезде...

– Это я и без тебя знаю. Мы действительно не сообщали никому о приезде, но зато написали миссис Дерджин, чтобы та проветрила комнаты и сегодня положила ключ под коврик. Ты полагаешь, миссис Дерджин способна держать язык за зубами? Как бы не так! Сегодня добрая половина города соберётся на вокзале, не иначе. Как бы невзначай. Как будто просто проходили мимо. Я их знаю как облупленных! Поди, сгорают от нетерпения поглазеть на безутешную бедняжку миссис Полли Харрингтон...

– Что вы такое говорите, тётушка! – со слезами на глазах воскликнула Поллианна.

– Ах, как я одинока! Если бы доктор был сейчас здесь... – дрожащим голосом начала женщина, хватаясь за голову. – Где же моя вуаль? – снова проворчала она.

– Вот, мэм, пожалуйста, – как можно спокойнее сказала девушка, поспешно подавая вуаль. – Мы уже подъезжаем! Как бы мне хотелось, чтобы нас пришли встретить старый Том и Тимоти!

– Чтобы с этим эскортом проследовать в свой особняк? – с горькой усмешкой подхватила миссис Чилтон. – Увы, мы больше не можем позволить себе ни роскошных экипажей, ни породистых лошадей. Кто знает, может, завтра всё наше имущество пойдёт с молотка! Нет уж, Поллианна, в теперешних обстоятельствах я предпочла бы прокатиться на обычной пролётке.

– Я знаю, мэм, но...

Вагон вздрогнул и остановился. Поллианна не закончила фразы, только печально вздохнула.

Когда вышли на платформу, миссис Чилтон, скрывавшая лицо за густой чёрной вуалью, старалась не смотреть по сторонам. Поллианна, напротив, нетерпеливо вертела головой в поисках знакомых лиц. В глазах

девушки стояли слёзы. Неожиданно она услышала, как её окликнули. Обернувшись, она увидела лицо – удивительно знакомое и в то же время незнакомое.

– Да ведь это Джимми! – просияв, воскликнула Поллианна, протягивая юноше руку. – А может быть, я должна теперь обращаться к вам «мистер Пендлтон»? – поправилась она с застенчивой улыбкой, словно говорившей: «Ах, какой высокий и красивый ты стал!»

– Что ж, попробуй! – чуть кивнув, усмехнулся в ответ молодой человек.

Он повернулся, чтобы поздороваться с миссис Чилтон, но дама, не поднимая головы, поспешно засемила дальше по перрону. Тогда он вновь повернулся к Поллианне и предупредительно сказал:

– Прошу, пожалуйста, сюда! И миссис Чилтон тоже. Тимоти уже ждёт нас в экипаже...

– Ах, какой он милый! – радостно воскликнула девушка, бросив беспокойный взгляд на даму в чёрной вуали. Нагнав миссис Чилтон, она осторожно коснулась её плеча. – Милая тётушка, нас ждёт Тимоти. Он приехал в экипаже. Вот там он стоит! А это... это Джимми Бин, тётушка!

От волнения и смущения Поллианна не заметила, что назвала молодого человека, как звала его в детстве. Тем не менее её слова заставили миссис Чилтон остановиться и обернуться на юношу.

– А-а, это вы, мистер... Пендлтон! Очень мило с вашей стороны. Право, не стоило доставлять Тимоти столько хлопот... – процедила она сквозь зубы.

– Никаких хлопот, уверяю вас, мэм! – рассмеялся в ответ молодой человек, стараясь скрыть смущение. – Давайте ваши квитанции, я заберу багаж...

– Благодарю вас, – начала вдова, – но, право, мы можем сами...

Но Поллианна её опередила.

– Вот спасибо! – обрадовалась она, вручая юноше квитанции, и многозначительно посмотрела на тётушку.

По дороге домой все смущённо молчали. Тимоти сидел на козлах, обиженно поджав губы, расстроенный холодным обращением бывшей хозяйки. Сама же миссис Чилтон лишь устало промолвила, обращаясь к Поллианне:

– Ну хорошо, дитя моё, будь по-твоему. Надеюсь, скоро мы наконец будем дома...

И больше не проронила ни слова. Сидела с хмурым видом.

Что касается Поллианны, то девушка держалась вполне непринуждённо. Не скрывая своего волнения, она вытягивала шею, отыскивая глазами с детства знакомые приметы. Только однажды она наклонилась к тётушке и шепнула:

– Какой красавец Джимми, правда? А какие у него чудесные глаза и улыбка!

И с надеждой взглянула на тётушку. Но та продолжала уныло молчать.

– Вот он, значит, какой стал... – пробормотала девушка, так и не дождавшись ответа.

Тимоти побоялся рассказывать миссис Чилтон, какую деятельность развернула непоседливая Нэнси к их приезду – о распахнутых настежь окнах и дверях, о полевых цветах, которые Нэнси заботливо расставила на крыльце, – чтобы хоть как-то порадовать миссис Чилтон и Поллианну.

– Ах, Нэнси, какая красота! – радостно воскликнула Поллианна, спрыгивая на землю. – Тётушка, смотрите! Нэнси тоже пришла нас встречать!

Посмотрите, как она здесь всё чудесно устроила!

Несмотря на радостные нотки, голос девушки заметно дрожал от волнения. Ужасно грустно было снова приехать в этот дом, где больше не будет доктора, к которому она так привязалась и которого так любила. А уж что должна была испытывать её бедная тётушка, она даже думать боялась. К тому же она знала, что больше всего тётушка страшилась удариться сейчас в слёзы перед Нэнси. Почему-то именно это казалось гордой женщине самым ужасным – зарыдать на глазах служанки. Поллианна знала, что под густой вуалью глаза бедняжки уже полны слёз, а губы нервно подёргиваются. Девушка также понимала, что тётушка готова найти любой предлог, чтобы устроить скандал и тем самым скрыть свои истинные чувства – горе и отчаяние. Поэтому она не удивилась, когда миссис Чилтон, едва поздоровавшись с Нэнси, ворчливо начала:

– Всё это, конечно, очень мило с твоей стороны, Нэнси, но, право, лучше бы ты не устраивала этой самодеятельности!

Радостное выражение на лице Нэнси сменилось испугом и болью.

– Но, мисс Полли... То есть миссис Чилтон... – заикаясь, пробормотала она, – разве вы... разве я...

– Хватит, Нэнси! – прервала миссис Чилтон. – Не хочу больше слышать об этом!

И, круто развернувшись, тётушка с гордым видом прошествовала

наверх, в свои покои, и громко хлопнула дверью.

Нэнси в расстроенных чувствах повернулась к Поллианне:

– Что же это такое, мисс Поллианна? Что я такого сделала? Я-то думала, что ей понравится. Я ведь от всей души старалась, правда...

– Ты всё сделала правильно, Нэнси, – поспешно сказала Поллианна, доставая из сумки платочек и промокивая выступившие слёзы. – И чудесно всё устроила! Просто замечательно!

– Но мадам не понравилось!

– Ей понравилось! Просто она не захотела в этом признаваться. Иначе она бы не смогла удержаться от слёз. Ах, Нэнси, Нэнси! Посмотри на меня, я ведь сейчас тоже вот-вот заплачу! Как я рада тебя видеть!

Поллианна обняла служанку, и обе всплакнули.

– Ну, будет, будет, мисс! – успокаивала девушку Нэнси, хотя сама то и дело утирала передником катящиеся из глаз слёзы. – Всё устроится!

– Ничего, что я плачу, – всхлипнула Поллианна. – Главное, что не в тётушкином присутствии. Ведь это так нелегко – первый раз входить в дом после такого долгого отсутствия, и вообще... Тётушку можно понять!

– Конечно, конечно, цыпочка моя, – прошептала Нэнси. – Я сама ужасно огорчилась, что, вместо того чтобы порадовать её, расстроила...

– Ничего подобного, Нэнси! Вовсе ты её не расстроила! – взволнованно возразила Поллианна. – Просто у неё такой характер, понимаешь? Для неё хуже всего на свете – обнаружить перед другими свои чувства, своё горе. Вот она и испугалась, что не выдержит и расплечется при всех. Поэтому и принялась ворчать... Со мной она ведёт себя точно так же, уверяю тебя! Понимаешь?

– Ну конечно! Ещё бы! – со вздохом сказала Нэнси и снова бросилась обнимать девушку. – Ах, бедная моя цыпочка! Как хорошо, что я всё-таки пришла вас встречать!

– Ты просто чудо! – пробормотала девушка, снова вытирая слёзы. – Так гораздо легче! Я тебе так благодарна, Нэнси! Даже выразить нельзя... Но... тебе, наверное, пора идти? У тебя куча своих дел...

– Какие ещё дела! – отмахнулась Нэнси. – Я сама хотела ещё побыть.

– Разве? Да ты ведь теперь замужняя женщина. Ты же вышла замуж за Тимоти.

– Ну да. Так и есть. Но он не будет возражать. Даже будет рад, если я побуду с вами.

– Ах, Нэнси, право, не стоит, – уверила её Поллианна. – Теперь нам лучше побыть одним, понимаешь? К тому же мне нужно заняться хозяйством. Тётушка говорит, что, пока наши дела в таком беспорядке, мы должны жить чрезвычайно экономно.

– Само собой. Нам ведь деньги тоже не с неба падают... – ворчливо начала Нэнси, но, взглянув на печальное лицо Поллианны, умолкла и отправилась на кухню, где у неё в духовке запекалась курица.

Как бы то ни было, миссис Дерджин с супругом уехали только после ужина, да и то весьма неохотно. На прощание Нэнси, наверно, раз сто повторила Поллианне, чтобы та обращалась к ней за любой помощью, даже за самой мелкой, хоть днём, хоть ночью.

Когда Нэнси уехала, Поллианна вернулась в гостиную, где миссис Чилтон сидела в одиночестве, закрыв лицо руками.

– Зажечь свет, милая тётушка? – весело предложила Поллианна.

– Как хочешь...

– Ну разве Нэнси не прелесть? Так чудесно всё устроила к нашему приезду!

Ответом было глухое молчание.

– Где она только насобираала этих замечательных цветов?! Цветы в каждой комнате и даже в обеих спальнях!

Опять молчание.

Поллианна тихо вздохнула и искоса посмотрела на тётушку. Но через минуту снова заговорила:

– Я видела в саду старого Тома. Как всегда, мучается жутким ревматизмом! Прямо пополам согнуло беднягу! Он расспрашивал про вас. А ещё...

Миссис Чилтон нетерпеливо отмахнулась:

– Лучше скажи, как нам теперь жить, Поллианна?!

– Что значит – как жить? Как-нибудь проживём, дорогая тётушка!

Женщина снова всплеснула руками:

– Ах, Поллианна, когда ты наконец повзрослеешь? Может, тогда поймёшь! Это не шутки!.. Ты ведь знаешь, что у меня почти нет доходов. Конечно, можно продать какие-то вещи. Однако мистер Харт полагает, этого хватит ненадолго. Кое-какие деньги лежат в банке под небольшими процентами. Но как быть с этим домом? Сплошные расходы, просто ума не приложу! Дом теперь слишком большой для нас двоих. К тому же он нас не кормит и не поит. А жить ведь на что-то надо! Разве что продать его за полцены? Ну уж нет! Может быть, ещё найдётся хороший покупатель...

– Продать дом? Ах, тётушка, не продавайте его! Он такой чудесный!

– Боюсь, что придётся. Иначе нам нечего будет есть.

– Знаю, знаю. Я всегда такая голодная, – виновато улыбнулась Поллианна. – Что ж, зато у меня хороший аппетит, – попыталась пошутить она. – Никогда не могла на него пожаловаться.

– То-то и оно, дитя моё. Всегда ты отыщешь что-нибудь, чему можно порадоваться. Но всё равно нужно что-то решать. Нельзя быть такой

легкомысленной, Поллианна! Давай поговорим серьёзно.

Девушка послушно кивнула:

– Давайте, мэм. И вот что я думаю: мне надо пойти работать!

– Ах, дитя моё, – снова запричитала тётушка, – вот уж не думала, что доживу до этого! Дочка Харрингтонов должна в поте лица зарабатывать на кусок хлеба!

– Но, тётушка, ведь можно взглянуть на это и с другой стороны, – рассмеялась Поллианна. – Вас должно радовать, если дочка Харрингтонов окажется достаточно умна, чтобы зарабатывать. В этом, право, нет абсолютно ничего зазорного, тётушка!

– Может, и так, Поллианна, но всё-таки это ужасно досадно: после того положения, которое мы всегда занимали в Белдингвилле...

Но девушка словно не слышала. Её мысли бродили где-то далеко.

– Ах, если бы у меня нашёлся какой-нибудь талант! – вздохнула она. – Если бы я умела делать что-то такое, чего никто другой не умеет! Я ведь умею всего понемногу: немного петь, немного музицировать, немного вышивать и шить... Но ничего не умею делать по-настоящему мастерски. По крайней мере, так, чтобы за это хоть сколько-нибудь платили... Пожалуй, я больше всего люблю готовить, – задумчиво продолжала она, немного помолчав. – А ещё убирать, наводить порядок в доме... Помните, в Германии зимой мне часто приходилось этим заниматься, когда мы не могли дозваться Гретхен... Однако мне совсем не хочется идти на кухню к чужим людям.

– Только через мой труп, Поллианна! – ужаснулась тётушка.

– А если я буду просто готовить у нас на кухне – от этого тоже мало проку... – огорчённо промолвила девушка. – В смысле, за это ведь мне денег не заплатят, верно? А нам нужны деньги!

– Не то слово, – вздохнула миссис Чилтон.

Воцарилось долгое, тягостное молчание. Первой опять заговорила Поллианна:

– После всего, что вы для меня сделали, тётушка, я готова на всё, только чтобы хоть как-то вам помочь! Ах, если бы мне представилась какая-нибудь возможность! Господи, почему у меня нет таланта зарабатывать деньги!

– Полно, дитя, полно! Был бы жив доктор, нам бы не пришлось так... – Миссис Чилтон снова умолкла, горестно качая головой.

Поллианна живо вскочила со стула.

– Нет, милая тётушка, этого я никогда не допущу! – решительно заявила она. – Не падайте духом! Я непременно что-нибудь придумаю!

Я обязательно отыщу в себе какой-нибудь талант! И очень скоро... По правде сказать, – энергично продолжала она, – жить на всём готовом, когда тебе всё просто сыплется с неба, довольно скучно. Гораздо интереснее, когда в жизни приходится всего добиваться, – с весёлым смехом закончила она.

Однако миссис Чилтон не спешила разделить веселье племянницы.
– Ах, Поллианна, – вздохнула она, – какой ты всё-таки ещё ребёнок!

Глава XVIII

Пора взрослеть

Первое время после возвращения в Белдингвилль миссис Чилтон и Поллианне пришлось нелегко. Нужно было привыкать к новой жизни. А это всегда непросто.

После беспечных странствий по Европе нужно было начинать всё заново: узнавать цены на масло, на мясо. Приходилось на всём экономить, учиться хозяйствовать. Как и в прежние времена, Поллианна радушно принимала гостей. Миссис Чилтон редко выходила в гостиную, предпочитая под каким-нибудь благовидным предлогом оставаться у себя.

– Подумать только, – с горечью ворчала она снова и снова, – неужели этим людям так интересно видеть нищету Полли Харрингтон?!

Разговоров о покойном докторе миссис Чилтон почти никогда не заводила, но Поллианна понимала, что тётушка вспоминает мужа каждую минуту, хотя и старается спрятать горе под своей обычной сдержанностью и холодной немногословностью.

В течение первого месяца Джимми Пендлтон несколько раз заходил в гости к Поллианне. Сначала в компании с мистером Пендлтоном-старшим. Беседа была непринуждённой, без всяких церемоний, но только до тех пор, пока в гостиную не входила миссис Чилтон. Если к другим гостям она могла не выходить, то игнорировать Джимми и мистера

Пендлтону почему-то считала неприличным. Потом Джимми стал приходить один. Один раз явился с цветами, другой раз с книгой для миссис Полли. Как бы «по оказии». Потом стал заходить по-свойски, без всякого предлога. Поллианна от души радовалась его приходу. Когда он являлся один, тётушка Полли предпочитала оставаться в своих покоях.

Друзья и знакомые не видели особой перемены в жизни Поллианны и миссис Чилтон. Но с Джимми Поллианна была более откровенна и горько сетовала, что не умеет, не знает, как заработать денег.

– Тебе, наверное, кажется, что теперь я только и думаю что о деньгах, – с невесёлым смехом говорила она Джимми. – Но ведь я мечтаю совсем не о том, чтобы заработать миллионы, а только хотя бы на жизнь!.. А тётушка Полли... Если бы ты знал, как она страдает от бедности...

– Какая жалость! – восклицал Джимми.

– Конечно, ей ещё далеко до настоящей нищеты, но тем не менее я очень хотела бы как-то ей помочь.

Глядя на терзания Поллианны, Джимми сочувственно вздыхал. Его взгляд теплел и был полон нежности.

– А чем именно тебе бы хотелось заняться? – спрашивал он.

– Я бы могла готовить и быть домохозяйкой. Что ещё я умею? – виновато улыбалась Поллианна. – Обожаю взбивать гоголь-моголь, слушать, как сода шипит в кислом молоке. Когда нужно приготовить какую-нибудь выпечку, для меня это просто праздник! Но ведь за это денег не платят, – вздыхала она. – Разве что готовить у чужих людей. А к этому у меня совсем душа не лежит...

– Ещё бы! – сочувственно кивал молодой человек.

Однажды он задумчиво слушал Поллианну, которая увлечённо рассуждала о кулинарии и домашнем хозяйстве. Потом он вдруг покраснел и нерешительно промолвил:

– Конечно, можно было бы просто выйти замуж... Вы об этом никогда не думали, мисс Поллианна?

Поллианна лишь весело рассмеялась в ответ. Это был беспечный смех юной девушки, которая ещё понятия не имела, что такое брачные узы и стрелы Купидона.

– Ах, замуж я не собираюсь и, наверное, никогда не выйду! – без колебаний заявила она. – Во-первых, я не красавица, а во-вторых, не могу оставить тётушку Полли. Я обязана о ней заботиться...

– Не красавица? Неужели?! – с недоуменной улыбкой воскликнул Джимми. – А вам не кажется, что на этот счёт могут быть другие мнения?

Поллианна решительно, без малейшего огорчения покачала головой.

– Не может быть никаких других мнений! Я что, себя в зеркале не видела?

Это можно было бы счесть простым кокетством. Однако Джимми понимал, что, в отличие от других девушек, в словах Поллианны нет ни капли кокетства. Он в этом ни секунды не сомневался. Он также понимал, что ещё отличало Поллианну от всех других девушек, которых он знал. Поллианна по-прежнему смотрела на мир глазами той маленькой девочки, с которой он много лет назад познакомился прямо на дороге, неподалёку у дома миссис Сноу.

– Ну и почему же, интересно, ты считаешь, что ты не красавица? – вырвалось у него.

Даже зная наивный и добродушный характер Поллианны, Джимми уже жалел, что задал этот дурацкий вопрос. Любая из девушек, с которыми он был знаком, сочла бы за смертельную обиду, если бы он хотя бы в шутку поставил под сомнение её красоту. Однако реакция Поллианны мгновенно убедила его, что такие опасения беспочвенны.

– Просто не красавица, вот и всё, – со смехом промолвила она. – Видно, не уродилась... Если помнишь, я ведь ещё в детстве мечтала, что когда попаду на небо, первым делом попрошу в раю у Бога дать мне роскошные чёрные кудри... – со вздохом прибавила она. – В детстве это была моя самая заветная мечта.

– А теперь?

– Теперь, наверное, нет, – неуверенно сказала Поллианна. – Впрочем, я бы, конечно, не отказалась от шикарных чёрных волос... К тому же у меня, – продолжала она, – ресницы не длинные, а нос не греческий и даже не римский. Нос как нос. Мой тип – самый невзрачный. Да и лицо – не то слишком вытянутое, не то приплюснутое. Уж и не помню, какое оно. Хотя однажды специально измеряла, чтобы сравнить с идеальными пропорциями. Говорят, ширина лица должна равняться пятикратной ширине одного глаза. А ширина глаза ещё чему-то там... Не помню точно. Одно ясно, мне до эталона как до луны!

– Да, не слишком весёлую картину ты обрисовала, Поллианна! – рассмеялся Джимми и, внимательно оглядев девушку, спросил: – А ты смотрелась в зеркало, когда что-нибудь говоришь?

– Ни разу.

– А ты как-нибудь попробуй!

– Зачем ещё? Что за странная мысль! – снова рассмеялась девушка. – И что же мне при этом говорить? Что-нибудь вроде: «Милая Поллианна, у тебя действительно посредственные ресницы и заурядный нос. Впрочем,

радуйся, что они у тебя вообще есть...»

Джимми не выдержал и принялся хохотать вместе с ней, но в его глазах промелькнуло удивление.

– Так, значит, ты всё ещё играешь в свою игру? – пробормотал он сквозь смех.

Поллианна изумлённо подняла брови.

– Ну конечно, Джимми! А как же иначе я смогла бы пережить всё, что обрушилось на меня за последние полгода? – проговорила она дрогнувшим голосом.

– Ты, кажется, стараешься вообще не говорить об этом...

Поллианна слегка покраснела.

– Просто не хочу говорить о своих горестях с чужими людьми, которым всё это безразлично... Кроме того, мне ведь уже не десять лет, а двадцать, и я прекрасно понимаю, что такие разговоры больше похожи на непрошенные нравоучения. А люди этого не любят... – с улыбкой прибавила она.

– Так-то оно так, – серьёзно подхватил молодой человек, – но всё-таки мне кажется, ты недооцениваешь, как много может значить эта игра для тех, кто начал в неё играть...

– Главное, я знаю, как много она значит для меня самой, – тихо сказала Поллианна, смущённо отводя глаза.

– Это замечательная игра, – немного помолчав, продолжал Джимми. – И очень помогает в жизни. Я даже однажды слышал, как кто-то уверял, что если бы все люди в неё играли, мир бы преобразился. Я тоже в это верю!

– Может быть, – улыбнулась Поллианна. – Вот только некоторые люди вообще не хотят никаких перемен. В прошлом году в Германии я познакомилась с одним таким человеком. Он обанкротился, и вообще его преследовали разные неприятности... Ах, боже мой, какой же он был мрачный! Однажды кто-то попытался его утешить, сказав: «Не надо так убиваться, ведь всё могло быть гораздо хуже!» Этот господин пришёл в ярость. Если бы ты слышал, как он возмущался! «Больше всего на свете меня бесит, – кричал он, – когда какой-нибудь болван заявляет, что всё могло быть гораздо хуже, и нужно благодарить судьбу хотя бы за то, что осталось! Терпеть не могу блаженных идиотов, которые утешают себя тем, что могут просто дышать, есть, ходить, лежать. На кой чёрт мне теперь дышать, есть, ходить, лежать после всего, что со мной приключилось?! Когда я слышу подобный бред, мне хочется схватить револьвер и перестрелять всех этих блаженных моралистов!..»

Можешь представить, что стало бы с этим господином, – со смехом продолжала Поллианна, – если бы я начала рассказывать ему про мою игру...

– Ну и что, – покачал головой Джимми. – Может, только она и могла ему помочь.

– В этом я как раз не сомневаюсь. Но и благодарности от него я бы тоже вряд ли дождалась.

– Пожалуй... – согласился молодой человек. – Но, с другой стороны, в том состоянии и расположении духа, в котором он находился, он ведь был жуткой обузой – и себе самому, и окружающим. Разве нет?.. Но предположим, хотя бы на секунду, что он стал бы играть в твою игру и изо всех сил попытался найти хоть что-то хорошее в своей ситуации... Даже если бы он ничего не придумал, у него бы не осталось времени на ворчание и грустные мысли. Уже одно это хорошо. И ему, и его близким стало бы от этого намного легче. Постепенно у него бы улучшился аппетит, сон, вообще самочувствие, да и жизнь уже не представлялась бы ему в таком беспросветно мрачном свете. В общем, с какой стороны ни посмотри, сыпать себе соль на раны – самое глупое и бессмысленное занятие.

– Когда-то очень давно, – подхватила Поллианна, – в дамском благотворительном комитете, который заботился обо мне, когда я осталась сиротой, была одна такая леди. То есть она была из тех несчастных созданий, которые как будто находят удовольствие в своих несчастьях и без конца о них говорят. Мне было лет десять, и я попыталась научить её моей игре. Но всё было напрасно, она и слышать про неё не хотела. Тогда я не выдержала и сказала ей: «Как вам повезло! Вы так любите сыпать себе соль на раны, а этой соли у вас, похоже, целая гора!»

– Ну вот, – не выдержав, усмехнулся Джимми, – всё-таки отыскалось что-то хорошее!

– Не думаю, что ей сильно помогли мои слова, – покачала головой Поллианна. – Не помогли бы они и тому господину из Германии, о котором я рассказывала...

– Но сказать ему об этом всё равно было нужно... – начал Джимми и вдруг остановился, словно ему в голову пришла какая-то удивительная мысль.

– О чём ты сейчас подумал? – тут же поинтересовалась девушка.

– Да так, ничего особенного... – уклончиво пробормотал он, но почему-то густо покраснел. – Ещё недавно я боялся, что ты как раз стараешься наставлять людей на путь истинный, когда они тебя об этом

не просят, а теперь вот сам пытаюсь убедить тебя, чтобы ты вела себя подобным образом...

– Давай, Джимми, договаривай до конца, раз уж начал, – приказала девушка. – Я требую.

– Правда, ничего особенного...

– Я жду. – Поллианна строго сдвинула брови, но в её глазах мелькали озорные огоньки. Наконец не выдержала и рассмеялась.

Видя, что она не сердится, молодой человек сдался.

– Просто я боялся, что ты продолжаешь играть в свою игру, как тогда в детстве... А ведь ты уже не ребёнок, и это выглядело бы... Ну ты понимаешь...

– То есть ты боялся, что я дурочка, что даже в двадцать лет веду себя так, будто мне всё ещё десять? – со смехом перебила Поллианна. – Вот умора!

– Нет-нет, я не то хотел сказать! Просто я думал...

Но Поллианна уже не слушала. Зажав уши ладонями и давясь от хохота, она выбежала из комнаты.

Глава XIX

Два письма

В конце июня Поллианна получила письмо от Деллы Уитерби.

«Хочу просить Вас об одной любезности, – писала мисс Уитерби. – Не могли бы вы порекомендовать мне какую-нибудь приличную семью в Белдингвилле, которая могла бы принять мою сестру погостить этим летом? Миссис Кэрю будут сопровождать её помощница и приёмный сын Джемми. (Вы, конечно, помните Джемми, не так ли?) Они не хотят останавливаться ни в отеле, ни в гостинице. Между тем моя сестра нуждается в отдыхе, и доктор посоветовал ей переменить обстановку, отправиться пожить где-нибудь в сельской местности.

Например, в Вермонте или Нью-Хэмпшире. Мы обе сразу подумали про Белдингвилль и про Вас. Может быть, Вы нам что-нибудь присоветуете. Вот я и предложила Рут написать Вам. Они хотят выехать как можно раньше, в начале июля. Знаете ли Вы такую приличную семью? Пожалуйста, пишите мне по этому адресу. Моя сестра сейчас находится у нас в санатории, проходит двух-трёхнедельный оздоровительный курс. Очень надеюсь, что Вы нам что-нибудь присоветуете.

Сердечно Ваша,

Делла Уитерби».

Когда чтение письма было окончено, Поллианна задумалась, мысленно перебирая все известные ей дома в Белдингвилле, у которых могли бы остановиться её старинные друзья.

– Придумала! – вдруг радостно воскликнула она, хлопнув себя по лбу, и поспешила в комнату к тётушке.

– Тётушка! Тётушка! – с ходу затараторила девушка. – Мне пришла в голову отличная идея! Я как чувствовала, что что-то должно случиться и у меня обнаружится какой-нибудь талант. Он обнаружился. Честное слово! Вы только послушайте. Я получила письмо от мисс Уитерби, сестры миссис Кэрю, у которой я гостила той зимой в Бостоне, ну вы помните. Теперь миссис Кэрю хочет приехать на лето в наши края, отдохнуть, поправить здоровье. Мисс Уитерби просит подыскать им кого-нибудь, у кого можно было бы остановиться. Гостиница или отель им не подходят. Сначала я не знала, что им посоветовать, а потом придумала. Угадайте, тётушка, что пришло мне в голову!

– Дитя моё, – покачала головой миссис Чилтон, – перестань трещать как сорока! Пора бы тебе быть немножко серьезнее. Ты ведь уже взрослая девушка. Ну, что ты там придумала?

– Я придумала, где могут остановиться миссис Кэрю и Джемми! – выпалила девушка.

– Да что ты говоришь! Ну и где же? – хмыкнула миссис Чилтон. – Впрочем, меня это мало касается...

– Ещё как касается, мэм! Потому что я хочу пригласить их к нам!

– Ты в своём уме, Поллианна?! – вздрогнула миссис Чилтон.

– Прошу вас, тётушка, не возражайте! – взмолилась Поллианна. – Как вы не понимаете, ведь это мой шанс, которого я так ждала! Это просто подарок судьбы. Всё можно устроить самым замечательным образом. У нас полным-полно места, а я, как вы знаете, умею готовить, вообще вести хозяйство. Это ведь не бесплатно! Они готовы хорошо заплатить. К тому же их будет целых три человека. Кроме миссис Кэрю и Джемми ещё помощница.

– Нет, Поллианна, я против. Я не собираюсь превращать родовое гнездо Харрингтонов в гостиницу или в постоялый двор. Ни за что, Поллианна!

– Не будет у нас никакого постоялого двора, милая тётушка. Просто люди немного погостят у нас. Вдобавок, они наши друзья. Они ведь так и так собирались снять какое-нибудь жильё, готовы за него платить. А нам

как раз нужны деньги, – решительно сказала девушка.

Миссис Чилтон нахмурилась. Было видно, что ей тяжело переступить через собственную гордость.

– Как же ты себе это представляешь? – тихо промолвила она, со стоном откидываясь к спинке кресла. – Тебе одной с этим не справиться!

– Я этого и не говорю, – радостно подхватила Поллианна, почувствовав, что ей удастся убедить тётушку. – Я буду готовить и присматривать за гостями, а остальным займётся одна из младших сестёр нашей Нэнси. Кстати, миссис Дерджин может взять на себя стирку. Она ведь этим зарабатывает.

– А как же я, Поллианна? Ты же знаешь, я не очень здорова. Я буду тебе неважной помощницей.

– Вам и не надо ничего делать! Ни в коем случае! – воскликнула Поллианна. – Ах, тётушка, как хорошо! Даже не верится: деньги сами упали мне в руки!

– Так уж и упали! – снова хмыкнула миссис Чилтон. – Ты ещё такая наивная, Поллианна. Пускать на лето постояльцев – совсем не лёгкий заработок. Это только на словах просто. Тебе нужно будет изобретать меню, варить, жарить, печь, мыть посуду, убирать, следить, чтобы всё подавалось вовремя. Когда ты будешь валиться с ног от усталости, вот тогда вспомнишь мои слова!

– Пусть так. Я на всё согласна, – рассмеялась Поллианна. – Что толку заранее придумывать себе трудности! Я сейчас же напишу мисс Уитерби и попрошу Джимми Бина, чтобы он сегодня же отвёз письмо на почту.

Миссис Чилтон неодобрительно покачала головой.

– Ах, Поллианна, тебе следует называть молодого человека как полагается, а не Джимми Бином! Фу-у-у!.. Насколько мне известно, его теперь нужно величать Джим Пендлтон.

– Вы правы, мэм, – согласилась девушка. – Правда, я всё время про это забываю. Иногда даже когда разговариваю с ним. Вот ужас! Ведь он теперь официально усыновлён, и всё такое. Я это просто от волнения, мэм...

И Поллианна выбежала из комнаты.

Когда в четыре часа пополудни явился Джимми, ответное письмо было готово. Девушка дрожала от нетерпения и с ходу выложила молодому человеку, в чём дело.

– Я уже жду не дождусь, когда они приедут! – воскликнула она, в двух словах рассказав о своих планах. – С той самой зимы в Бостоне я ведь больше ни разу с ними не виделась! Я уже рассказывала тебе про Джемми,

не так ли?

– О да. Ты мне рассказывала, – насупившись, кивнул молодой человек.

– Ну что скажешь? Разве это не замечательно, что они приезжают?

– Честно говоря, не вижу в этом ничего особенно замечательного, – сдержанно заметил Джимми.

– А разве не замечательно, что у меня появилась возможность хоть немножко заработать и помочь тётушке Полли? Разве это не здорово, Джимми?

– Полагаю, это будет... довольно хлопотное дело... – сквозь зубы процедил Джимми.

– Конечно, хлопотное. Ещё бы. И всё-таки я ужасно рада, что смогу заработать. Я ведь тебе говорила, Джимми, я ужасно корыстная девушка, – со вздохом сказала Поллианна.

Немного помолчав, молодой человек вдруг поинтересовался:

– А сколько лет сейчас этому... Джемми?

Поллианна ласково улыбнулась:

– Ах да, понимаю. Насколько я помню, тебе ведь никогда не нравилось это имя. Впрочем, можешь не беспокоиться. Его теперь официально усыновили, и теперь его можно называть мистером Кэрю.

– Ты так и не ответила, сколько ему лет, – сказал Джимми, продолжая хмуриться.

– По правде сказать, никто не знает его точного возраста. Даже он сам. Но, думаю, он твоих лет. Интересно, какой он стал! В моём письме я написала и об этом...

– Неужели? – проворчал молодой человек, раздражённо похлопав письмом по ладони.

Было видно, что он с радостью изорвал бы его в клочки, выбросил в мусорное ведро – только бы не отправлять по адресу.

Джимми и сам прекрасно понимал, что его просто мучает ревность к неизвестному молодому человеку, чьё имя так созвучно с его собственным... Так созвучно и в то же время так ненавистно!

Молодой человек пытался уверить себя, что вовсе не влюблён в Поллианну. Ни капельки не влюблён. Просто ему неприятно, что какой-то мямля Джемми скоро пожалует в Белдингвилль и будет постоянно мозолить ему глаза. Он чуть было не сорвался, чтобы так прямо и заявить об этом Поллианне, но сдержался и покорно поплёлся на почту отправлять письмо.

В любом случае злосчастное письмо не было ни изорвано,

ни выброшено. Джимми отправил его по адресу, и через несколько дней сгорающая от нетерпения Поллианна получила от мисс Уитерби ответ.

Зайдя в гости к девушке, молодой человек имел удовольствие ознакомиться с содержимым нового письма. Точнее, Поллианна прочла ему самую важную часть послания, заметив при этом:

– В начале ничего существенного. Мисс Уитерби просто благодарит и пишет, как они рады, что смогут приехать, и всё такое. Это малоинтересно... А вот отсюда я хочу, чтобы ты послушал. Тем более я столько рассказывала тебе об этих людях. Впрочем, скоро ты и сам с ними познакомишься. И я очень надеюсь на твою помощь, Джимми. Мне ведь нужно постараться, чтобы им у нас понравилось...

– Конечно, нужно...

– Прошу, не смейся! Только потому что тебе почему-то не по душе имя Джемми... – пошутила девушка. – Вот увидишь, когда ты с ним наконец познакомишься, – продолжала она, – он тебе обязательно понравится. Я в этом уверена. И миссис Кэрю тоже.

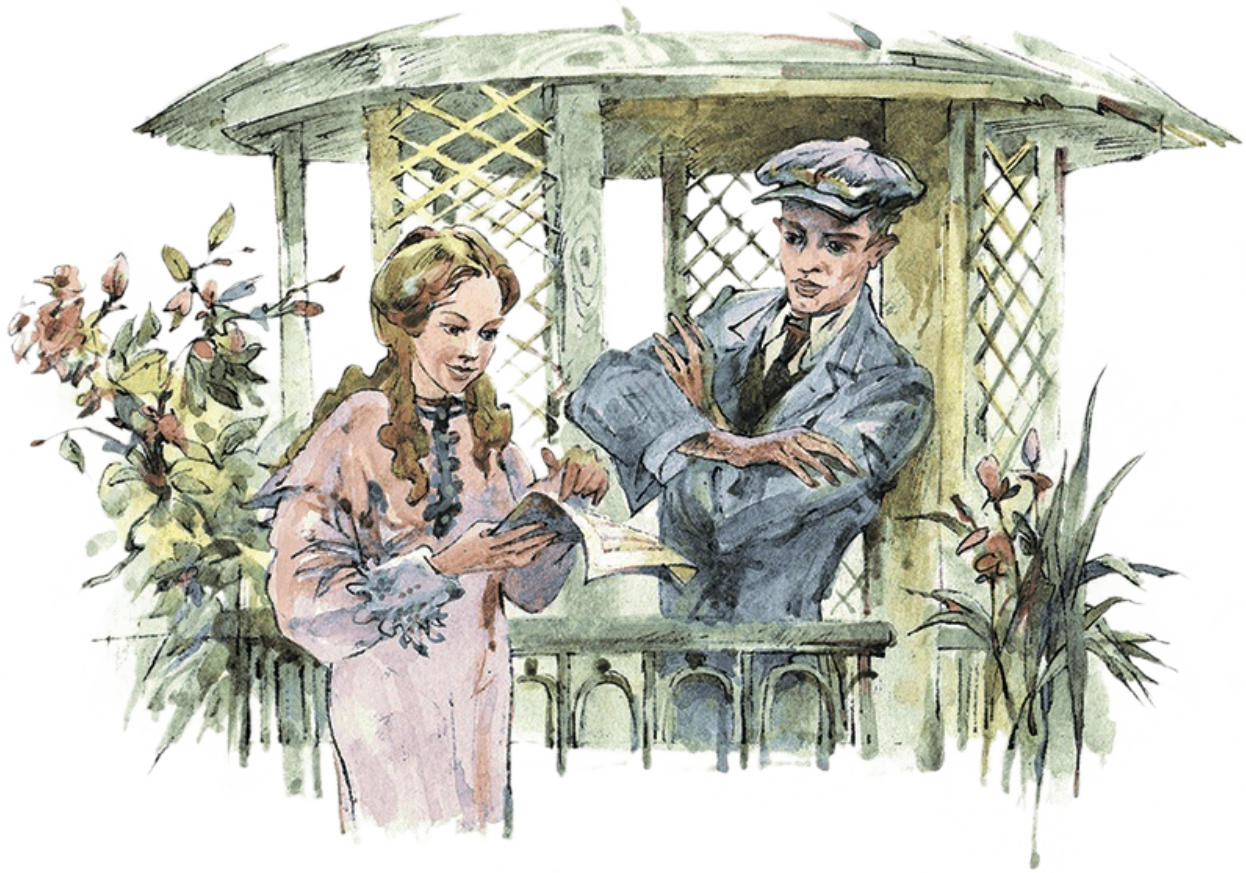
– Ну не знаю, не знаю, – скептически заметил Джимми. – Впрочем, почему бы нет. Главное, чтобы и моя симпатия к ней не осталась безответной.

– Уверен, ты ей тоже понравишься, – рассмеялась Поллианна. – Вот послушай! Я прочту тебе кое-что про неё... Это письмо её сестры Деллы, мисс Уитерби. Помнишь, она работает медсестрой в санатории?

– Конечно. Читай, – неохотно кивнул Джимми, явно из вежливости.

– «...А теперь позвольте рассказать Вам обо всех Ваших гостях... – с энтузиазмом начала чтение Поллианна. – Это не так легко, но, надеюсь, я справлюсь. Прежде всего нужно сказать, что моя сестра очень изменилась. За последние шесть лет в её жизни было много удивительных перемен. Сейчас она выглядит немного похудевшей и вымотанной, но небольшой отдых, конечно, вернёт её в норму. Надеюсь, Вы ещё оцените, как она расцвела: помолодела, похорошела, какой у неё счастливый вид. Заметьте, я сказала: счастливый. Конечно, для Вас это не так важно, как для меня, ведь Вы были ещё слишком маленькая, чтобы понять, какой несчастной Вы застали её той зимой в Бостоне. Раньше она жила как будто через силу, а теперь наслаждается каждым днём. Теперь у неё есть Джемми. Когда Вы увидите их вместе, сразу поймёте, как много он для неё значит. Мы по-прежнему не знаем, настоящий ли он Джемми или нет, но моя сестра полюбила его как собственного сына и официально его усыновила. Ну об этом Вы уже слышали... Кроме того, у моей сестры появились девушки-подруги. Вы, конечно, помните Сэйди Дин,

продавщицу? Моя сестра приняла самое живое участие в судьбе этой девушки, всячески ей помогала, а потом у неё появились и другие подопечные. Она организовала пансион для молодых работниц. Теперь их у неё полтора десятка, и каждая из девушек считает мою сестру своим добрым ангелом. В попечительском совете этого благотворительного учреждения несколько богатых и влиятельных дам и господ, но основную работу делает моя сестра. Ради своих девушек она готова на всё. Ничего удивительного, что это отнимает у неё много сил и нервов. К счастью, у неё прекрасная помощница и секретарь. Это Сэйди Дин. Вот увидите, она тоже сильно переменилась. Хотя в душе осталась той же милой, доброй Сэйди... Теперь о Джемми. Ах он бедняжка! Каково ему сознавать, что он никогда не сможет ходить! Одно время мы все очень надеялись, что его удастся вылечить. Целый год он провёл в санатории у доктора Эймса и даже начал немного передвигаться на костылях. Увы, бедняжка, останется инвалидом на всю жизнь. Впрочем, общаясь с ним, невольно об этом забываешь. Как и вообще о том, что перед тобой инвалид. А всё потому, что Джемми – необычайно сильный духом юноша. Это трудно объяснить, но когда Вы его увидите, то сами всё поймёте. К тому же он сохранил свой мальчишеский энтузиазм и продолжает радоваться жизни, как радовался в детстве. Поэтому, единственное, что действительно могло бы его расстроить, – это если бы вдруг выяснилось, что он всё-таки не наш племянник, не настоящий Джемми Кент. Он столько мечтал и размышлял об этом, что теперь всей душой поверил, что он и есть настоящий Джемми. Даже если это не так, надеюсь, он никогда об этом не узнает...»

– Ну вот, это всё, что она о них пишет, – сказала Поллианна, складывая письмо. – Интересно, правда?

– Ещё бы! – был вынужден согласиться Джимми.

В эту минуту молодому человеку пришло в голову, как хорошо, что у него у самого здоровые ноги. С другой стороны, если бы это было не так, то, может быть, и о нём, как о калеке Джемми, Поллианна бы стала не переставая думать и говорить.

– Да, этот парень крепкий орешек! – неохотно признал он. И ревниво прибавил: – Ему палец в рот не клади...

– Да как ты можешь так говорить, Джимми Бин! – задохнулась от возмущения Поллианна. – Откуда тебе знать, каково ему приходится. А я знаю. Потому что однажды сама чуть не стала инвалидом...

– Конечно, конечно, – поспешно согласился молодой человек.

Видя, с каким жаром и симпатией девушка рассказывает про Джемми, он неожиданно поймал себя на мысли, что теперь ему меньше всего на свете хотелось бы, чтобы этот юноша приезжал к ним в город.

Глава XX

Гости-постояльцы

За те несколько дней, что оставались до приезда гостей-постояльцев, Поллианне пришлось немало потрудиться, чтобы всё наилучшим образом подготовить и устроить. Девушка буквально сбилась с ног. А тут ещё тётушка Полли продолжала беспрестанно ворчать, недовольная, что скоро в её доме появятся «какие-то ужасные люди». И всё-таки, несмотря на усталость и сомнения, Поллианна была счастлива.

На подмогу ей была призвана Бетти, младшая сестра Нэнси. Вместе с ней Поллианна носилась по дому, из комнаты в комнату, то и дело что-то переставляя, передвигая, меняя – чтобы долгожданные постояльцы чувствовали себя как дома.

От миссис Чилтон было не много помощи. Во-первых, она неважно себя чувствовала, а во-вторых, ей не давало покоя уязвлённое самолюбие.

– Ах, Поллианна, Поллианна, – снова и снова причитала тётушка, – посмотри, до чего мы докатились! Кто бы мог подумать! Где гордость славной фамилии Харрингтонов? Что будет с нашим родовым гнездом?

– Ничего страшного, дорогая тётушка, – с улыбкой успокаивала её девушка. – В нашем родовом гнезде будет гостить не кто-нибудь, а славная фамилия Кэрю!

К сожалению, миссис Чилтон не так-то просто было вывести из состояния хандры. В конце концов Поллианне пришлось смириться

с тётушкиными охами и ахами.

В назначенный день Поллианна и Тимоти отправились на станцию встречать гостей. Кстати сказать, лошади из конюшни Харрингтонов теперь принадлежали Тимоти.

Как только девушка слышала свисток прибывающего поезда, уверенность и радостное предвкушение встречи с гостями, переполнявшие её сердце, в одно мгновение улетучились, а на их место нахлынули сомнения, робость и даже паника. Только в эту последнюю минуту она вдруг осознала, какое сложное дело возлагается на её плечи. Притом что особой помощи ждать было неоткуда. Поллианна представила себе миссис Кэрю, эту богатую, избалованную даму с утончённым вкусом и высокими запросами. Вспомнила, что и Джемми теперь уже совсем не тот мальчик из бедной семьи, которого она знала, а самостоятельный молодой человек... В эту минуту ей отчаянно захотелось исчезнуть – просто убежать куда глаза глядят.

– Ах, Тимоти, что-то мне... нехорошо... Наверное, я скажу им, что мы не сможем их принять... – пробормотала она, сжавшись в комок, словно и правда была готова вот-вот пуститься наутёк.

– Как можно, мэм! – удивился Тимоти, неодобрительно двинув бровями.

Этого оказалось достаточно, чтобы Поллианна пришла в себя, рассмеялась и уверенно расправила плечи.

– Я пошутила, Тимоти. Конечно, я не стану этого делать... Смотри! – взволнованно воскликнула она. – Подъезжают!

Уже через минуту прежняя нетерпеливая Поллианна сорвалась с места и бросилась навстречу гостям, которых узнала в толпе с первого взгляда. Да и как можно было не узнать кареглазого молодого человека на костылях?

После сумбурных приветствий и восклицаний вся компания погрузилась в приготовленный экипаж. Миссис Кэрю села рядом с Поллианной, а Джемми и Сэйдди Дин напротив. Только теперь девушка смогла рассмотреть старых знакомых, которых не видела столько лет.

Миссис Кэрю поразила Поллианну. Она и забыла, какая та красавица, какие у миссис Кэрю длинные ресницы, какие прекрасные глаза. Глядя на неё, девушка с невольной завистью подумала, что такая красавица могла бы затмить многих дам в городе. Но ещё больше её удивило и порадовало полное отсутствие даже малейших признаков уныния и тоски.

Затем она перевела взгляд на Джемми. И снова была удивлена. Причём по той же причине. Джемми превратился в симпатичного молодого человека. Поллианне, впрочем, его внешность всегда казалась неординарной. При бледном лице тёмные глаза, тёмные вьющиеся волосы. Его волосы особенно понравились девушке. А когда её взгляд упал на костыли, стоявшие подле сиденья, сердце Поллианны вздрогнуло от жалости.

Девушка взглянула на Сэйди Дин. Казалось, внешне она почти не изменилась, была такой же, какой запомнилась Поллианне в их первую встречу в городском парке. Однако и одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что девушка сильно переменялась: у неё была другая причёска, платье, речь, манеры. В общем, перед Поллианной был совершенно новый человек.

Первым заговорил Джемми.

– Как я рад, что ты разрешила нам приехать, – сказал он, обращаясь к Поллианне. – Знаешь, что я вспомнил, когда ты написала, чтобы мы приезжали? Угадай!

– Не знаю... – смущённо пробормотала девушка. Из-за стоявших рядом костылей она всё ещё чувствовала ком в горле.

– Я вспомнил ту маленькую девочку в городском парке с пакетиком орехов для Сэра Ланселота и Леди Женевьевы. Я сразу понял, что мы с братом показались тебе такими же жалкими и голодными, как эти белки. А ещё – что, поделившись орехами, ты почувствовала себя счастливой.

– Да, да! – рассмеялась Поллианна. – Я помню тот пакетик с фисташками!

– Что ж, – продолжал Джемми с лукавой улыбкой, – теперь вместо фисташек у тебя для нас свежий сельский воздух, деревенское молоко, свежие куриные яйца... Хотя по сути это те же фисташки. Кстати, помнишь, каким наглым и прожорливым был Сэр Ланселот? Тебе придётся с нами нелегко!

– Ничего, как-нибудь справлюсь, – улыбнулась в ответ Поллианна.

Какое счастье, что при этом разговоре не присутствовала тётушка Полли, которая не раз предупреждала племянницу, что принимать постояльцев – дело ужасно хлопотное.

– Бедняжка Сэр Ланселот! – продолжала она как ни в чём не бывало. – Кто теперь будет приносить ему в парк орешки? Он всё ещё живёт в городском парке?

– Если он ещё там, найдётся, кому его покормить, – весело вставила миссис Кэрю. – Этот сумасбродный мальчишка ходил туда по меньшей

мере раз в неделю с карманами, полными орехов, зерном и прочей снедью. Его всегда можно отыскать в городе: за ним тянется след из зёрн и семечек, которые он постоянно таскает с собой. Когда я на завтрак заказываю овсянку, кухарка говорит: «Извините, мэм, сегодня овсянки не будет, молодой господин забрал всю крупу, чтобы покормить голубей!..»

– Теперь послушай, что я тебе расскажу! – с жаром подхватил Джемми и принялся рассказывать про двух белок, которые вышли погулять на солнечную лужайку.

Поллианна почувствовала себя словно она снова перенеслась в далёкое прошлое и забыла обо всём на свете. Только когда подъезжали к дому, и Джемми взялся за костыли, девушка поняла, что имела в виду Делла Уитерби, когда писала, что за беседой с юношей совершенно забываешь о его физическом недостатке.

Вопреки всем опасениям, первая встреча и знакомство миссис Кэрю с тётушкой Полли тоже прошли как нельзя лучше, и Поллианна вздохнула с облегчением. Гости были так восхищены старинным домом и так искренне, наперебой нахваливали его устройство и убранство, что хозяйка совершенно забыла про своё «уязвлённое самолюбие» и «разорённое родовое гнездо».

Кроме того, не прошло и часа, как беседа с Джемми, природное обаяние юноши совершенно очаровали хозяйку и заставили спрятать все

иголки. Миссис Чилтон быстро вошла в роль почтенной и радушной домоправительницы, умело обходящейся с дорогими гостями. И снова Поллианна вздохнула с облегчением: по крайней мере, здесь всё прошло гладко.

Впрочем, тётушка Полли была не единственной причиной для беспокойства. Поллианна вполне отдавала себе отчёт, что настоящие трудности ещё впереди. Бетти была девушкой старательной и приветливой, но до старшей сестры, расторопной и хозяйственной Нэнси, ей было далеко. Её ещё нужно было многому научить, а для этого требовалось время, которого, увы, не было.

Первые дни стали для Поллианны настоящим испытанием. Девушке постоянно казалось, что она что-то недосмотрела, что-то сделала не так. Пыльный подлокотник кресла или упавшее пирожное повергали бедняжку в отчаяние.

Но постепенно она успокоилась. Во многом благодаря постоянной поддержке миссис Кэрю и Джемми, которые уверяли её, что всё идёт отлично, что если их что-то и огорчает, то отнюдь не пыльный подлокотник и упавшее пирожное, а беспокойство, написанное на лице девушки.

– Главное, что ты разрешила нам погостить у вас, – уверял её Джемми. – А уж в еде мы не такие уж привередливые.

– К тому же переедание вредит здоровью, – со смехом прибавила миссис Кэрю. – Как говорит одна из моих девушек, того и гляди испортишь пищеварение.

В общем, все трое на удивление легко и быстро приновились к обычному распорядку дома.

В первый же день тётушка Полли с удовольствием выслушала рассказ миссис Чилтон о её благотворительном пансионе для девушек, а Джемми и Сэйти Дин услужливо помогли ей колоть орехи и рвали для неё цветы.

Через неделю после приезда постояльцев тётушка Полли пригласила в гости Джона Пендлтона и Джимми. Поллианна с нетерпением ждала их появления. О том, как пройдёт эта встреча, она много думала ещё до приезда миссис Кэрю и Джемми. И теперь с радостью и гордостью принялась знакомить их друг с другом.

– Вы все – мои самые лучшие друзья, и теперь мне ужасно хочется, чтобы вы и между собой тоже подружились! – с жаром восклицала девушка.

О том, в какой восторг придут Джимми и старый мистер Пендлтон,

увидев, какая миссис Кэрю красавица, Поллианна могла догадываться. Но неожиданная реакция самой миссис Кэрю, её выражение лица, когда та увидела Джимми, удивили девушку. У миссис Кэрю было такое лицо, как будто она увидела старого знакомого.

– Послушайте, мистер Пендлтон, – воскликнула женщина, обращаясь к Джимми, – мы раньше с вами нигде не могли встречаться?

– Полагаю, что нет, – пробормотал молодой человек, восхищенный её красотой. – Даже уверен в этом. Вряд ли вас можно забыть, увидев хотя бы раз, – простодушно добавил он с шутливым поклоном.

Замешательство и смущение обоих было настолько явным, что мистер Пендлтон поспешил вмешаться и с усмешкой заметил:

– Bravo, молодой человек! Что значит молодость! В мои годы я не был таким галантным и находчивым кавалером.

Миссис Кэрю немного покраснела и серьёзно сказала Джимми:

– Кроме шуток, в вашем лице есть что-то удивительно знакомое. Где-то я вас определённо видела, вот только не припомню, где именно...

– Что ж, вполне возможно! – воскликнула Поллианна. – Может быть, в Бостоне. Ведь Джимми зимой посещает технологический колледж. Он учится на инженера, будет строить мосты, дамбы... Когда вырастет, – пошутила она, окидывая взглядом молодого человека, который был на голову выше миссис Кэрю.

Все снова рассмеялись. Все, кроме Джемми. Но только Сэйди Дин заметила, что, взглянув на Джимми, калека на секунду закрыл глаза, и его черты исказились, словно от боли. Именно она, Сэйди Дин, поспешила переменить тему разговора, умело переведя его от мостов и дамб на книги, цветы, животных и птиц, в которых Джемми отлично разбирался и которому, в отличие от Джимми, не суждено было стать строителем. Впрочем, никому и в голову не пришло (и в первую очередь самому Джемми), что вышло это у Сэйди отнюдь не случайно, а вполне намеренно.

Когда ужин закончился и Пендлтоны ушли, миссис Кэрю снова заговорила о том странном чувстве, которое она испытывала, глядя на Джимми.

– Говорю вам, я его точно где-то видела! Я в этом абсолютно уверена, – растерянно повторяла она. – Не исключено, что я могла встречать его в Бостоне, но... – Она не договорила и, немного помолчав, добавила: – Как бы то ни было, он очень симпатичный молодой человек. И он мне очень понравился.

– Как я рада! Он мне тоже очень нравится, – кивнула Поллианна. – Я всегда любила Джимми.

– Ты что, давно с ним знакома? – слегка нахмурившись, поинтересовался Джемми.

– Ну конечно! Мы познакомились ещё детьми. Много лет тому назад. Правда, тогда он был не Джимми Пендлтон, а Джимми Бин...

– Джимми Бин? Разве он не сын мистера Пендлтона? – удивилась миссис Кэрю.

– Он его приёмный сын.

– Приёмный?! – сочувственно воскликнул Джемми. – Так же, как и я?.. Взгляд юноши заметно потеплел.

– Своих детей у мистера Пендлтона не было, и он никогда не был женат. Однажды чуть было не женился, но... женитьба расстроилась, – начала объяснять Поллианна, но вдруг запнулась и покраснела.

Девушка помнила, что много лет назад мистер Пендлтон был влюблён в её собственную мать, а когда та вышла замуж за другого, так и остался холостяком.

Ни Джемми, ни миссис Кэрю об этом не знали, но, видя смущение и румянец Поллианны, подумали об одном и том же.

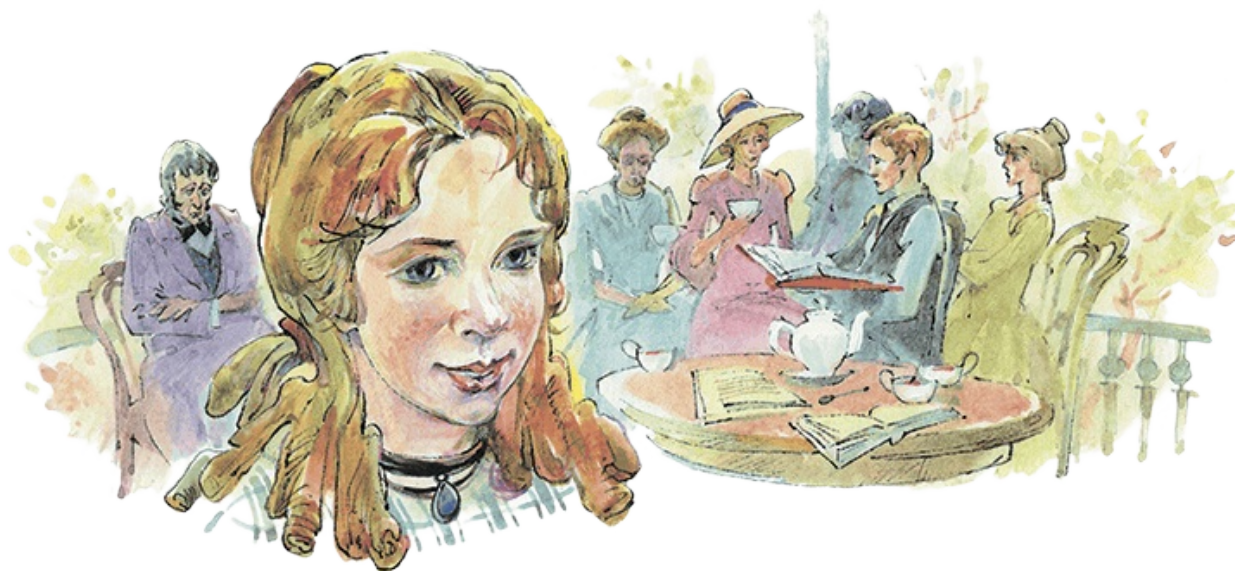
«Неужели, – пронеслось в голове у обоих, – этот мистер ухаживал за самой Поллианной, несмотря на то что она ещё так юна?!.»

Само собой, будучи хорошо воспитаны, они не высказали вслух своей догадки, так как понимали, что ответа, скорее всего, не получат. Как бы то ни было, вопрос так и остался без ответа. Однако не забыт, а отложен до лучших времён. Нет ничего тайного, что когда-нибудь не станет явным!

Глава XXI

Летние деньки

Ещё перед приходом семейства Кэрю Поллианна попросила Джимми, чтобы тот помог ей придумать, как развлечь гостей. Нельзя сказать, чтобы молодой человек с большим энтузиазмом откликнулся на эту просьбу, но после того как гости немного обжились, зачастил к Поллианне и даже от всей души стал предлагать её гостям воспользоваться лошадьми из конюшни Пендлтонов, а также их автомобилями из гаража.

Миссис Кэрю сразу подружилась с молодым человеком. Оба не скрывали горячей симпатии друг к другу. Они часто совершали совместные прогулки и даже обсуждали планы реорганизации благотворительного пансиона для работающих девушек. Джимми сказал, что готов принять в этом проекте самое живое участие – как только снова приедет зимой в Бостон.

Джемми и Сэйди Дин тоже не были обойдены вниманием. Кстати, миссис Кэрю с самого начала дала понять, что Сэйди – полноправный член её семьи, такой же как и Джемми, а также что она не прочь подыскать для девушки хорошую партию в городе.

Джимми являлся с визитами не один. Чаще и чаще с ним приходил мистер Пендлтон. Гости и хозяйка всей компанией зачастили на пикники и увеселительные прогулки, а также собирались чудесными летними

вечерами на веранде Харрингтонов – для совместного чтения и бесед.

Поллианна была в восторге. Во-первых, её драгоценные постояльцы ни минуты не скучали и не томились тоской по дому, а во-вторых, и Кэрю и Пендлтоны, которые были самыми близкими друзьями Поллианны, отлично ладили меж собой и подружились. Как заботливая наседка над птенцами, девушка всеми силами старалась поуютнее обустроить своё «гнездышко» – летнюю веранду, чтобы гости чувствовали себя здесь комфортно и счастливо.

В свою очередь, и Кэрю и Пендлтоны категорически отказывались отдыхать и наслаждаться жизнью без Поллианны, требуя, чтобы и она была постоянной участницей всеобщего веселья. При этом они решительно не принимали никаких её отказов и объяснений.

– Можно подумать, мы приехали сюда для того, чтобы ты всё время стояла у плиты и пекла нам пироги, – возмущённо заявил ей Джемми, который однажды вторгся в её кухонные владения. – Посмотри, какое сегодня чудесное утро! Мы решили все вместе отправиться в город и позавтракать там. И ты тоже поедешь с нами.

– Но, Джемми, я не могу! Честное слово, не могу, – лепетала Поллианна.

– Это ещё почему? Тебе ведь не нужно готовить для нас обед, значит, ты можешь поехать с нами.

– А как же ланч?

– И это ни к чему! Мы возьмём еду с собой, и тебе не нужно будет накрывать на стол дома. Ну что, теперь согласна? Или у тебя найдутся ещё причины?

– Но, Джемми, мне нужно заморозить торт...

– Не нужно. Сойдёт и так!

– И присыпать его сахарной пудрой...

– И этого не нужно. Всё равно будет вкусно.

– А ещё заказать продукты на завтра...

– Завтра мы можем обойтись крекерами и молоком. Лучше крекеры с молоком в твоём обществе, чем какая-то дурацкая индейка без тебя!

– Если бы ты знал, сколько мне ещё сегодня предстоит сделать...

– Не хочу ничего слышать! Ни слова больше, – весело прервал её Джемми. – Ни единого слова! Надевай шляпку и пойдём! Бетти в столовой уже собирает нам ланч в дорогу. Давай поторапливайся!

Молодой человек решительно схватил её за рукав и потянул за собой.

– Джемми, вздорный мальчишка! Я не могу ехать! – со смехом бормотала Поллианна, вырываясь. – Вам придётся отправляться на пикник

без меня!

Однако ей всё же пришлось поехать.

И так происходило постоянно. Поллианна ничего не могла с этим поделать. Её просто не слушали. Причём не только Джемми. Джимми, мистер Пендлтон, миссис Кэрю, Сэйди Дин тоже. Все в один голос требовали, чтобы она ехала с ними. Даже тётушка Полли.

Несмотря на все её протесты, Поллианну буквально насильно отрывали от хлопот по хозяйству.

– Ну что ж, конечно, с радостью отправлюсь с вами, – соглашалась она, облегчённо вздыхая. – Ей-богу, таких неугомонных постояльцев, как мои, ещё свет не видывал! – восклицала девушка. – А я-то, хороша хозяйка! Кормлю гостей всухомятку, молоком да крекерами. Но зато то и дело разъезжаю по пикникам.

Однако главный сюрприз ждал Поллианну ещё впереди. У гостей появилась новая идея. Тётушка Полли говорила, что её предложил не кто иной, как сам мистер Пендлтон. А именно – отправиться всем вместе на две недели на небольшое озеро в горах, расположенное в сорока милях от Белдингвилля.

В компании идея жить в палатках была принята на ура. Все были в восторге. За исключением тётушки Полли, которая заявила, что это суцая блажь. Конечно, хорошо, что после стольких лет хмурого затворничества нелюдимый мистер Пендлтон вдруг сделался такой милый и общительный. Плохо другое. Теперь ему взбрело в голову вести себя будто он двадцатилетний мальчишка. А ведь это совсем не так... Впрочем, своё мнение о поведении Пендлтона-старшего тётушка Полли высказала лишь Поллианне, а всем остальным сдержанно объяснила, что не испытывает никакого желания ввязываться в подобное сумасбродство: жить в лесу, питаться кузнечиками и стрекозами да ещё получать от этого удовольствие. Для солидной женщины за сорок это весьма сомнительное развлечение.

Если мистера Пендлтона и уязвили её слова, то виду он не подал. Более того, его энтузиазм и интерес касательно запланированного мероприятия ничуть не убавились. Подготовка к путешествию шла полным ходом. А если тётушка Полли не желает участвовать в походе – что ж, это её право. Мистер Пендлтон резонно полагал, что для остальных её отказ не может служить веской причиной, чтобы передумать и остаться дома.

– Если так, пусть миссис Кэрю будет теперь нашей предводительницей! – весело заявил Джимми.

Всю следующую неделю только и было разговоров, что о палатках, съестных припасах, фотоаппаратах, удочках – словом, о том, что могло пригодиться в походе, подготовка к которому занимала теперь всё время.

– Нужно, чтобы всё было по-настоящему! – с увлечением твердил Джимми. – Включая «кузнечиков и стрекоз», как выразилась миссис Чилтон, – с улыбкой прибавил он и подмигнул тётушке Полли, которая неодобрительно покачала головой. – Никаких коттеджей, стилизованных под крестьянские избушки, но со всеми удобствами. Мы будем готовить еду прямо на костре, печь картошку в золе, а по вечерам разжигать костёр, чтобы сидеть вокруг него, есть печёную кукурузу и рассказывать друг другу разные интересные истории.

– А ещё мы будем купаться, кататься на лодке и удить рыбу, – подхватила Поллианна. – А ещё... – Тут её глаза встретились с глазами Джемми, и она поспешно поправилась: – То есть, конечно, мы не будем заниматься этим круглые сутки. Мы будем просто отдыхать в своё удовольствие, читать, беседовать, и вообще...

Джемми отвёл глаза и слегка побледнел. Он хотел что-то сказать, но его опередила Сэйди Дин.

– Как раз наоборот! – воскликнула девушка. Её глаза взволнованно блестели. – В походе положено как можно больше заниматься активным отдыхом. Мы так и поступим... Кстати, прошлым летом, когда мы ездили в штат Мэн, – продолжала она с гордостью, – и мистер Кэрю поймал громадную рыбину... Да что я рассказываю, – спохватилась она, поворачиваясь к Джемми. – Пусть мистер Кэрю сам вам расскажет!

Джемми со смехом покачал головой:

– Они решат, что я сочиняю. Ох уж эти вечные рыбацкие байки!

– Рассказывай, рассказывай! – нетерпеливо воскликнула Поллианна.

Джемми продолжал отнекиваться, но на его щеках уже играл здоровый румянец, а в глазах не было и следа от скрытой боли. Поллианна вопросительно взглянула на Сэйди Дин и с удивлением отметила, с каким облегчением та вздохнула.

Наконец назначенный день настал. Компания отправилась в путь, погрузившись в новый походный автомобиль мистера Пендлтона. За руль сел Джимми. После прощальных охов и ахов шутник Джимми, неожиданно нажав на клаксон, просигналил, да с такой силой, что все невольно вздрогнули.

Первый вечер в лагере, разбитом на берегу озера, врезался в память Поллианне на всю жизнь. Это были новые, ни с чем не сравнимые

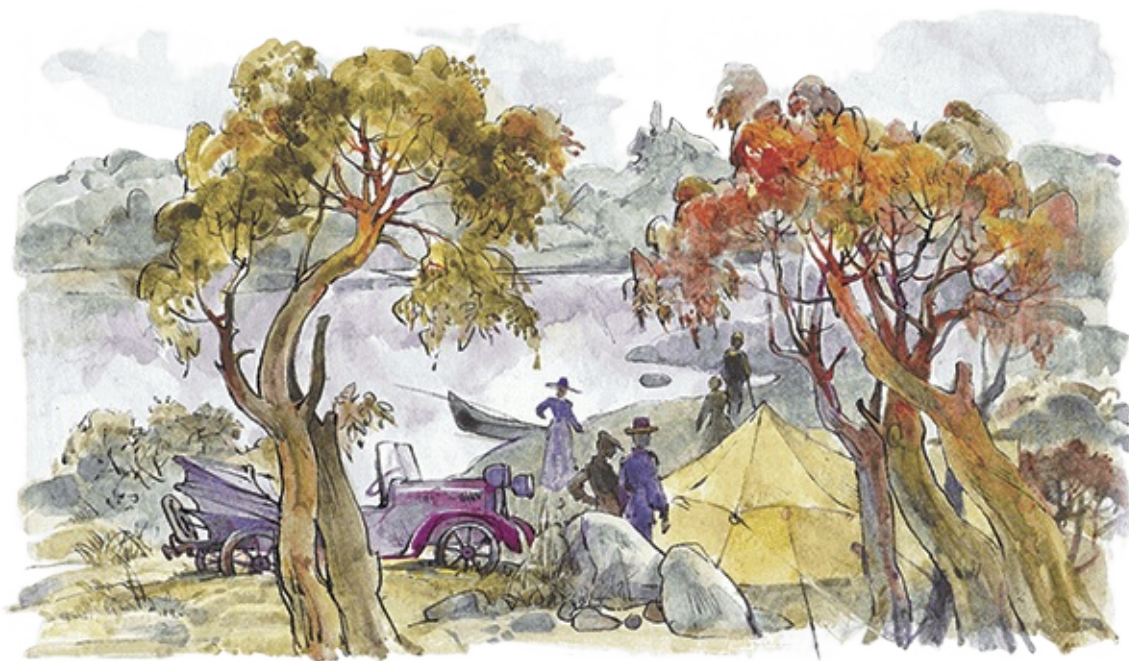
ощущения.

К четырём утра пополудни автомобиль благополучно достиг пункта назначения. Целый час его кидало по просёлочной дороге, не слишком приспособленной для шестицилиндрового двигателя. Для машины и для водителя это было серьёзное и утомительное испытание, но для весёлой компании, расположившейся на сиденьях, забавным развлечением. Когда машину подбрасывало на кочках, или когда она пролетала, словно в туннеле, под сводом низких зелёных ветвей, или когда её заносило на заполненных водой рытвинах, пассажиры шутили и хохотали от восторга.

Место для лагеря было давно и хорошо знакомо мистеру Пендлтону, и теперь он с радостью увидел, что окружающий пейзаж ничуть не изменился.

– Как здесь чудесно! Какое прелестное местечко! – хором воскликнули путешественники.

– Рад, что вам здесь нравится, – сказал мистер Пендлтон. – Я, хоть и был уверен в этом, всё же, признаться, немного волновался, а вдруг что-то переменялось в худшую сторону. Теперь ведь такое часто случается.

Впрочем, место для лагеря немного заросло, но мы без труда приведём его в порядок...

Вся компания немедленно принялась за расчистку стоянки. Кроме

того, разбили две небольшие палатки, разгрузили автомобиль, соорудили место для костра, а также импровизированную кухню и закуток для мытья посуды.

На этот раз Поллианна заботливо присматривала за Джемми, боясь, как бы с ним чего не случилось. Вокруг было полным-полно кочек, впадин и торчащих из земли корней – не слишком подходящее место для прогулок на костылях. Впрочем, было видно, что и Джемми это прекрасно понимает. Вместе с тем, несмотря на свой физический недуг, молодой человек старался всячески участвовать в общих работах по обустройству лагеря, а это, в свою очередь, не могло не беспокоить Поллианну. Пару раз ей даже приходилось подбегать и отнимать у него коробки, которые тот порывался переносить.

– Позволь, я сама, – умоляюще говорила она. – Ты и так уже достаточно помог...

В другой раз обеспокоенно шепнула:

– Пожалуйста, Джемми, отдохни немножко! Посиди в сторонке. У тебя усталый вид.

Если бы Поллианна была чуть внимательнее, она бы заметила, что её «забота» заставляет юношу краснеть и невольно хмуриться. Но она была увлечена исключительно обустройством лагеря. Каково же было её удивление, когда минутой спустя к Джемми подошла Сэйти Дин, держа в руках охапку вещей и жалобно воскликнула:

– Ах, мистер Кэрю, умоляю вас, помогите мне донести эту кучу!..

А ещё через некоторое время Джемми, едва ковылявшему на костылях, пришлось тащить к палаткам какой-то громадный узел. Увидев это, Поллианна уже набрала в грудь воздуха, чтобы с негодованием указать Сэйти Дин на её бестактность, но не успела она и рта раскрыть, как девушка подмигнула ей и многозначительно поднесла палец к губам.

– Для вас это, может быть, непонятно, – тихо шепнула Сэйти Поллианне, – но для него нет ничего хуже, как осознавать, что он не может работать, как все. А сейчас, вы только посмотрите, как он счастлив! Теперь вы понимаете?

Поллианна перевела взгляд на Джемми, который, спотыкаясь, дотащил тяжёлый узел до палаток и с радостным видом сложил его к другим вещам. Потом Джемми обернулся и как ни в чём не бывало крикнул:

– Вот вам ещё! Мисс Дин велела принести!

– Да, да, понимаю, – смущённо пробормотала Поллианна, оборачиваясь к Сэйти Дин, но та уже успела упорхнуть.

После этого Поллианна продолжала присматривать за Джемми, но уже

так, чтобы юноша ни в коем случае этого не заметил. Её доброе сердце разрывалось от жалости к нему. Пару раз она замирала от переполнявших её чувств. Однажды коробка оказалась слишком тяжела, и юноша не смог её поднять. В другой раз он попытался дотащить складной столик, но тот оказался слишком громоздким, чтобы с ним мог управиться человек на костылях. Причём оба раза Поллианна замечала, что, потерпев неудачу, бедняга поспешно оглядывался, словно опасаясь, не заметил ли кто-нибудь его беспомощность. Он явно выдохся. Несмотря на подобие жизнерадостной улыбки, не сходявшей с его губ, в его глазах отражалась боль, а щёки ввалились и побледнели.

«Какие же мы все глупые и бесчувственные! – пронеслось у неё в голове, а на глаза навернулись слёзы. – Разве можно было тащить в этот дурацкий поход человека на костылях?! О чём мы только думали, когда собирались сюда?..»

Но уже через час, когда наступил вечер и все собрались вокруг костра за вечерней трапезой, Поллианна с восторгом смотрела на великолепие окружающей природы, на счастливые лица друзей в отсветах костра. Как зачарованная, девушка внимала каждому слову Джемми, который был мастерским рассказчиком. И снова напрочь забыла о его костылях...

Глава XXII

Задушевные друзья

Компания подобралась весёлая, лучше некуда. Казалось, они знают и любят друг друга лет сто. Каждый день приносил новые идеи, развлечения, предприятия. Смех не смолкал ни на минуту. Вот что значит жить полной жизнью!

Однажды вечером у костра Джемми сказал:

– А всё потому, что неделя в лесу позволяет узнать человека лучше, чем год совместного проживания в городе.

– Как странно! – вырвалось у миссис Кэрю, которая задумчиво любовалась языками пламени.

– Сам воздух здесь какой-то особенный, волшебный, – счастливо улыбаясь, прибавила Поллианна. – И конечно, ещё это небо, этот лес и озеро... Как и всё, что нас окружает.

– Может быть, это потому, что мы в каком-то смысле отрезаны от мира? – взволнованно воскликнула Сэйди Дин. В отличие от Поллианны эта тема настроила её на серьёзный лад. – Здесь всё настоящее, – продолжала девушка. – В том числе и мы сами. Мы можем быть самими собой, такими, какие мы есть на самом деле. Всё остальное здесь совершенно не важно – богатые мы или бедные, великие или самые обыкновенные. Поэтому здесь мы настоящие!

– Ого! – насмешливо фыркнул Джимми. – Звучит возвышенно!.. Только настоящие мы здесь потому, что рядом нет посторонних глаз, нет соседей вроде мистера Тома или мистера Дика, которые сидят у себя

за занавесками, наблюдают за каждым нашим чихом, сплетничают-обсуждают, анализируют каждое наше слово, следят, куда и с кем мы пошли и во сколько вернулись...

– Ах, Джимми, ты просто не признаёшь никакой поэзии! – упрекнула его Поллианна и рассмеялась.

– Потому что я человек дела, – покраснев, возразил Джимми. – А как, по-твоему, можно построить мост через реку или дамбу, если при этом сочинять стишки про водопады и облака?

– Вы правы, Пендлтон! Конечно, главное уметь построить мост, а всё остальное чепуха, – заявил решительным тоном Джемми, и все смущённо замолчали.

Повисла напряжённая тишина. Тогда Сэйди Дин дрожащим голосом попыталась обернуть всё в шутку.

– Подумаешь, какая невидаль – мост! – сказала она. – Лично я предпочла бы любоваться водопадом и облаками. Особенно, если мост портит весь пейзаж...

Компания дружно рассмеялась, и обстановка сразу разрядилась. Но тут Миссис Кэрю неожиданно встала.

– Ну, дети мои, а теперь послушайте, что скажет ваша строгая предводительница!.. Всем марш спать! – твёрдо произнесла она.

Пожелав друг другу спокойной ночи, все послушно разошлись.

Так они и жили на природе. Для Поллианны это было чудесное время. Несмотря на различие характеров и взглядов, всех их соединяла настоящая, горячая дружба.

Она часто говорила с Сэйди Дин о её новом Доме, то есть о благотворительном пансионе для девушек, и о том, какое замечательное дело делает миссис Кэрю. Вспоминали и о былом – о тех временах, когда Сэйди служила продавщицей в галантерейном отделе и продавала банты, и о том, как миссис Кэрю изменила всю её жизнь, сколько для неё сделала. Старики-родители были на седьмом небе от счастья, когда узнали о новой жизни дочери.

– Подумать только, ведь всё это благодаря тебе, – однажды сказала она Поллианне.

– Я-то тут при чём? – запротестовала Поллианна. – Это всё заслуга миссис Кэрю.

С миссис Кэрю Поллианна тоже много говорила о Доме и о планах, которые та строила, чтобы лучше обеспечить будущее своим воспитанницам. А однажды вечером, когда они гуляли по берегу озера,

миссис Кэрю вдруг заговорила о том, каким удивительным образом изменилась её собственная жизнь. Совсем как Сэйди Дин, она воскликнула:

– Подумать только, ведь всё это благодаря тебе, Поллианна!

Однако Поллианна снова стала возражать, говоря, что никакой её заслуги в этом нет, это всё благодаря Джемми. Это он, а никто иной так круто изменил жизнь миссис Кэрю.

– Джемми чудо! – взволнованно согласилась миссис Кэрю. – И я люблю его, как собственного сына. Ничуть не меньше, чем если бы он был сыном моей родной сестры.

– Значит, вы по-прежнему не уверены, что он ваш племянник?

– Да, мы ведь так и не узнали ничего определённого. Иногда мне кажется, что это он, а потом вдруг снова одолевают сомнения. Сам-то он не сомневается. Чудесный мальчик! В чём уж точно можно не сомневаться, что в его жилах течёт благородная кровь. Он от природы очень одарённый, не какой-нибудь там уличный бродяжка. Уже одно то, с какой охотой он учится, впитывает всё новое, разве не говорит о его неординарности и благородном происхождении?

– Ну конечно! – радостно подхватила Поллианна. – Главное, что вы его так любите, а значит, настоящий он Джемми или нет – большого значения не имеет...

Миссис Кэрю тихо покачала головой. В её глазах вдруг промелькнули прошлые тревоги и боль.

– Пожалуй, ты права, – немного помолчав, промолвила она со вздохом. – Единственное, что меня иногда беспокоит – если он всё-таки не наш Джемми Кент, то где тогда сейчас наш Джемми? Что с ним? Здоров ли он? Хорошо ли ему? Любит ли его кто-нибудь? Когда я начинаю задавать себе эти вопросы, я снова готова впасть в отчаяние! Честное слово, Поллианна, мне кажется, я бы отдала всё на свете за уверенность, что этот юноша действительно Джемми Кент!

Когда Поллианна с глазу на глаз разговаривала с Джемми, она часто вспоминала этот разговор. Джемми и правда ничуть не сомневался, что он и есть настоящий племянник миссис Кэрю.

– Не могу объяснить, но какое-то внутреннее чутьё подсказывает мне, что я и есть Джемми Кент, – признался он однажды Поллианне. – У меня на этот счёт сомнений никогда не было. После стольких лет даже не знаю, что было бы, если бы я вдруг узнал, что это не так. Миссис Кэрю столько для меня сделала! Подумать только, а если все эти годы она заботилась о совершенно чужом человеке? Нет, этого не может быть!

– Но ведь она всё равно тебя любит, Джемми! Это главное.

– Знаю. Именно поэтому, если вдруг выяснится, что я не я, ей будет особенно тяжело. Как ты этого не понимаешь! Больше всего на свете она мечтает, чтобы я действительно оказался её племянником. Можешь мне поверить, уж я-то знаю!.. Ах, как бы я хотел сделать что-то такое, чтобы она могла мной гордиться! Если бы я только мог зарабатывать, содержать себя, как настоящий мужчина... А так... что я могу? – с горечью воскликнул он, дотронувшись рукой до стоявших рядом костылей.

Эти слова ужасно расстроили Поллианну. Она впервые услышала, чтобы Джемми говорил о том, что он калека, и лихорадочно пыталась придумать, что сказать в ответ. Но прежде чем она успела что-то придумать, лицо Джемми снова прояснилось.

– Знаешь, забудь, что я сказал, – решительно произнёс он. – Я ничуть не жалею. Правда. Кроме того, у меня ведь есть твоя игра, – весело продолжал он. – И я действительно счастлив. Я рад, что могу самостоятельно передвигаться на костылях. Это гораздо лучше, чем быть прикованным к инвалидной коляске!

– А как твоя Книга Радости? – вдруг спросила Поллианна дрогнувшим голосом. – Ты по-прежнему пишешь её?

– Конечно. Теперь у меня не одна тетрадка, а целое собрание сочинений, – с гордостью кивнул он. – Я переплёл все тетради в тёмно-красную кожу, как настоящие книги. За исключением одной. Самой первой, которую подарил мне ещё Джерри...

– Джерри! – воскликнула Поллианна. – Я всё время хотела спросить про него. Как он, где он?

– Он в Бостоне. И по-прежнему трудится в газетном бизнесе, остёр на язык, только теперь ему частенько приходится следить за своей речью: ведь он не просто продаёт газеты, он стал настоящим репортёром, газетным обозревателем. Я помогаю ему, как могу, и мамочке тоже. Кстати, в настоящее время мамочка в санатории, проходит курс лечения от ревматизма...

– Ей лучше?

– О да, гораздо! Скоро она вернётся и будет помогать Джерри по хозяйству. Последние годы Джерри много учился. Приходится навёрстывать упущенное в детстве. Я немного помогаю ему материально. Причём он соглашается брать у меня деньги только займы, с отдачей. Он ужасно щепетилен насчёт этого.

– Вот это правильно, – одобрительно кивнула Поллианна. – Я его отлично понимаю. Хуже нет быть нахлебником, брать деньги, когда не можешь их отдать... – Девушка печально вздохнула. – Мне бы тоже

хотелось помогать тётушке Полли, после всего, что она для меня сделала...

– Ты теперь и помогаешь.

– Да, так оно и есть, – согласилась Поллианна, окидывая взглядом их маленький лагерь и остальную компанию. – Вот, пустила на лето постояльцев... Никогда бы не подумала, что у меня это получится. Если бы ты знал, Джемми, как отговаривала меня тётушка, когда я рассказала ей об этой идее...

– И что же она говорила?

Поллианна решительно покачала головой.

– Нет, этого я сказать не могу. Пусть останется тайной... А с другой стороны, – продолжала она со вздохом, – пускать на лето постояльцев – занятие временное. Зимой придётся подыскивать другой заработок... Знаешь, у меня есть идея. Я хочу заняться литературой, буду писать рассказы...

– Что ты сказала? Заняться литературой? – изумился Джемми.

– Ну да. Буду сочинять рассказы и продавать их в журналы и газеты... Только умоляю, не делай такое лицо! Что тут удивительного! Занятие как занятие. В Германии у меня были две знакомые девушки, которые неплохо зарабатывали литературой.

– А ты когда-нибудь пробовала писать? – продолжал удивляться Джемми.

– Пока нет... – призналась Поллианна и, видя его скептическую улыбку, почти с обидой воскликнула: – Сейчас я занята моими постояльцами. Не могу же я делать два дела сразу!

– Конечно нет.

– Значит, ты считаешь, у меня не получится? – с упрёком в голосе спросила девушка.

– Я этого не говорил.

– Но подумал. А почему, собственно? Ведь это не пение и не музыка! Чтобы писать, голос не нужен. И владение музыкальным инструментом тоже не требуется.

– Мне кажется, что в каком-то смысле требуется, – тихо промолвил Джемми, смущённо отводя глаза.

– То есть? Что значит – требуется? Не понимаю, Джемми! Чтобы писать, нужны лишь карандаш и бумага. Это совсем не то, что учиться играть на скрипке или фортепиано.

Джемми медлил с ответом.

– Инструмент, на котором играет писатель – сердца людей, – ещё тише произнёс он, по-прежнему не решаясь взглянуть Поллианне в глаза. – По моему, это самый удивительный инструмент из всех. Стоит прикоснуться к нему – люди плачут или смеются...

Девушка печально вздохнула. У неё на глазах заблестели слёзы.

– Ах, Джемми, как чудесно ты умеешь обо всём рассказывать! Честно говоря, мне никогда не приходила в голову эта мысль: про писательство и человеческие сердца. Что ж, если это так, прекрасно! Тем сильнее мне хочется этим заниматься! Конечно, может, у меня ничего не получится. Хотя, по-моему, у меня всё-таки есть талант: я ведь умею рассказывать истории. Например, часто пересказываю те, которые мне рассказывал ты. Я ведь и сама плакала и смеялась, когда слушала их...

– Ты сказала, что мои рассказы заставляют тебя смеяться и плакать? – взволнованно спросил Джемми, поворачиваясь к девушке.

В его глазах мелькнул странный огонёк.

– Конечно! Ты и сам прекрасно это знаешь. Так было всегда. Ещё в тот раз, когда мы познакомились в городском парке. И если уж на то пошло, не мне, а тебе стоит заняться писательством... А, Джемми? У тебя отлично получится, я уверена!

Ответа не последовало. Джемми словно не слышал девушку... А он и правда не слышал – всё его внимание было поглощено бурундуком, который в эту самую минуту показался на тропинке, а потом зашуршал в кустах.

Кроме Джемми, миссис Кэрю и Сэйди Дин Поллианна любила поговорить с Джимми и мистером Пендлтоном. Они часто гуляли вместе, болтая о том о сём. Поллианне казалось, что только теперь она по-настоящему узнала, что за человек Джон Пендлтон. Здесь, на природе, от его прежней мрачноватой нелюдимости не осталось и следа. Он обожал плавать, кататься на лодке, удить рыбу. Да и пешие прогулки были ему по душе, не меньше, чем Джимми. К тому же он был великолепным рассказчиком. По вечерам возле костра, когда он начинал вспоминать о своих странствиях и приключениях в дальних странах, у Поллианны захватывало дух. Она смеялась и плакала не меньше, чем когда слушала рассказы Джемми.

– Прошу вас, расскажите про «Сахарную пустыню», – просила Поллианна мистера Пендлттона, когда компания собиралась вечером у костра. – Так эту историю называет наша Нэнси, – со смехом поясняла она.

Все тут же присоединялись к просьбе Поллианны, прося мистера Пендлттона рассказать.

Впрочем, по мнению Поллианны, ещё лучше ему удавались истории, которые он рассказывал девушке с глаза на глаз – о её матери, о его любви

к ней и вообще о тех далёких безвозвратно ушедших временах. О, это были чудесные, чарующие воспоминания! То, что он вдруг решился теперь рассказать ей о своей единственной, но несчастной любви, удивило не только Поллианну, но и его самого.

– Ума не приложу, что это вдруг я разболтался об этом, – признался он однажды.

– Я так счастлива, что вы доверились мне, – чуть слышно промолвила девушка.

– Так-то оно так, но раньше мне бы и в голову не пришло рассказывать кому-нибудь об этом. Может быть, я решился на это, потому что ты так стала похожа на свою мать. Как две капли воды. Точная её копия!

– Надо же, – вырвалось у простодушной Поллианны, – а я думала, что мама была красавицей...

Мистер Пендлтон едва заметно усмехнулся:

– Она и была красавицей, милая моя!

Поллианна озадаченно наморщила лоб.

– Не понимаю! Почему же вы тогда говорите, что я похожа на неё?

– Ах, Поллианна! – не выдержав, рассмеялся мистер Пендлтон. – Если бы я услышал нечто подобное от любой другой девушки, я бы подумал, что она... Впрочем, это не важно, что бы я подумал... Да ты просто волшебница, Поллианна! Настоящая маленькая колдунья и чаровница!

Девушка покраснела от смущения и пытливо взглянула в его смеющиеся глаза:

– Ах, умоляю вас, сэр, не смотрите на меня так и не дразните меня.

Конечно, моя самая заветная мечта – быть красивой, хотя я понимаю, что это звучит ужасно глупо. Я ведь каждый день вижу себя в зеркале.

– Тогда бы я советовал смотреться в него внимательнее. Особенно в тот момент, когда ты что-нибудь говоришь! – взволнованно сказал мистер Пендлтон.

Поллианна изумлённо распахнула глаза.

– Надо же, то же самое говорил мне и Джимми! – воскликнула она.

– Неужели? Ах, он юный ловелас! – шутливо нахмурившись, проворчал Пендлтон-старший.

Помолчав немного, он покачал головой и совершенно переменившимся голосом тихо промолвил:

– У тебя мамины глаза и её улыбка, Поллианна. А прекраснее твоей мамы не было в целом свете...

Глаза девушки наполнились слезами, и она не смогла выговорить

ни слова.

Беседы с мистером Пендлтоном доставляли Поллианне огромную радость. Но ещё больше ей нравилось разговаривать с Джимми. Молодой человек всегда был такой энергичный и уравновешенный. Рядом с ним девушка чувствовала себя необычайно спокойно и уютно. Им даже необязательно было о чём-то разговаривать: даже когда они молчали, им было хорошо и легко вдвоём. Кроме того, Джимми, как никто другой, понимал её; он был сильным, здоровым, счастливым человеком, которого не нужно было жалеть, за которого не нужно было переживать. Его ничто не тяготило в прошлом – ни пропавшие племянники, ни тем более несчастная любовь. Он не ходил на костылях, как Джемми, от одного вида которых у Поллианны болезненно щемило в груди. Рядом с ним можно было просто наслаждаться жизнью, позабыв обо всём на свете.

«Ах, Джимми, что за чудесный человек! – с нежностью думала Поллианна. – Самый лучший!»

Глава XXIII

Прикованный к костылям

Буквально в последний день произошло нечто из ряда вон выходящее. Вспоминая о нём, Поллианна горестно качала головой, вздыхая про себя: «Ах, как бы всё было хорошо, если б мы отправились домой хотя бы на день раньше! Ничего этого не случилось бы, и злосчастный день вообще не наступил бы!..»

Но, увы, время не повернуть вспять. Что случилось, то случилось.

– Почему бы нам перед отъездом ещё разок не порыбачить, а потом устроить пир? – предложил Джимми.

Вся компания с радостью поддержала его, и в последний день с утра пораньше они отправились к «чаше». Так называлась рыбная заводь на озере, до которой было около двух миль.

После лёгкого завтрака, прихватив удочки, все двинулись на прикормленное место. Шли с шутками и смехом. Первым на узкую лесную тропу ступил Джимми, хорошо знавший дорогу. Поллианна шагала следом, но потом потихоньку стала отставать и в конце концов присоединилась к Джемми, который шёл последним.

Поллианне показалось, что на лице молодого человека снова появилось то выражение крайнего напряжения, какое бывало, когда он пытался во что бы то ни стало преодолеть свою немощь. На этот раз девушка прекрасно понимала, что обнаружить свою слабость перед другими стало бы для него великим унижением и огорчением. Но по опыту

общения с ним она также знала, что помощь от неё он примет гораздо охотнее, чем от кого-то другого. Например, чтобы перебраться через поваленное дерево или торчащий из земли корень...

В общем, сама того не замечая, Поллианна мало-помалу оказалась в конце цепочки. И сразу же была вознаграждена. Напряжённое лицо Джемми тотчас прояснилось, когда он увидел, что девушка шагает рядом. Они вместе перебрались через очередное поваленное дерево, деликатная Поллианна дипломатично демонстрировала, что не она, а молодой человек помогает ей преодолеть это препятствие.

Когда вышли из леса, тропинка потянулась вдоль старой каменной ограды, по обе стороны которой раскинулись залитые солнцем луга. На лугах пасся домашний скот, а чуть вдалеке виднелся живописный крестьянский дом.

Вдруг посреди луга Поллианна увидела пышные цветы золотарника.

– Подожди, Джемми! Я только нарву цветов! – радостно воскликнула она. – Это будет чудесный букет для нашего пикника! – И девушка проворно перелезла через каменную ограду и побежала через луг.

Куст золотарника был необычайно красив. Чуть поодаль девушка увидела ещё цветов и ещё – один краше другого. Она помахала Джемми рукой и, присев на корточки, принялась рвать цветы.

На Поллианне был ярко-красный свитер. Она уже нарвала целую охапку чудесных цветов, как совсем рядом с ней послышался жуткий рёв, а вслед за ним предостерегающий, отчаянный крик Джемми. Девушка подняла глаза и увидела, что прямо на неё мчится громадный разъярённый бык. Из-под его тяжёлых копыт летели комья земли.

Что произошло потом, девушка и сама толком не поняла. Единственное, что она запомнила, что, побросав от страха цветы, пустилась во весь дух. Она неслась к каменной ограде, где остался Джемми, так, как ещё ни разу в жизни. Позади от топота копыт сотрясалась земля. Всё ближе и ближе. А за каменной оградой впереди уже виднелось перекошенное от ужаса и отчаяния лицо Джемми, его беспомощные глаза... Но в следующий миг, словно воинственный боевой клич, раздался уверенный возглас бесстрашного Джимми.

Поллианна продолжала нестись, от ужаса ничего перед собой не видя, а жуткий топот всё приближался. Казалось, страшные копыта вот-вот втопчут её в землю. В какой-то момент она споткнулась и едва не упала, но чудом удержалась на ногах и совсем без сил побежала дальше. И тут вдруг неведомая сила подхватила её, подняла над землёй. Потом всё вокруг

словно заволокло туманом, послышался чей-то крик, сбивчивое жаркое дыхание. А копыта стучали всё ближе. Настигали. Её снова подбросило вверх. Она почувствовала крепкие руки Джимми, их качнуло сначала в одну сторону, потом в другую. Она услышала страшное сопение обезумевшего быка, который пронёсся мимо. И тут она поняла, что находится уже по другую сторону каменной ограды. Склонившийся над ней Джимми беспокойно вглядывался ей в глаза, то и дело повторяя:

– Ты жива? Жива?..

Едва сдерживая рыдания вперемешку с истерическим хохотом, Поллианна высвободилась из его рук и поднялась на ноги.

– Жива? Ну, конечно, жива! Со мной всё в порядке, Джимми! Ах, как я была счастлива, когда услышала твой голос! Безумно счастлива! Это было чудесно! Как тебе это удалось? – запыхавшись, спросила она.

– Ничего особенно, – пробормотал Джимми, – я всего лишь...

Но не успел он договорить, как рядом послышался полный отчаяния возглас. Он обернулся и увидел Джемми, ничком лежавшего на земле. Поллианна уже спешила к нему на помощь.

– Джемми, что с тобой? – испуганно крикнула она. – Ты упал? Тебе больно?

Ответа не последовало.

– Что с тобой, старина? Ты что, ушибся? – спросил Джимми.

Джемми не отвечал. Потом вздрогнул, неловко перевернулся на бок. Они увидели, что на нём нет лица.

– Ушибся? Вы спрашиваете, больно ли мне? – хрипло произнёс он, трагически всплеснув руками. – А что, по-вашему, я должен был чувствовать, когда, увидев происходящее, понимал, что бессилён что-либо предпринять, что намертво прикован к этим проклятым костылям!.. Ах, никакие страдания не могут с этим сравниться!

– Но, Джемми, ты ведь... – дрожащим голосом начала Поллианна.

– Ни слова больше! – резко, почти грубо оборвал её Джемми. Опираясь на костыли, он с трудом поднялся на ноги. – Не нужно ничего говорить. Не нужно этих жалостливых сцен!

И, развернувшись, молча заковылял обратно в лагерь.

Обескураженные, они долго смотрели ему вслед. Потом Джимми сокрушённо покачал головой и с горечью выдохнул:

– Ах, несладко приходится бедняге!

– А тут ещё ты решил разыграть перед ним великого героя! – едва не плача, прибавила Поллианна. – Ты видел его ладони? – продолжала она. – Да они же у него в кровь содраны!

И, резко развернувшись, девушка тоже побежала по тропинке в лагерь.

– Поллианна, куда ты?! – воскликнул Джимми.

– К Джемми, конечно! Неужели ты думаешь, я брошу его в такую ужасную минуту? Пойдём со мной, нужно уговорить его вернуться!

Джимми со вздохом развёл руками и нехотя поплёлся следом. Как ему было объяснить ей, что дело вовсе не в Джемми?..

Глава XXIV

Джимми прозревает

Со стороны могло показаться, что поход на природу удался на славу, но Поллианна чувствовала, что в сердце осталась заноза, а между ней и старыми друзьями словно выросла невидимая стена. И такое чувство было не только у неё. Она видела, что и другие испытывают похожее смущение. Так или иначе, она объясняла это тем, что произошло в последний день, во время злосчастной прогулки к «чаше».

Поллианне и Джимми без труда удалось догнать Джемми и уговорить повернуть обратно. Конечно, все пытались делать вид, будто ничего не случилось, но тяжёлый осадок всё-таки остался, и весёлость Поллианны, Джемми и Джимми была, увы, наигранной. Даже не зная, что случилось, все остальные сразу почувствовали произошедшую перемену; скрыть которую было невозможно. Стоит ли говорить, что от былой компанейской беспечности и лёгкости отношений не осталось и следа. Не радовало даже предвкушение наваристой ухи. Обратно в лагерь засобирались сразу после полудня.

Вернувшись в лагерь, Поллианна надеялась, что досадный эпизод с разбушевавшимся быком забудется сам собой, но этого не произошло. Как только она встречалась взглядом с Джемми, она вспоминала об утреннем происшествии и у неё перед глазами возникали его содранные в кровь ладони и полные отчаяния и боли глаза. Он был немым укором.

Доброе сердце девушки разрывалось при одной мысли о несчастном калеке; даже просто находиться рядом с ним было теперь для неё невыносимой мукой. Ещё больнее было осознавать, что ей не хочется оставаться с ним наедине, чтобы поговорить по душам, как это было прежде.

Но в то же время она намеренно старалась быть с ним как можно чаще, под любыми предлогами, всеми силами давая понять, как дорога ей дружба с ним. Впрочем, предлогов чаще всего искать не приходилось, потому что Джемми сам искал с ней встреч. Поллианне казалось, что происшествие с быком сблизило их. Хотя Джемми никогда не говорил об этом напрямую. Ей также казалось, что, несмотря на то, что Джемми по большей части был гораздо веселее обычного, в глубине души он страдал острее. Она не могла не заметить, что и он стал избегать остальных, а когда Джемми удавалось остаться с Поллианной наедине, вздыхал с явным облегчением.

О том, что у него на душе, Поллианна догадалась лишь тогда, когда, наблюдая вдвоём с ней игру в теннис, Джемми вдруг сказал:

– Я ещё не встречал человека, который бы так понимал меня, как ты, Полианна.

– Понимал, как я? – рассеянно переспросила девушка, не зная, что он имеет в виду.

– Да-да! Ты ведь однажды тоже не могла ходить.

– А, вот ты о чём, – кивнула Поллианна, и её сердце сжалось от боли.

Опасаясь, что он заметит её смущение, девушка рассмеялась и поспешила сменить тему.

– Слушай, Поллианна, – прервал он её, – почему ты не предлагаешь мне сыграть в свою игру? На твоём месте я бы так и поступил. Пожалуйста, забудь о том, что я только что сказал. Я повёл себя как последний мерзавец, заставив тебя страдать от жалости ко мне...

– Нет-нет, несколько... – с улыбкой возразила Поллианна, вставая.

Подошла её очередь играть в теннис.

Однако слова Джемми Поллианна не забыла. Забыть было выше её сил. Наоборот, после этого она стала общаться с ним ещё чаще.

«Я должна показывать ему, как я счастлива, – убеждала она себя, – когда у меня есть возможность поговорить с ним...»

Не только Поллианна чувствовала неловкость в общении. Джимми Пендлтону тоже было не по себе, но молодой человек всячески старался это скрыть.

Все последние дни Джимми находился в угнетённом состоянии духа. Его как будто подменили. Из жизнерадостного молодого человека, которому сам чёрт не брат, он превратился в унылого юношу, которого преследовал страх потерять любимую девушку.

Джимми отлично понимал, что влюблён в Поллианну. Причём не первый день. Это чувство застигло его врасплох. Он был совершенно выбит из колеи, обескуражен. Как это произошло, почему? Даже мосты, которые ещё недавно казались ему самой важной вещью на свете, не шли ни в какое сравнение с мимолётной улыбкой или случайно обронённым словом, слетевшим с губ Поллианны. Весь интерес жизни сосредоточился на девушке. Джимми приходил в отчаяние, когда замечал, что между ними растёт отчуждение; он ещё всей душой надеялся преодолеть его, пока не разверзлась пропасть. Но самую большую опасность он видел в сопернике, а именно в Джемми.

После того ужасного случая с быком Джимми понял, что без Поллианны жизнь потеряет для него всякий смысл. Только в тот момент, когда, подхватив девушку на руки и унося от смертельной опасности, он осознал, что готов отказаться ради Поллианны от всего на свете. Когда он нёс девушку в своих объятиях, а она обнимала его за шею, он почувствовал, что она принадлежит ему одному. Это было мгновение, в котором слились беспредельный восторг и отчаяние. А когда, спустя некоторое время, он увидел лицо Джемми и его содранные в кровь ладони, то сразу понял, что и он тоже безумно влюблён. Джемми... Но Джемми был «прикован к этим проклятым костылям». Именно эти слова вырвались у бедного калеки, когда не он, а другой молодой человек пришёл на помощь и спас его любимую девушку от верной гибели, в то время как он сам находился в жалком, беспомощном положении.

В тот день Джимми вернулся в лагерь в смятении. Это был страх, смешанный с протестом. В голове засел один-единственный вопрос: как Поллианна относится к Джемми? Неопределённость повергала в ужас. Он допускал, что Поллианна равнодушна к Джемми, хотя бы немного. Но значило ли это, что он, Джимми, должен отойти в сторону, безропотно дожидаясь, пока чувство к Джемми не станет у Поллианны ещё сильнее? При одной мысли об этом Джимми чувствовал, что впадает в неистовство. Ни за что! Это будет честное соперничество. А уж там пусть Поллианна сама выбирает!

Поймав себя на этой мысли, Джимми вдруг стало так стыдно, и он покраснел до корней волос. О каком честном соперничестве может идти речь? Возможен ли вообще сам этот поединок – между ним и Джемми?

Внезапно Джимми припомнилось, как когда-то в детстве он подрался с незнакомым мальчиком из-за яблока, ударил его первым и вдруг увидел, что его соперник сухорукий калека. Тогда он нарочно поддался сопернику, позволил одержать верх... Джимми пытался убедить себя, что сейчас всё по-другому. И на кону не яблоко, а счастье всей его жизни. А возможно, и счастье самой Поллианны...

Быть может, Поллианна не испытывает к Джемми никаких особых чувств, а нравится ей он, Джимми, кого она знает с детства? Ведь он не раз давал ей понять, что равнодушен. Но так ли это?.. И снова смущение, словно горячая волна, накрыла Джимми. А следом его охватила ярость: ах, если бы он мог стереть из памяти жалкий возглас «проклятые костыли»! Что толку мечтать теперь о Поллианне!

Итак, ни о каком честном поединке между ними не могло быть и речи. И Джимми прекрасно это понимал. Как и то, что ему остаётся лишь одно: безропотно наблюдать и выжидать. Джемми должен использовать свой шанс. И если Джимми увидит, что Поллианна отдаёт предпочтение его сопернику, он найдёт в себе мужество уйти с дороги и навсегда исчезнуть из их жизни. И никто из них никогда не узнает о его страданиях. Он снова займётся своими любимыми мостами... Какая глупость! Даже если ему удастся построить мост до луны, в сравнении с любовью Поллианны это будет ничто. И Джимми пообещал себе, что поступит так, как решил. Что бы ни случилось. Иначе и быть не могло.

Приняв это, как ему показалось, благородное и героическое решение, Джимми почувствовал себя почти счастливым. И в этот день он лёг спать со спокойной душой.

Однако быть мучеником в своём воображении и в реальности – вещи разные. И, когда дело доходит до практики, «мученики-мечтатели» очень быстро это понимают. Одно дело – в одиночестве, запершись у себя в комнате, решить, что отныне Джемми тоже будет предоставлен шанс, и совсем другое – покорно удалиться, не быть третьим лишним, застав Поллианну и Джемми вдвоём. Тем более что последнее время он почему-то всегда заставал их вместе.

Ещё мучительнее было наблюдать отношение самоотверженной Поллианны к несчастному калеке. Джимми казалось, что девушка готова на всё, лишь бы Джемми было хорошо и удобно.

Но неожиданно в ситуацию вмешалась Сэйди Дин. Как будто специально – чтобы Джимми мог взглянуть на происходящее под другим углом.

Дело происходило, когда вся компания собралась на теннисном корте. Сэйди сидела поодаль от остальных. Джимми подошёл к ней и спросил:

- Ты следующая играть с Поллианной?

Она покачала головой.

- С сегодняшнего дня Поллианна больше не играет.

– Как не играет? – огорчился Джимми, которому не терпелось провести время с девушкой хотя бы во время сета. – Почему?

Казалось, Сэйди Дин затруднилась с ответом. Потом пробормотала:

– Вчера вечером Поллианна сказала мне, что мы слишком много времени уделяем теннису. Это несправедливо, неделикатно по отношению к мистеру Кэрю: ведь он не может играть...

– Понимаю, но... – начал было Джимми, но растерянно умолк.

Видя его недоумение и огорчение, Сэйди Дин выпалила:

– Дело в том, что сам мистер Кэрю, категорически против такого решения Поллианны. – Ещё больше Джимми удивила резкость, с которой говорила девушка. Подобная резкость была ей совершенно несвойственна. – Джимми решительно не желает, чтобы кто-либо делал для него исключения. Это его ещё больше огорчает. А Поллианна никак не может этого понять. Ну просто никак не способна! Я-то хорошо его знаю... При этом она почему-то взяла себе в голову, – фыркнула девушка, – что понимает его лучше всех!

Тон Сэйди Дин неожиданно задел Джимми за живое. Он пристально взглянул на девушку. Вопрос напрашивался сам собой. Но Джимми не сразу решился его задать.

– Уж не хотите ли вы сказать, мисс Дин, что между ними какие-то особенные отношения? – любезно улыбнувшись, поинтересовался он как можно сдержаннее.

Девушка взглянула на него почти с возмущением:

– Неужели вы слепой, сэр? Да она просто боготворит его! Вернее, они оба друг на друга не надьшатся, – поспешно прибавила она.

Джимми резко развернулся и молча зашагал прочь. Задержись он ещё на мгновение, то вряд ли бы поручился за себя. Он решил, что отныне не обмолвится с мисс Дин ни словом. Молодой человек так спешил, что, убегая, не заметил, как Сэйди Дин порывисто поднялась с места почти одновременно с ним и стала что-то искать в траве, будто обронила. Одно было ясно: отныне и она будет избегать разговоров с ним.

Размышляя над словами Сэйди Дин, Джимми уверял себя, что это пустая болтовня, нужно просто выбросить их из головы. Но это-то ему никак не удавалось. Чем больше он над ними думал, тем больше огорчался. Особенно когда видел беседующих наедине Поллианну и Джимми. Стараясь проникнуть в тайну их отношений, он украдкой следил за выражением их лиц, за интонациями голоса. В конце концов он пришёл к неутешительному выводу, что всё сказанное Сэйди отнюдь не чепуха, а истинная правда. Эта парочка действительно не могла надьшатся друг

на друга...

В общем, Джимми почувствовал, что его сердце безнадежно разбито, и, решив быть верным данному себе слову, постарался уйти с дороги. Всё кончено, решил он. Жребий брошен. Поллианна не может принадлежать ему.

Жизнь Джимми превратилась в сплошную муку. Он не мог полностью отказаться от визитов к Харрингтонам, иначе все сразу догадались бы о причине. С другой стороны, находиться в обществе Поллианны стало для него настоящей пыткой. Даже общество Сэйди Дин ему претило: ведь именно она открыла ему глаза на истинное положение вещей. По понятной причине он не мог разговаривать и с Джемми. Оставалась миссис Кэрю. Женщина была сама любезность и доброжелательность, и рядом с ней бедняга Джимми мог немного перевести дыхание.

Независимо от того, какое у неё самой было настроение, миссис Кэрю всегда умела подбодрить юношу.

К слову сказать, Джимми вообще поражало, насколько обширны познания этой женщины в области строительства мостов, которые были его будущей профессией. Кроме того, миссис Кэрю обладала необычайным тактом, тонко чувствовала его настроение и была исключительно мудрой женщиной.

Он был настолько с ней откровенен, что однажды чуть не проговорился о «пакете». Он уже раскрыл рот, но тут явились Пендлтон-старший и Джимми, и ему пришлось умолкнуть. Кстати сказать, Пендлтон-старший умудрялся всегда появляться будто из-под земли, притом на редкость не к месту встрять в разговор, чем ужасно раздражал пасынка. Только вспоминая, чем он был обязан этому человеку, и, устыдившись своих мыслей, Джимми удавалось взять себя в руки.

Что касается «пакета», то это была своего рода семейная тайна и относилась к раннему детству Джимми.

Джимми посвятил в эту тайну лишь мистера Пендлтона – ещё тогда, когда тот занимался его усыновлением.

Таинственный «пакет» представлял собой пухлый белый конверт, довольно потёртый от времени и скреплённый громадной печатью из красного сургуча. Этот конверт Джимми вручил его отец, собственноручно написав на конверте следующие инструкции:

«Моему сыну Джимми!

Не открывать до его тридцатилетия.

Но в случае его преждевременной смерти распечатать немедленно».

Много раз Джимми ломал голову о содержимом конверта, но чаще просто забывал о его существовании.

В детстве, когда Джимми находился в приюте, он отчаянно боялся, что «пакет» обнаружит кто-то из надзирательниц или воспитательниц и отберёт. Поэтому постоянно носил его при себе зашитым под подкладкой куртки. Позднее, уже после усыновления его мистером Пендлтоном, Джимми отдал пакет на хранение приёмному отцу, чтобы тот запер его в сейфе.

– Что ж, – с улыбкой говорил мистер Пендлтон, – кто знает, может, в пакете действительно хранится что-то необычайно ценное и важное... Одно ясно, твой отец очень хотел, чтобы пакет находился у тебя, и его ни в коем случае нельзя потерять.

– Конечно, сэр. Ни в коем случае его нельзя потерять, – сдержанно подтвердил Джимми. – Хотя не думаю, что в нём хранится что-то особенно ценное. Ведь, насколько мне известно, мой бедный отец был нищим, как церковная мышь...

Вот об этом «пакете», если бы его не прервал Пендлтон-старший, Джимми и хотел поведать миссис Кэрю.

«Может, это и к лучшему, что я не проговорился, – размышлял Джимми по пути домой. – А то она чего доброго могла подумать, что мой отец впутался в какие-то неблагоприятные дела...»

Глава XXV

Поллианна и её игра

В середине сентября миссис Кэрю, Джемми и Сэйти Дин попрощались с хозяевами и отбыли к себе в Бостон. Поллианна знала, что очень скоро начнёт скучать по друзьям, и всё-таки, когда поезд отошёл от перрона Белдингвилля, вздохнула с облегчением. Само собой, она бы никому на свете не призналась в этом, да и в душе ругала себя за такие мысли.

«Ведь это вовсе не означает, что я не люблю их всем сердцем! – продолжая вздыхать, убеждала она себя, даже тогда, когда поезд исчез в туманной дымке. – Просто ужасно тяжело день и ночь переживать за несчастного Джемми... И потом, я просто жутко устала. Как я рада, что могу снова вернуться к прежним добрым денькам, когда Джимми и я были только вдвоём!..»

Но вернуться к «прежним добрым денькам» наедине с Джимми оказалось не так-то легко. С отъездом семейства Кэрю в доме наступили тишина и покой, но Джимми и не думал навещать в гости. Вернее, время от времени он заглядывал ненадолго, но от старого доброго Джимми, каким Поллианна привыкла его видеть, не осталось и следа. Молодой человек был то мрачен и молчалив, то наигранно жизнерадостен и говорлив. Раздосадованная Поллианна не знала, что и думать. А ещё немного погодя Джимми и сам укатил в Бостон, и отношения между ними вообще прекратились.

Только теперь, в разлуке с юношей, Поллианна поняла, как много он для неё значил. Когда он был в городе, у неё по крайней мере оставалась надежда случайно с ними пересечься. Теперь она с тоской вспоминала о редких встречах, она бы с радостью терпела его странную раздражительность и мрачность: только бы он был рядом! В общем, без Джимми жизнь вдруг сделалась пустой и никчемной.

А однажды, прямо среди бела дня, девушка вдруг сделала удивительное открытие, и эта мысль ударила её словно молния.

«Эге, Поллианна Уиттиер! – в смятении сказала она себе, чувствуя, как жар заливает лицо. – Да ты, похоже, не на шутку влюбилась в Джимми Бина-Пендлтона! Ты уже не можешь думать ни о чём другом, как только о нём!..»

Но поскольку долго пребывать в меланхолии Поллианна не умела, то, встряхнувшись, уже через секунду она отогнала от себя унылые мысли о Джимми и становилась весела и энергична, как прежде. Этому, как ни странно, поспособствовала тётушка Полли, причём сама того не подозревая.

С отъездом семейства Кэрю исчез и практически единственный источник дохода, и миссис Чилтон снова принялась громко сетовать на то, что близка к разорению.

– Ах, Поллианна, просто не представляю, что с нами станется, ведь рента приносит сущие крохи! – поминутно стонала она. – Конечно, нам удалось скопить за лето немного денег, но очень скоро они улетучатся, и тогда уж нам, конечно, придётся идти по миру. Ах, ума не приложу, где ещё достать денег!..

После одного из таких тётушкиных стенаний Поллианна решила принять участие в одном из самых престижных литературных конкурсов. Денежные премии победителям были обещаны немалые и в различных категориях. Условия конкурса были разосланы предполагаемым участникам в виде красочно оформленных рекламных буклетов. Судя по рекламе, получить один из призов было проще простого. Текст приглашения был составлен в виде персонального послания будущему участнику. Читая его, наивная Поллианна подумала, что письмо действительно адресовано лично ей.

«Дорогой друг, читающий это письмо! Ты, возможно, ещё не написал ни одного рассказа. Ничего страшного. Это вовсе не значит, что у тебя не получится. Почему бы тебе не попробовать? Попытка не пытка. А в случае удачи ты можешь

получить целых три тысячи долларов! В нашем литературном конкурсе множество премий. Две тысячи долларов. Тысяча. Пятьсот.

Сотня долларов тоже хорошие деньги. Одна из этих премий может достаться тебе!»

– Это то, что мне надо! – радостно вскричала Поллианна и захлопала в ладоши. – Какая удача, что именно мне прислали это приглашение! Они пишут, ничего страшного, что я до сих пор ещё ничего не написала, что у меня обязательно получится. Нужно лишь попробовать. Пойду порадую тётушку! Теперь ей не придётся беспокоиться о деньгах!..

Поллианна уже была готова войти к тётушке, как ей в голову пришла ещё одна мысль.

«Нет, пока не стоит ей говорить, – подумала девушка, поворачивая назад. – Так даже лучше. Пусть это станет для неё приятным сюрпризом. А вот когда я получу первую премию, тогда я...»

Перед сном Поллианна долго мечтала, на что потратит выигранные три тысячи долларов. А на следующий день села писать рассказ.

Положив перед собой стопку чистой бумаги и полдюжины остро заточенных карандашей, девушка устроилась за старомодным письменным столом Харрингтонов.

Задумчиво погрызла кончик одного карандаша, потом другого. Медленно и аккуратно вывела на белоснежном листе первые три слова и... остановилась. Ещё немножко подумала. С протяжным вздохом отложила в сторону изгрызенный карандаш и выбрала другой, покрасивее – зелёный. Беспомощно наморщила лоб и устремила взгляд в потолок.

– Вот так штука! – через минуту пробормотала Поллианна в отчаянии. – Откуда эти писатели берут завлекательные названия для своих рассказов?..

Кто знает, может быть, – продолжала рассуждать она после некоторого размышления, – сначала полагается придумать сам рассказ, а уж потом – подходящее название к нему?.. Что ж, так я, пожалуй, и сделаю, – промолвила она, решительно зачеркнула три написанных слова и приготовилась начать рассказ.

Но кончик карандаша беспомощно замер в воздухе. Через некоторое время ей всё-таки удалось написать две-три фразы, но всё это было не то. Фразы выходили неуклюжими и фальшивыми. В конце концов почти вся

страница оказалась исчеркана вдоль и поперёк. Лишь несколько бессвязных слов – всё, что осталось от предполагаемого рассказа.

На этом этапе работы в комнату вошла тётушка Полли.

– Что на этот раз, Поллианна? – скептически поинтересовалась она у племянницы.

Поллианна рассмеялась и, словно пойманная на месте преступления, заметно покраснела.

– Ничего особенного, тётушка. Правда! Может быть, из этого ещё вообще ничего не выйдет... – смущённо сказала она. – Вдобавок, это пока секрет. Я потом вам всё обязательно расскажу.

– Ну что ж, как хочешь, – с усталым видом кивнула миссис Чилтон. – Только имей в виду, если ты надеешься выудить что-то полезное из деловых бумаг мистера Харта, то не трать время даром: я уже сама два раза изучила их.

– Нет, милая тётя, это не касается скучных бумаг... Это куда более приятное занятие! – просияв, заявила Поллианна и снова вернулась к рассказу.

Словно наяву, перед её мысленным взором нарисовалась замечательная картина того, что произойдёт, когда она получит главную премию – целых три тысячи долларов!

Полтора часа Поллианна трудилась в поте лица: писала, вычёркивала, грызла карандаш, писала и опять вычёркивала. Наконец совершенно выдохлась и, собрав листки, отправилась в свою комнату.

«Попробую заняться этим у себя, – подумала она, поспешно проходя через холл, – может быть, там получится лучше... Мне казалось, литературным трудом следует заниматься за солидным письменным столом, но стол мне не помог: только зря потратила утро... Попробую-ка писать в своей комнате, сидя на подоконнике!»

Увы, и подоконник, как выяснилось, тоже мало способствовал приливу вдохновения. Исчерканные листки бумаги один за другим беспомощно падали из рук Поллианны. А ещё через полтора часа работу пришлось внезапно прервать, так как подошло время обеда.

«Что ж, очень хорошо, – сказала она себе, – сделаю перерыв на обед. Конечно, дело не в том, что литература мне разонравилась. Просто никак не предполагала, что написать какой-то там несчастный рассказ – такое трудное дело!..»

Целый месяц Поллианна работала прилежно, не покладая рук

и поняла, что «написать какой-то там рассказ» – дело и впрямь не простое. Но она была не из тех, кто привык пасовать перед трудностями или сворачивать с полпути. Кроме того, её немало поддерживала заманчивая мысль о трёх тысячах долларах. Даже если не удастся получить первую премию, оставались призы поменьше – сто долларов тоже не так уж плохо.

День за днём Поллианна продолжала писать и вычёркивать, и вот рассказ в более или менее законченном виде лежал перед нею. Надо признаться, не без некоторых сомнений Поллианна отнесла рукопись Милли Сноу, чтобы та перепечатала её на машинке.

«По-моему, читается неплохо, – успокаивала себя девушка, подходя к дому Милли. – И содержание интересное...

Это была правдивая, невыдуманная история о некой реальной девушке, милой и доброй. И всё-таки что-то в рассказе было не так.

Поллианна всё больше склонялась к мысли, что на первую премию в три тысячи, скорее всего, рассчитывать не приходится. Но и мысль о премиях поменьше, как уже было сказано, тоже весьма её ободряла.

По дороге к Милли Сноу Поллианна невольно вспомнила о Джимми: ведь именно тут много лет назад девочка встретила маленького бродяжку, который не так давно сбежал из сиротского приюта.

Мысли о Джимми снова привели её в смущение, но она пересилила себя и, бодро поднявшись на крыльцо Милли Сноу, позвонила в дверь.

Милли Сноу с матушкой, как всегда, сердечно приветствовали Поллианну. Кроме того, никто в целом Белдингвилле не был таким энтузиастом игры, придуманной девушкой, как они.

– Ну, как поживаете? – поинтересовалась Поллианна, покончив с деловой частью визита.

– О, чудесно! – радостно воскликнула Милли. – На этой неделе это уже третий заказ. Ах, мисс Поллианна, как я благодарна вам, что вы убедили меня заняться машинописью! Ведь этой работой можно заниматься на дому. Если бы не вы, не знаю, что бы я делала!

– Пустяки! – весело откликнулась девушка.

– И совсем не пустяки! – убеждённо возразила Милли. – Кроме того, я бы вообще не смогла заняться этой работой, если бы не ваша чудесная игра. Ведь именно благодаря ей, матушка почувствовала себя значительно лучше и у меня появилось время для работы. Я уж не говорю, что вы предложили мне обучиться машинописи, а потом ещё и помогли приобрести пишущую машинку. Вот и получается, всё это – целиком ваша заслуга!

И снова Поллианна принялась горячо возражать. Но вдруг её прервала миссис Сноу, которая до этого молча сидела в своей инвалидной коляске у окна. Женщина заговорила таким решительным тоном, что на этот раз Поллианна не рискнула ей противоречить.

– Дитя моё! Ты даже не представляешь, что ты для нас сделала! Уж поверь мне!.. А теперь послушай, что я скажу. Что-то не нравится мне сегодня твоё настроение. Определённо, что-то тебя тревожит, что-то не так. Меня не обманешь, я всё замечаю. И прекрасно всё понимаю: недавняя смерть любимого дяди, финансовые проблемы тётушки... Но не стану лишней раз огорчать тебя, ты и сама это знаешь. Я только хочу сказать тебе одну вещь. Позволь мне, дитя! Уж больно тяжело видеть тень на твоём милом личике. Я хочу сказать о том, сколько ты сделала не только для нас, но для всего нашего городка...

– Ах, миссис Сноу! – не выдержала Поллианна, протестующе

всплеснув руками.

– Нет-нет, это правда! Я знаю, о чём говорю! – решительно продолжала женщина. – Взять хоть меня... Разве ты не помнишь, какой я была до знакомства с тобой – капризным, унылым существом, сама не понимала, чего хочу! А ты открыла мне глаза на мир, научила радоваться жизни.

– Ох, миссис Сноу, надеюсь, я была тогда не слишком бесцеремонна и навязчива? – покраснев, пролепетала Поллианна.

– Нет, нисколько, милая! – снова возразила женщина. – Бесцеремонность тут ни при чём! Ведь ты не навязывалась с поучениями, не читала проповедей. Если бы ты была навязчивой, разве бы тебе удалось увлечь меня и всех твоей чудесной игрой? Конечно нет! Но у тебя это получилось. Посмотри на меня и на мою Милли! Наша жизнь переменялась к лучшему. Я больше не лежу целыми днями в постели, как бревно, а пересела в коляску и теперь могу передвигаться по дому. Кроме того, я сама могу себя обслуживать, а это позволило Милли вздохнуть гораздо свободнее. Разве это не здорово?.. Доктор говорит, что это всё благодаря твоей игре. – И я не одна такая! – продолжала миссис Сноу. – Я знаю, в городе множество людей, которым твоя игра помогла так же, как мне. Мне рассказывают об этом каждый день. К примеру, Нелли Махоуи недавно вывихнула запястье, но отлично утешилась мыслью, что это всего лишь запястье, а не сломанная нога. А старая миссис Тиббитс! Бедняжка совершенно оглохла, но радуется тому, что её глаза ещё в порядке. Поверь, она просто счастлива! А помнишь косоглазого Джо, которого за его дурной нрав дразнили Бешеный Джо? Он был зол на мир ещё больше, чем я. Потом кто-то научил его твоей игре, и теперь его не узнать... Ах, дитя моё! Если бы только в одном нашем городе! Твою игру знают во всей округе и даже далеко за её пределами. Недавно я получила письмо от моей кузины из Массачусетса. Она пишет о миссис Пейсон. Ты, наверное, помнишь их семью. Они жили за Пендлтонской Горой.

– Ну конечно, я хорошо их помню! – воскликнула Поллианна.

– Они переехали туда той зимой, когда ты была в санатории, и теперь живут в Массачусетсе, как и моя сестра. Она их хорошо знает и рассказывает, что миссис Пейсон часто тебя вспоминает. По её словам, благодаря твоей игре они с мужем сохранили семью, хотя были на грани развода.

Теперь они не только сами играют в неё, но научили играть многих других. И продолжают учить... Вот видишь, милая, – с благоговением

промолвила женщина, – о твоей игре известно самым разным людям, даже тем, кто живёт далеко отсюда. Я не могла тебе этого не сказать. Может, тебе тоже стоит играть в твою игру, хотя бы время от времени? Не думай, я прекрасно понимаю, что играть в игру, которую ты сама придумала, не всегда легко...

Поллианна поднялась со стула и стала прощаться. Она улыбалась, но на глазах блестели слёзы.

– Благодарю вас, миссис Сноу, – смущённо сказала она. – Действительно, иногда это довольно трудно... Но теперь... – Её глаза снова весело засияли. – Теперь, когда у меня не выходит играть в мою собственную игру, я счастлива уже тем, что у других людей это отлично получается!

И всё-таки домой Поллианна возвращалась погрузневшая. Она была тронута тем, что сказала ей миссис Сноу, но в словах женщины сквозили тревожные нотки. Кстати, и тётушка Полли, которая когда-то играла в спасительную игру, теперь даже не вспоминала о ней. Что ж, неужели Поллианне не поможет её собственная игра?

«Возможно, я последнее время была невнимательна к тётушке, к её проблемам? – виновато спрашивала себя девушка. – Иначе нашла бы что-нибудь, что могло бы её немного приободрить. С другой стороны, если бы я сама почаще играла в игру, – размышляла она, – тётушка тоже увлеклась бы ею... В любом случае, – решила Поллианна, – надо попытаться! Не то я и глазом не успею моргнуть, как другие будут играть в мою игру лучше меня!..»

Глава XXVI

Мистер Джон Пендлтон

За неделю до Рождества Поллианна послала аккуратно перепечатанный экземпляр рассказа на конкурс.

В условиях конкурса было сказано, что победители будут объявлены только весной, не раньше апреля. Стало быть, Поллианне не оставалось ничего другого, как набраться терпения и ждать. Впрочем, терпение и философское отношение к жизни были в её характере.

«Что ж, пусть так долго ждать, – успокаивала она себя, – я этому даже рада! Ведь целую зиму можно мечтать о том, как я выиграю конкурс и получу главный приз! А если я даже не получу главного приза, – рассуждала она, – лучше уж, чтобы это случилось не сейчас, а через несколько месяцев. Иначе всё это время, вместо того чтобы мечтать и радоваться, я бы чувствовала себя несчастной оттого, что проиграла. Кроме того, – продолжала рассуждать она, – даже если я получу не большой приз, а самый маленький, я всё равно буду ужасно счастлива...»

Мысли о том, что она может вообще не получить никакого приза, Поллианна не допускала. Во-первых, рассказ, по её мнению, был превосходным, а во-вторых, красиво и аккуратно перепечатанный на машинке миссис Сноу, казался Поллианне уже опубликованным.

К сожалению, несмотря на все старания Поллианны, Рождество

в фамильном особняке Харрингтонов прошло невесело. Тётушка Полли не только наотрез отказалась устраивать в доме какой-либо праздник, но и была категорически против подарков, даже самых дешёвых.

На Рождество зашёл Пендлтон-старший. Миссис Чилтон сказала больно и не вышла, но Поллианна, успевшая соскучиться в праздничный день в обществе одной лишь тётушки, обрадовалась гостю. Увы, и тут, как говорится, оказалась своя капля дёгтя в бочке мёда. Мистер Пендлтон-старший принёс с собой письмо от Джимми. В письме молодой человек подробно рассказывал, какой весёлый и шумный праздник они с миссис Кэрю собираются устроить в благотворительном пансионе для девушек-работниц. Конечно, что касается своего унылого настроения в праздничный день, Поллианне не на кого было обижаться, кроме как на саму себя, но слушать о том, как весело будут встречать Рождество другие, нагоняло ещё большую тоску. И даже вдвойне: ведь об этом рассказывал не кто-нибудь, а её Джимми...

Мистер Пендлтон никак не спешил расставаться с этой безрадостной для Поллианны темой. Закончив чтение и сложив письмо, он воскликнул, энергично потирая руки:

– Вот, значит, какие дела!

– Да, я очень рада, – пробормотала Поллианна с вымученной улыбкой.

– Стало быть, этот бал как раз сегодня, – продолжал мистер Пендлтон. – Я имею в виду, именно сегодня у них этот праздничный вечер!

– Да, – как можно веселее подтвердила девушка.

– Уверен, миссис Кэрю неспроста попросила Джимми помочь ей с праздником, – добродушно посмеиваясь, заметил Пендлтон-старший. – Могу себе представить, какво Джимми будет разыгрывать Санта-Клауса перед полусотней молоденьких девушек!

– Думаю, он будет в восторге, – сказала Поллианна, с трудом скрывая своё неудовольствие.

– Возможно, возможно. Это ведь не мосты строить!

– Да уж.

– Рискну предположить, что благодаря Джимми каждая из этих девушек запомнит этот чудесный вечер на всю жизнь!

– А как же иначе, несомненно... – пробормотала Поллианна, чувствуя, что краснеет от ревности.

Ещё больше она боялась обнаружить своё отчаяние перед мистером Пендлтоном, в обществе которого встречала Рождество, – в то время как Джимми развлекался в Бостоне сразу с полусотней девушек.

Задумчиво глядя на огонь, пылающий в камине, мистер Пендлтон

вдруг сказал:

– Всё-таки она удивительная женщина, эта миссис Кэрю!

– О да, конечно! – согласилась Поллианна. На этот раз, впрочем, абсолютно искренне.

– Джимми уже писал мне о том, как много она делает для нуждающихся одиноких девушек, – продолжал он, не отрывая глаз от языков пламени. – И вообще много пишет о ней. Он всегда ею восхищался, но теперь особенно – когда увидел, какая она на самом деле.

– Да, миссис Кэрю, она чудо! – кивнула девушка. – У неё масса достоинств. И я очень её люблю.

Мистер Пендлтон неожиданно встрепнулся и, странно посмотрев на Поллианну, быстро сказал:

– Да, да, я знаю. В неё все должны быть влюблены. Она такая...

Сердце Поллианны болезненно сжалось. Она сразу подумала о Джимми. Эта мысль пронзила её, словно острый кинжал. Джимми!.. Неужели мистер Пендлтон имел в виду его, когда сказал, что все должны быть влюблены в миссис Кэрю?

– Вы хотели сказать, что... То есть кого вы имели в виду, когда... – начала она и смущённо запнулась.

С несвойственной для него порывистостью мистер Пендлтон поднялся с кресла.

– Само собой! Я имел в виду девушек, кого же ещё? – шутливо ответил он, но в глазах у него по-прежнему блеснул странный огонёк. – По-моему, все эти полсотни девушек должны любить и обожать её. Причём до самой смерти... Разве вы не согласны?

– Ну да, конечно, – пробормотала Поллианна, не зная, что сказать.

Слова мистера Пендлтона повергли её в смятение и ужас, и весь оставшийся вечер девушка смущённо отмалчивалась, предоставив говорить гостю.

Впрочем, мистер Пендлтон ничуть против этого не возражал. То есть против того, чтобы продолжить свой монолог. Взволнованно пройдясь взад-вперёд по комнате, он уселся на прежнее место, а потом снова заговорил о миссис Кэрю.

– Вся эта история с Джемми довольно странная, не правда ли? Не похоже, что он действительно её племянник...

Поллианна промолчала, и после небольшой паузы мистер Пендлтон продолжал:

– Он, конечно, очень симпатичный молодой человек, этот её Джемми. Мне он нравится. Он благороден. Он настоящий. И она к нему очень

привязалась. Но то, что он действительно её родственник, на мой взгляд, более чем сомнительно. Нисколько не похож. Это сразу бросается в глаза. – Ещё немного помолчав, Пендлтон-старший вдруг промолвил: – Как всё-таки странно, что такая женщина так больше и не вышла замуж! Ведь она и сейчас... такая красавица! Как, по-вашему?

– Да, конечно, – поспешно, даже чересчур поспешно согласилась Поллианна. – Она очень красивая...

Голос девушки заметно дрожал. Она украдкой взглянула на себя в зеркало и подумала: уж про неё-то ничего подобного никак не скажешь.

Между тем, глядя на огонь в камине, Пендлтон-старший болтал и болтал. Казалось, его нисколько не беспокоило, что девушка почти не участвует в беседе. Вдоволь наговорившись, он наконец поднялся с кресла и с явной неохотой попрощался.

Если последние полчаса Поллианна не могла дождаться, пока он уйдёт, чтобы побыть одной, то, едва за ним закрылась дверь, она уже жалела, что не задержала его подольше, так как отчаянно боялась остаться наедине со своими мыслями.

С её глаз будто спала пелена. Сомнений быть не могло: Джимми

неравнодушен к миссис Кэрю. Вот почему он так переменялся после отъезда этой женщины, стал нервным и замкнутым. Вот почему так редко навещал Поллианну, хотя дружил с ней с самого детства. Вот почему он так...

Воспоминания минувшего лета, самые мелкие подробности разом захлестнули девушку. Всё указывало на одно и то же. И в самом деле, почему бы ему не влюбиться в миссис Кэрю, такую чудесную, красивую женщину?

Конечно, она немного старше его, но разве в жизни мало случаев, когда молодые люди женятся на женщинах гораздо старше себя? Как бы то ни было, если эти двое любят друг друга, то...

Полночи бедная Поллианна проплакала и заснула в слезах.

А утром решила взять себя в руки. Пытаясь хоть как-то подбодрить себя, она попробовала вспомнить свою игру и найти в происходящем что-нибудь радостное. И тут ей на ум пришли слова Нэнси, сказанные много лет назад: «Если в целом мире найдутся люди, не способные к вашей игре, то это, конечно, поссорившиеся друг с другом влюблённые!»

«Но ведь я и Джимми не поссорившиеся влюблённые, – рассуждала расстроенная Поллианна. – Наоборот, я искренне стараюсь радоваться тому, что он счастлив и она счастлива, но только...» – Не зная, что подумать, девушка лишь в смущении покачала головой.

Заподозрив, что Джимми и миссис Кэрю равнодушны друг к другу, Поллианна невольно принялась искать и находить этому одно за другим подтверждение. «Факты» сыпались буквально отовсюду. Любое, даже самое незначительное, обстоятельство девушка истолковывала по-своему. Во-первых, письма, которые миссис Кэрю писала самой Поллианне.

«Я очень часто вижу с вашим другом, молодым Пендлтоном. Он нравится мне всё больше и больше. И мне до сих пор не даёт покоя странное чувство, что я уже где-то его видела. Надеюсь, когда-нибудь смогу найти этому объяснение...»

Миссис Кэрю то и дело упоминала о Джимми, и это больно ранило Поллианну. У девушки не было сомнений, что отныне Джимми занимает главное место в жизни этой женщины.

Кроме писем подозрениям Поллианны находились и другие подтверждения. Пендлтон-старший, зачистивший к ним в гости, охотно рассказывал о Джимми, его занятиях и жизни в Бостоне. И всегда в его рассказах присутствовала миссис Кэрю. Измученная подозрениями

Поллианна часто недоумевала: неужели у мистера Пендлтона нет других тем для разговора, кроме как о Джимми и миссис Кэрю? Он мог говорить о них бесконечно.

Письма от Сэйти Дин также содержали немало упоминаний о Джимми. В частности, о том, как много он теперь помогает миссис Кэрю.

Даже Джемми, который писал Поллианне сравнительно редко, неожиданно подлил масла в огонь.

«Вот, сейчас уже десять вечера, – писал он ей, – а я сижу один и жду, когда миссис Кэрю наконец вернётся домой. Она как обычно задерживается в своём пансионе. У неё там какие-то дела с Пендлтоном-младшим...»

Сам Джимми почти ничего не писал, и бедная девушка пыталась утешать себя мыслью, что «хотя бы ему, Джимми, хорошо».

«Пусть уж лучше он мне совсем ничего не пишет, – с горькой улыбкой говорила она себе, – чем опять рассказывать про свою миссис Кэрю и девушек из пансиона!»

Глава XXVII

Когда даже игра бессильна

День за днём проходила зима. Январь и февраль выюжили метелями, секли ледяными дождями, а март принёс порывистый ветер, который нет-нет да врывался в старинный дом, свистел сквозняками, хлопал ставнями, скрипел петлями, взвинчивая и без того истрёпанные нервы, которые, казалось, вот-вот лопнут, как слишком туго натянутые струны.

Всё это время Поллианна упорно играла в свою игру. Это давалось ей с огромным трудом, но девушка не отступала. Тётушка Полли, поддавшаяся унынию и совершенно павшая духом, вообще отказывалась участвовать в игре, что ещё больше огорчало девушку. К тому же здоровье миссис Чилтон заметно пошатнулось.

Поллианна всё ещё надеялась на победу в конкурсе. Однако теперь мечтала лишь о том, чтобы получить хотя бы самую маленькую премию. Она продолжала писать рассказы и рассылала их по различным печатным изданиям, но все они в конце концов возвращались с отказами. Это мало-помалу подрывало веру Поллианны в то, что у неё есть литературный талант.

«Как хорошо, что тётушка Полли ничего об этом не знает! – думала она, когда получала очередной вежливый, но решительный отказ

редактора газеты или журнала. – Не хватало ей ещё этих огорчений!»

Последнее время вся жизнь Поллианны сосредоточилась на заботе о тётушке, которая вряд ли подозревала, как отчаянно её племянница пытается ей помочь.

Однажды ненастным мартовским днём упала последняя «капля». Как обычно с утра Поллианна высунулась в окно и с тревогой взглянула на пасмурное небо: в такие тёмные дни тётушка бывала особенно не в духе. Стараясь подбодрить себя, девушка замурлыкала себе под нос весёлую песенку и отправилась на кухню готовить завтрак.

– Как насчёт кукурузных оладышек? – поинтересовалась Поллианна, обращаясь к духовке. – Надеюсь, они придутся тётушке по вкусу, а там будет видно...

Через полчаса она постучала в дверь тётушкиной спальни.

– Вы уже встали, мэм? Вот и славно! Даже успели сами причесаться...

– Мне не спалось. Поэтому и поднялась, – устало вздохнула тётушка. – Тебя не дождёшься, пришлось самой причёсываться...

– Но ведь я не знала, что вы уже проснулись, милая тётушка, – стала оправдываться девушка. – Ну ничего, когда вы узнаете, что я вам успела приготовить...

– Какая разница, – хмуро проворчала тётушка. – Посмотри, какая отвратительная погода! Дождь льёт как из ведра почти всю неделю. Уж не знаю, чему тут можно радоваться!

– Так-то оно так, – осторожно сказала Поллианна, поправляя на тётушке кружевной воротничок, – но зато когда после ненастья наконец выглянет солнышко, то-то будет весело!.. Пойдёмте, мэм! Завтрак уже готов. Только посмотрите, что я приготовила...

Однако в это утро тётушку Полли не обрадовали даже кукурузные оладушки. Всё ей было не так, всё не по ней. Во время завтрака на Поллианну обрушилось множество упреков. В довершение всех бед оказалось, что в комнатке на чердаке протекла крыша и с почты принесли письмо с дурными новостями от управляющего.

Поллианна, по своему обыкновению, отнеслась к неприятностям философски.

– Крыша протекла? Что ж, нужно радоваться, что у нас по крайней мере имеется крыша над головой! – весело заметила она.

Что касается письма, хорошо, что неприятное письмо пришло с задержкой на целую неделю, а то бы вся эта неделя была безнадежно испорчена. А так по крайней мере можно радоваться, что она прошла

без огорчений. Как бы то ни было, дурные новости в прошлом, и нужно с надеждой смотреть в будущее.

Из-за всех этих неурядиц, к которым прибавились ещё масса других помельче, работа с утра не заладилась, её пришлось отложить до обеда. Пунктуальная тётушка Полли, которая придирчиво следила за распорядком дня, чувствовала себя совершенно разбитой.

– Ах, Поллианна, неужели уже половина четвёртого?! – проворчала она. – Что ты себе думаешь? Ещё постель не заправлена!

– Не беспокойтесь, милая тётушка. Сейчас я мигом всё сделаю...

– Ты что, не слышишь? Только посмотри на часы: уже четвёртый час!

– Ну что, ничего страшного, милая тётушка. Нужно радоваться, что ещё не пятый.

Миссис Чилтон раздражённо поморщилась:

– Всё бы тебе только радоваться!

– Вы никогда не замечали, милая тётушка, – со смехом сказала девушка, – что, когда мы не обращаем внимания на время, всё налаживается само собой? Я сделала это открытие много лет назад, ещё в санатории. Когда выпадали редкие радостные минутки, я просто старалась вообще не смотреть на часы. Вернее, смотрела только на часовую стрелку. Тогда начинало казаться, что время движется медленнее. И наоборот, когда нужно было перетерпеть какие-нибудь болезненные, неприятные процедуры, я нарочно наблюдала только за секундной стрелкой, и тогда начинало казаться, что время идёт немножко быстрее. В общем, я поняла, что время может быть не только моим врагом, но и моим помощником, идти быстрее или медленнее, и это зависит от меня самой... Например, сегодня я слежу только за часовой стрелкой, потому что мне не хочется, чтобы время шло быстрее.

Понимаете? – И ещё раз улыбнувшись тётушке, Поллианна поспешно вышла из комнаты до того, как та успела что-то ответить.

Однако день и правда выдался неудачный, и к вечеру Поллианна выглядела ужасно усталой и бледной, чем ещё больше огорчила тётушку Полли.

– Ах, дитя моё, ты бледная как смерть! – забеспокоилась та. – Что нам делать, ума не приложу! Ещё не хватало, чтобы ты заболела!

– Чепуха, милая тётушка! Я ничуть не больна, – со вздохом возразила Поллианна, усаживаясь на диван. – Я просто немного устала. О, какой уютный и удобный диван! – воскликнула она. – Как хорошо, что я устала, теперь так замечательно можно отдохнуть! Как я рада!..

Тётушка Полли нетерпеливо покачала головой.

– Только и слышу от тебя: «Как я рада, как я рада»! – проворчала она. – Ну конечно, ты рада. Ты всегда найдёшь, чему порадоваться. В жизни не видела такой девушки, как ты. Я, конечно, понимаю, что всё это только игра... – продолжала она, видя на лице племянницы недоуменное выражение. – По-своему, она даже полезная, эта игра. Но всё имеет свои пределы! Ты вечно повторяешь одно и то же: «Как я рада, ведь могло быть гораздо хуже!..» Ей-богу, это начинает действовать мне на нервы, Поллианна! Я была бы тебе очень признательна, если бы ты хотя бы иногда, хотя бы время от времени была чем-то недовольна и расстроена.

– Как так, тётушка? – удивилась Поллианна.

– Очень просто. Попробуй хоть раз, и увидишь!

– Но, тётушка, я ведь... – Поллианна остановилась и, чуть улыбнувшись, вопросительно взглянула на миссис Чилтон, которая уже отвернулась и занялась своими бумагами, не обращая внимания на удивлённую племянницу.

Поллианна устроилась поудобнее на диване и больше не произнесла ни слова. Но на её губах продолжала играть эта странная улыбка.

На следующий день снова зарядил унылый дождь, а в трубе выл и посвистывал северо-восточный ветер. Выглянув в окно, Поллианна невольно вздохнула, но уже в следующую секунду её лицо прояснилось.

– Как хорошо, что... – начала она, но тут хлопнула себя ладонью по губам и усмехнулась. – Ах, боже мой! Совсем забыла! Так и знала, что забуду. Сегодня я хотела вообще ничему не радоваться.

В это утро она не стала печь кукурузных оладий. Начала готовить завтрак, но потом решила сначала заглянуть к тётушке. Миссис Чилтон всё ещё была в постели.

– Ну вот, опять дождь. Как всегда, – сказала она Поллианне вместо «доброе утра».

– Да, ужасная погода. Ужасная, – проворчала в ответ девушка. – Уже почти целую неделю! Ненавижу, когда идёт дождь!

Тётушка Полли встrepенулась и вопросительно взглянула на племянницу. Но та уже отвернулась.

– Ну что, мэ, вы сегодня собираетесь встать? – зевая, поинтересовалась девушка.

– Да, конечно, – удивлённо промолвила тётушка Полли. – Что с тобой такое, Поллианна? Чувствуешь себя неважно?

– Усталость какая-то, – вздохнула девушка. – Я сегодня плохо спала.

Ненавижу, когда не спится. Ночью всё такое скучное.

– Что правда, то правда, – согласилась тётушка. – Я и сама с двух ночи глаз не сомкнула. А тут ещё эта проклятая крыша протекает! Как мы её починим, если дождь льёт не переставая? Ты вылила воду, которая накапала в кастрюли за ночь?

– Вылила. И пришлось ещё несколько кастрюль подставить. Потекло ещё в одном месте...

– Ещё в одном? Какой ужас! Скоро нас совсем зальёт!

«Вот и славно, что обнаружили все протечки. Зато потом мы заделаем их все сразу!» – едва не сорвалось у Поллианны с языка, но она вовремя сдержалась.

Вместо этого, после некоторой паузы, девушка сказала прежним усталым голосом:

– Да, мэм, очень похоже на то. Течёт всё сильнее... Теперь, верно, придётся всю крышу чинить. Какой кошмар!

С этими словами, стараясь не смотреть на тётушку, чтобы не выдать себя или не рассмеяться, Поллианна с понурым видом направилась к двери.

– Ох, оказывается, это совсем нелегко – быть всем недовольной, – пробормотала она про себя, поспешно вернувшись на кухню. – Как бы мне не переусердствовать и не наломать дров.

Между тем обескураженная тётушка Полли всё ещё сидела на постели, стараясь понять, в чём дело, какая муха укусила племянницу.

Почти целый день тётушка с недоумением наблюдала за Поллианной. А той всё было не так. То камин чадил, то ветер три раза подряд срывал ставни, да ещё образовалась третья протечка. Потом Поллианна получила письмо, которое заставило её горько рыдать, но наотрез отказалась рассказывать тётушке, что её так огорчило. Даже за обедом она беспрестанно охала и ворчала, недовольная то тем, то этим.

Но ближе к вечеру тётушка начала подозревать: что-то тут не так, но самолюбие не позволяло ей расспросить девушку поподробнее. Если Поллианна и заметила это, то не подавала виду, нарочно продолжая капризничать и кукситься.

Когда настало время вечернего чая, тётушкины подозрения переросли в уверенность. В конце концов, она капитулировала самым позорным образом и, не в силах выдержать смущения, после очередной жалобы Поллианны, первая обратилась к племяннице.

– Ну хватит, дитя моё! Прощу тебя, хватит! Я сдаюсь. Признаю своё поражение, ты побила меня моим же собственным приёмом. Кстати, с полным правом, можешь и этому порадоваться. Твоя игра победила, –

сказала она с невесёлой усмешкой.

– Знаю, тётушка, но ведь вы говорили, что... – сдержанно начала Поллианна.

– Да, да, но теперь ни слова не скажу, – перебила её тётушка. – Ну и денёк ты мне устроила! Не дай бог ещё раз пережить такое! – И после некоторого молчания добавила, слегка покраснев: – К тому же я хочу, чтобы ты знала... Я... я прекрасно понимаю, что в последнее время совсем забросила твою игру... Но теперь... Теперь обещаю исправиться: постараюсь снова радоваться жизни... Ах, Поллианна, куда подевался мой носовой платок! – воскликнула тётушка, всхлипывая и закрывая лицо подолом.

Поллианна вскочила с места и бросилась к тётушке.

– Простите меня, милая тётушка! Умоляю, простите! Я не хотела. Это была просто шутка! – в отчаянии воскликнула она. – Мне и в голову не могло прийти, что вы так отреагируете. Не сердитесь! Я не хотела...

– Конечно, ты не хотела, – недовольно проворчала тётушка Полли. Как все слишком гордые и сильные люди, она ужасно стеснялась показать свою слабость и своё чувствительное сердце.

– Ах, дитя моё, – продолжала она уже мягче, – ничего такого я и не мыслила. Как ты могла подумать, что сержусь? Другое дело, если бы ты действительно решила проучить свою тётушку, вот тогда бы я...

Но Поллианна не дала ей договорить, бросившись обнимать и целовать любимую тётушку.

Глава XXVIII

Джимми и Джемми

Зима выдалась хлопотной, если не сказать тяжёлой, не для одной Поллианны. В далёком Бостоне Джимми Пендлтон вдруг обнаружил, что, несмотря на все свои усилия отвлечься, он просто не в состоянии стереть из памяти чудесный образ возлюбленной: её смеющиеся глаза и звонкий голосок.

Он также пытался убедить себя, что, если бы не миссис Кэрю, которой он старался помогать во всём, в чём только возможно, жизнь вообще потеряла бы для него всякий смысл. Но и приходя к миссис Кэрю, бедняга не мог чувствовать себя раскованно – из-за постоянного присутствия Джемми. Глядя на Джемми, он мгновенно вспоминал Поллианну, и его сердце сжималось от ревности к калеке, так как был убеждён, что эти двое равнодушны друг к другу.

Но ещё больше его угнетала мысль, что, как благородный человек, он обязан проявить к сопернику-инвалиду милосердие и не вставать у него на пути. Это было для Джимми чем-то само собой разумеющимся.

Он всячески избегал разговоров о Поллианне. Ему было известно, что Джемми и миссис Кэрю состоят с ней в переписке. Иногда они рассказывали, что пишет девушка, и Джимми скрепя сердце был вынужден слушать. Более жестокою для него пытку трудно было придумать. При первой возможности молодой человек старался сменить тему. Сам же он писал Поллианне письма крайне редко – только из вежливости, да и то

отделялся лишь общими фразами.

Одна мысль о том, что сердце Поллианны принадлежит другому, стала для него несчастьем всей жизни. Вот почему, как только наступила осень, он с такой поспешностью уехал из Белдингвилля, чтобы продолжить учёбу в Бостоне. Находиться рядом с Поллианной и в то же время чувствовать, что она недостижима, – было для него совершенно невыносимо.

В Бостоне, чтобы хоть как-то отвлечься от горьких мыслей и развеяться, Джимми с головой ринулся в благотворительные проекты, начатые миссис Кэрю. Всё свободное от учёбы в колледже время он проводил с ней и её подопечными девушками. Стоит ли говорить, с какой благодарностью и восхищением миссис Кэрю принимала эту дружескую помощь.

Как бы там ни было, тяжёлая зима закончилась и для Джимми, наступила весна – чудесная, весёлая пора цветения, тёплых дождей, лёгкого ветра, распускающихся почек. Впрочем, для разочарованного Джимми «весёлая пора» была лишь пустым звуком: его сердце по-прежнему содрогалось от ледяного холода прошедшей зимы.

«Уж хоть бы они поскорее объявили, что ли, о своей помолвке, и делу конец! – ворчал он про себя, выглядывая с утра в окно. – Если бы я знал об этом наверняка, мне было бы легче. Неопределённость хуже всего!»

И вот в конце апреля у него появились кое-какие основания, чтобы «знать наверняка».

В субботу в десять утра он явился с визитом к миссис Кэрю. В дверях его, как обычно, встретила Мэри, хорошо вышколенная горничная, и пригласила в музыкальную гостиную:

– Сейчас я доложу о вас миссис Кэрю, сэр. Думаю, она уже ждёт вас...

К своему огромному неудовольствию, в музыкальной гостиной Джимми застал Джемми, который сидел, склонившись за роялем. Молодой Пендлтон уже хотел незаметно сбежать, но неожиданно калека поднял голову и устремил на него лихорадочно блестящие глаза. На щеках калеки горел алый румянец.

– Приветствую вас, Кэрю, – пробормотал Джимми, – что-то случилось?

– Да, случилось! – воскликнул Джемми, потрясая поднятыми вверх руками.

Джимми увидел, что в каждой руке он держит по письму.

– Случилось долгожданное, – продолжал Джемми. – Что должен чувствовать человек, который всю свою жизнь провёл в тюремной камере

и вдруг однажды узнал, что его выпускают на свободу? Это так похоже на то, когда вы решились просить руки любимой девушки! Разве нет?.. Послушайте, вы, наверно, думаете, что я сошёл с ума, но это совсем не так. Впрочем, вполне возможно. Если так, то это, наверно, от радости. Я хочу вам кое-что рассказать, Пендлтон... Вы не против? Я просто должен с кем-то поделиться!

Молодой Пендлтон пошатнулся, как от тяжёлого удара. Ему пришлось напрячь все силы, чтобы удержаться на ногах. Его голос оставался совершенно спокойным, хотя кровь отлила от лица.

– Ну конечно, старина Кэрю. Я с радостью... вас выслушаю.

Впрочем, Джемми и не думал дожидаться его согласия.

– Для вас, конечно, это ничего не значит, – поспешно продолжал он, запинаясь от волнения. – У вас-то здоровые ноги, и вы можете свободно собой распоряжаться. Вы полны честолюбивых планов, у вас есть ваши мосты и дамбы. Но для меня это всё... Для меня это единственный шанс вести жизнь, какую ведёт каждый нормальный мужчина. Пусть это и не строительство дамб и мостов. Однако это уже кое-что! Теперь я знаю, что хоть на что-то способен!.. Вот, смотрите! В этом письме меня извещают, что мой рассказ, который я послал на литературный конкурс, получил первую премию – три тысячи долларов! А это письмо от одного крупного издательства, которое одобрило рукопись моей книги и хочет её опубликовать!.. Оба письма пришли сегодня утром. Можете себе представить, что я чуть с ума не сошёл от радости!

– Ещё бы. Конечно. Примите мои поздравления, Кэрю. От всего сердца, – искренне промолвил Джимми.

– Благодарю. Да, меня можно поздравить. Вы только подумайте, что это значит для меня! Со временем я смогу стать совершенно независимым, сам себя обеспечивать. Как и положено мужчине. И однажды миссис Кэрю сможет с полным правом мною гордиться – ведь она столько для меня сделала: подарила несчастному калеке и сироте заботу и тепло домашнего очага... Но что ещё важнее, теперь я смогу признаться в своей любви девушке, которую давно люблю!

– Да, да, старина, прекрасно! – как ни в чём не бывало кивнул Джимми, бледный как смерть.

– Ну последнего мне, пожалуй, не стоит делать. По крайней мере сейчас, – подытожил Джемми, и Джимми показалось, что в глазах калеки блеснули слёзы. – Я ведь по-прежнему слишком прикован... к ним! – Он показал на стоявшие рядом костыли. – Увы, мне никогда не забыть тот случай прошлым летом на лугу, когда я понял, что если моя любимая

девушка окажется в смертельной опасности, а я не буду в состоянии прийти к ней на помощь...

– Да бросьте, Кэрю... – дрогнувшим голосом начал Джимми, но калека замахал на него руками:

– Я знаю, что вы скажете. Не нужно. Вам этого не понять. Вы не прикованы навечно к костылям. И на помощь пришли именно вы, а не я... В тот момент я понял, что такова наша участь – моя и... Сэйди – стоять в сторонке и лишь издали наблюдать за чужим счастьем...

– Сэйди? При чём тут Сэйди? – вырвалось у Джимми.

– Ну да, Сэйди. Вы удивлены? Вы что, не знали? Разве вам не приходило в голову, что я влюблён в неё?! – воскликнул Джемми. – Конечно, я всячески скрывал это. Я старался, но... – Он умолк, оборвал себя на полуслове и в отчаянии махнул рукой.

– Вам и правда это отлично удалось, дружище! – вскричал Джимми, вне себя от радости. Кровь прилила к его щекам, а глаза восторженно засияли. – Так, значит, вы любите Сэйди Дин! Это замечательно! Ещё раз мои самые искренние поздравления, старина! Чтобы мне провалиться на этом самом месте, как говорит наша Нэнси! – захлёбываясь от радости, продолжал восклицать он.

Он был поражён этим неожиданным открытием: Джемми влюблён вовсе не в Поллианну, а в Сэйди!

– Спасибо, но пока что меня ещё не с чем поздравлять, – печально покачав головой, возразил Джемми. – Я ведь ещё с ней не объяснился... Хотя, думаю, она догадывается о моих чувствах. Да и все остальные тоже. Что удивительного, разве я мог полюбить кого-нибудь, кроме моей чудесной Сэйди!

Джимми заметно смутился. Но потом всё-таки признался:

– А я-то думал, что это... Поллианна!

Джемми тепло улыбнулся и промолвил:

– Поллианна – чудесная девушка, и её нельзя не любить... Только... только я люблю её как друг... Так же, как и она меня. К тому же мне кажется, её любит другой человек...

Джимми счастливо улыбнулся и покраснел, как ребёнок.

– Неужели? Кто же это? – как ни в чём не бывало, хотя и с некоторым вызовом в голосе, поинтересовался он.

– Как кто – мистер Пендлтон!

– Кто-о-о? Мистер Пендлтон? Как так?! – обомлел Джимми.

В этот момент в комнату вошла миссис Кэрю.

– Что вы там обсуждаете про мистера Пендлтона? – с улыбкой

поинтересовалась она.

Джимми ужасно растерялся, но всё-таки сумел вовремя взять себя в руки и на этот раз не стал торопиться с поздравлениями. В отличие от него Джемми, нисколько не растерявшись, с сияющим лицом повернулся к миссис Кэрю и, утвердительно кивнув, сказал:

– Ничего особенного. Просто я сказал, что, на мой взгляд, мистер Пендлтон неравнодушен к Поллианне.

– Поллианна и мистер Пендлтон? – недоуменно пробормотала миссис Кэрю, усаживаясь в кресло.

Молодые мужчины были так увлечены своим разговором, что не заметили странную, почти испуганную улыбку на губах миссис Кэрю. Улыбка появилась и тут же исчезла.

– Ну да, – подтвердил Джемми. – Да что у вас обоих со зрением? Разве вы не заметили, сколько времени он проводил с ней летом?

– По-моему, столько же, сколько и с нами, – задумчиво произнесла миссис Кэрю.

– С Поллианной гораздо больше, – настаивал Джемми. – К тому же разве вы не помните в тот вечер, когда мы завели разговор о том, почему мистер Пендлтон не женится, Поллианна покраснела, а потом пробормотала, что однажды он, то есть мистер Пендлтон, вроде бы уже собирался... Мне тогда сразу пришло в голову, что между ними что-то есть. Разве вы не помните? – повторил он.

– Теперь, когда ты упомянул об этом, пожалуй... – неуверенно сказала миссис Кэрю. – Совсем забыла об этом эпизоде...

– Сейчас я вам всё объясню, – нетерпеливо прервал Джемми Джимми. – Мистер Пендлтон однажды действительно собирался жениться. Но – на матери Поллианны!

– На её матери? – в один голос удивились миссис Кэрю и Джемми.

– Да. Много лет назад он был в неё влюблен, а она, как я понимаю, его не любила. У неё был другой возлюбленный – молодой священник, за которого она и вышла замуж, а потом у них родилась Поллианна.

– Вот как! – воскликнула миссис Кэрю, даже привстав от волнения. – Так это из-за неё он решил вообще не жениться?

– Конечно, – кивнул Джимми. – В любом случае то, что он влюблён в Поллианну, – полная чепуха. Он был влюблён в её мать!

– А по-моему, совсем не чепуха, – заявил Джемми с глубокомысленным видом. – Это лишь подтверждает моё предположение. Вот послушайте! Он был когда-то влюблён в её мать. Но так и не смог на ней жениться. А теперь он перенёс эту любовь на её дочь. По-моему,

очень логично.

– Ах, Джемми, ты известный фантазёр, – проворчала миссис Кэрю с нервным смехом. – Тебе надо писать бульварные романы. Но в жизни всё по-другому. Она слишком молода для него. Ему в жёны нужна взрослая женщина, а не молоденькая девушка. Если, конечно, он вообще надумает жениться... – поспешно добавила она и заметно покраснела.

– Вполне возможно, но что, если он всё-таки влюбится в молоденькую? – не унимался Джемми. – К тому же в каждом своём письме она непременно упоминает о нём. Я уж не говорю, что все его письма полны рассказов о ней.

Миссис Кэрю внезапно поднялась.

– Да, это правда, – почти с досадой была вынуждена согласиться она. – И всё же... – начала она, но потом умолкла и быстро вышла из комнаты.

Когда через несколько минут она вернулась, Джимми уже ушёл.

– Он ушёл?! – удивлённо воскликнула она. – А я думала он отправиться с девушками на пикник?

– Я тоже так думал, – сказал Джемми. – Но потом он вдруг засобирался, сказал, что ему нужно ехать по одному неожиданному, срочному делу, и просил вас простить его... Не успел я оглянуться, как он убежал... – Молодой человек задумчиво покачал головой. – По правде сказать, я его совсем не понимаю. Впрочем, сейчас мне вообще не до этого... – И, просияв, протянул миссис Кэрю полученные утром письма от организаторов литературного конкурса и издателя.

– Чудесно, Джемми! – воскликнула миссис Кэрю, прочтя письма. – Я так тобой горжусь!

На её глазах засверкали слёзы радости. Джемми был на седьмом небе от счастья.

Глава XXIX

Пендлтон-старший против Пендлтона-младшего

В субботу в Белдингвилль ночным экспрессом прибыл молодой человек. Вид у него был очень решительный. А уже в десятом часу утра следующего дня этот молодой человек шагал по городским улицам по направлению к особняку Харрингтонов. Подойдя к дому, он увидел через ограду, как девушка с распущенными по плечам волосами вошла в летнюю беседку, и решил не тратить время на формальности. Миновав парадное крыльцо, он не стал звонить в дверь, а пересёк лужайку и быстро прошёл по садовым дорожкам через сад – прямо к девушке.

– Ах, Джимми! – удивлённо воскликнула Поллианна. – Боже мой, ты как с неба свалился!

– Не с неба, Поллианна. Я специально приехал ночью из Бостона. Чтобы поговорить с тобой.

– Поговорить... со мной? – ещё больше удивилась девушка, стараясь собраться с мыслями.

От волнения у неё закружилась голова. Когда он вошёл в беседку, то показался ей таким большим и сильным. И таким родным.

Она старалась не смотреть ему в глаза, чтобы не выдать своих чувств.

– Именно так, Поллианна... Я хотел... – запинаясь, продолжал он. – То есть мне казалось... Я хочу сказать, что... О Господи! Не буду ходить вокруг да около! – в отчаянии воскликнул он. – Я пришёл, чтобы сразу взять быка за рога. Просто скажу как есть. Раньше я не решался, а теперь не могу молчать. Теперь мне не нужно играть в благородство и думать, как бы не обидеть бедного Джемми. Он такой же человек, как и я, и если ему нужна была победа, пусть бы добивался её в честном бою. У меня не меньше прав, чем у него!

Поллианна широко раскрыла глаза.

– Эй, Джимми Бин-Пендлтон, извольте выражаться яснее! – строго потребовала она. – Что всё это значит, сэр?

Молодой человек робко улыбнулся:

– Неудивительно, что ты меня не понимаешь. Это ведь не такое простое дело. Ещё вчера я и сам не мог понять себя. Я был как в тумане. А потом узнал, о чём мечтает Джемми!

– О чём же мечтает Джемми? – заинтересованно спросила девушка.

– Да. Сначала он рассказал мне про премию. Видишь ли, он получил литературную премию, которая...

– Знаю, знаю! – радостно прервала его Поллианна. – Разве это не замечательно? Подумать только, он получил первую премию. Целых три тысячи долларов! Вчера вечером я написала ему письмо. Как только прочла объявление о решении жюри и увидела его имя. До меня не сразу дошло, что это наш Джемми! Я была в таком восторге, что сначала даже забыла поискать моё имя в списках победителей. Потом вспомнила, бросилась искать, но, увы, меня там вообще не оказалось. Я не выиграла даже самый маленький приз. Впрочем, я была так рада за Джемми, что даже не расстроилась...

Она взглянула на Джимми и поняла, что невольно проговорила про своё участие в конкурсе. И в великом смущении отвела глаза.

Однако молодой человек был так сосредоточен на своих чувствах, что даже не заметил этого.

– Да, да, это замечательно, – охотно согласился он. – И я очень за него рад... Но, послушай, Поллианна! Когда он рассказал мне про премию, у нас зашёл разговор о другом. То есть я спросил его про тебя. Потому что мне казалось, что между вами что-то есть...

– Как? – изумилась Поллианна, покраснев до кончиков волос. – Ты думал, что Джемми и я... Но, Джимми, он ведь влюблён в Сэйдди Дин! И всегда был. Он мне о ней все уши прожужжал. Мне кажется, он ей тоже

нравится.

– Прекрасно. Очень на это надеюсь. Но я, правда, этого не знал. Я думал, что это вы – Джемми и ты. Я так думал, потому что он... калека, и было бы несправедливо, если бы я... Если бы я всё время проводил с тобой и добивался твоего расположения, а он...

Неожиданно Поллианна наклонилась и подобрала листок с дерева.

Когда она выпрямилась, на её лице появилось задумчивое выражение.

– Ну не может нормальный человек вступать в соревнование с калеккой. Такое соревнование обречено с самого начала, – продолжал он. – Поэтому я решил отойти в сторону и дать ему шанс. Но это разбивало мне сердце, милая. Я ужасно страдал. И только вчера утром я узнал, как всё на самом деле... Но я узнал кое-что ещё. Джемми считает, что в тебя влюблён ещё один человек. Как бы там ни было, ради него я не собираюсь отходить в сторону. Несмотря на всё, что он для меня сделал. Ведь это мистер Пендлтон, и он ужасно в тебя влюблён. Что ж, у него есть все шансы, и если он тебе тоже нравится, то я... тогда я...

Поллианна взглянула на него с изумлением.

– Что-о-о?! – возмущённо вскричала она. – Мистер Пендлтон? Ты сказал, мистер Пендлтон? Ты в своём уме, Джимми?

Джимми облегчённо вздохнул и протянул девушке обе руки.

– Значит, нет? Ну и славно! Я вижу по твоим глазам, что он тебе совсем не нравится.

Но Поллианна отступила назад. Она побледнела, и у неё дрожали губы.

– Джимми, что всё это значит? Ты что, надо мной смеёшься? – жалобно промолвила она.

– Совсем нет. Я только рад, что мистер Пендлтон тут ни при чём. Что тут непонятного? Джемми думает, что он в тебя влюблён. Как и ты в него. Когда он это сказал, мне тоже стало так казаться. Он ведь только и говорит что о тебе. Я уж не вспоминаю про твою мать...

Поллианна ахнула и закрыла лицо руками. Джимми подошёл ближе и нежно обнял её за плечи. Однако девушка снова отстранилась от него.

– Поллианна, милая, не надо! Я с ума сойду! – умоляюще воскликнул он. – Я тебе хоть немножко нравлюсь? Прощу тебя, скажи!

Девушка отняла ладони от лица и взглянула на юношу. Она всё ещё была вне себя от возмущения.

– Ах, Джимми, как ты мог про меня такое подумать? – едва слышно прошептала она.

Джимми нетерпеливо покачал головой:

– Теперь всё это не имеет значения, Поллианна. Теперь-то, конечно, я так не думаю. Можешь не сомневаться. Но, милая, дело совсем в другом. Если он тебе не нравится и ты готова дать мне хотя бы маленький шанс... – Молодой человек схватил её за руку и хотел привлечь к себе.

– Нет, нет, Джимми! Я не должна! Я не могу! – воскликнула девушка, отталкивая его своими детскими ладошками.

– Значит, ты действительно к нему равнодушна? – побледнев, спросил Джимми.

– Вовсе нет. То есть совсем не в этом смысле, – пробормотала Поллианна. – Но... как ты не понимаешь? Если он ко мне равнодушен, я должна это выяснить...

– Поллианна!

– Не надо! Не смотри на меня так, Джимми!

– Уж не хочешь ли ты сказать, что могла бы выйти за него замуж?

– Конечно нет. То есть... почему нет? – кивнула она.

– Поллианна! Прошу, не говори так! У меня сердце разорвётся! – в ужасе воскликнул молодой человек.

Поллианна всхлипнула и снова закрыла лицо руками. Потом снова посмотрела на Джимми.

– Знаю, знаю, – проговорила она, с трудом сдерживая рыдания. – У меня у самой сердце разрывается. В любом случае пусть моё сердце будет разбито, пусть я разобью твоё сердце, но я не могу разбить сердце ему!

Джимми удивлённо поднял брови, но потом, задыхаясь от радости, бросился обнимать девушку.

– Теперь-то я знаю, что я тебе тоже нравлюсь, – нежно прошептал он ей на ухо. – Ведь ты только что призналась, что и твоё сердце было бы разбито. Неужели ты думаешь, что я кому-нибудь позволю отнять тебя у меня? Кто бы он ни был! Ах, милая, как же плохо ты меня знаешь, если так думаешь!.. Прошу тебя, Поллианна, скажи, что любишь меня! Умоляю!

Счастливая Поллианна замерла в его нежных и сильных руках, словно пойманная в сети птичка. Потом начала отчаянно вырываться и отбиваться от него.

– Да, Джимми, да. Я действительно тебя люблю...

Джимми ещё крепче обнял её, но, увидев её глаза, опустил руки.

– Я люблю тебя, Джимми. Очень, – продолжала девушка. – Но я никогда не смогу чувствовать себя с тобой счастливой. Как ты не понимаешь, милый? Сначала мне необходимо почувствовать себя свободной, независимой!

– Что за глупости, Поллианна? Ты и так свободна!

Но Поллианна решительно покачала головой:

– Увы, это не так, Джимми. Пока есть вероятность того, что он в меня влюблён... Прощу тебя, пойми! Сначала, много-много лет назад, моя мать... Из-за несчастной любви к ней он столько лет был обречён на одиночество. И если сейчас он решит попросить моей руки, я не смогу ему отказать. Я просто не имею права, Джимми! Ты должен меня понять!

Но молодой человек был не в состоянии этого понять. Как ни старался. Несмотря на слёзы и рыдания девушки. Впрочем, он видел, что девушка всё-таки любит его, и поэтому в самом её отказе было что-то утешающее, звучала надежда.

– Джимми, милый, – наконец сказала Поллианна. – Нам придётся подождать. Пока я могу сказать тебе только это. Я очень надеюсь, что он не влюблён в меня. Я вообще не верю, что такое возможно... Но я должна знать наверняка! Иначе я не могу. В общем, давай немножко подождём, пока всё окончательно не выяснится...

На этот раз бедняге Джимми не оставалось ничего другого, как уступить.

– Ну хорошо, малышка, – согласился он, горестно вздыхая, – пусть будет по-твоему. Но, ей-богу, ничего подобного я в жизни не слыхивал: чтобы девушка просила подождать возлюбленного, пока она не выяснит, не любит ли её другой мужчина...

– Я знаю, ты прав. Но только ты учти, что тот другой всё-таки любил её мать... – с не менее горестным вздохом ответила Поллианна.

– Что ж, тогда я отправляюсь обратно в Бостон, – неохотно сказал Джимми. – Только не думай, что я отступлюсь от тебя! Это выше моих сил. До тех пор, пока я буду знать, что ты меня любишь, никто и ничто не разлучит меня с тобой! Так и знай, любимая!

В его глазах было столько любви и страсти, что девушка поспешно выскользнула из его объятий и стремительно выбежала из беседки.

Глава XXX

Мистер Пендлтон разрешает все сомнения

В тот же вечер Джимми уехал обратно в Бостон. Голова у него шла кругом, а в душе одновременно бурлили счастье, надежда, досада и даже смятение. Впрочем, положение Поллианны было ничуть не лучше. С одной стороны, вспоминая о том, как Джимми признался ей в любви, девушка чувствовала, что её душа поёт от радости, а с другой – приходила в ужас при одной мысли, что мистер Пендлтон и впрямь может быть в неё влюблён.

Как бы там ни было, смятению не суждено было долго терзать девичье сердце, ибо очень скоро, спустя всего несколько дней после отъезда Джимми, сам мистер Пендлтон вдруг соблаговолил раз и навсегда разрешить все сомнения.

Во вторник после обеда он явился с визитом к Поллианне. И точно так же, как и Джимми, ещё от калитки завидев девушку в саду, сразу направился к ней.

При одном взгляде на него Поллианна почувствовала, как у неё от страха душа ушла в пятки.

«Ну вот, оно самое!» – пронеслось у неё в голове. Задрожав как осино́вый лист, она уже хотела убежать.

– Поллианна! Прошу вас, одну минуточку! – крикнул мистер Пендлтон, поспешно подходя. – Я к вам пришёл, мисс! Вы мне очень нужны. Сделайте одолжение, зайдём на несколько слов в летнюю

беседку...

– Да, да, конечно, сэр, – кивнула Поллианна, принуждённо улыбаясь.

Она чувствовала, что её щеки заливают румянец, и от смущения была готова провалиться сквозь землю. Особенно её смутило предложение отправиться для разговора в беседку. Ведь эта беседка была для неё теперь почти священным местом: там Джимми признался ей в любви.

«Что же это, мистер Пендлтон тоже хочет объясняться в любви здесь?» – с содроганием подумала она, но вслух весело произнесла:

– Конечно, сэр. Сегодня прекрасная погода, не правда ли?

Ответа не последовало. Пендлтон-старший немедленно проследовал в беседку и сразу уселся в плетёное кресло, даже не дождавшись, пока сядет Поллианна, что было для него совершенно несвойственно.

Взглянув на него, девушка ахнула от удивления. На лице мистера Пендлтона появилось давно забытое брюзгливое выражение, когда она впервые, ещё девочкой, встретила его в городе.

Но мистер Пендлтон, казалось, не замечал её недоумения. Некоторое время он сидел, опустив голову, погружённый в размышления. Потом перевёл мрачный взгляд на смущённую девушку.

– Вот что, Поллианна...

– Да, сэр?

– Помните ли вы, каким я был, когда мы познакомились много лет тому назад?

– Помню... Конечно, – кивнула она.

– Тот ещё типчик, не правда ли?

Несмотря на смятение, Поллианна не смогла сдержать улыбки.

– Вы... вы мне сразу понравились, сэр, – запинаясь, произнесла Поллианна и с ужасом подумала, что говорит совсем не то, что нужно. Отчаянно стараясь подобрать подходящие слова, она пробормотала: – То есть я хотела сказать, что вы показались мне симпатичным мужчиной... – И снова в замешательстве прикусила язык. Эти слова звучали ещё неуместнее, чем её первая фраза.

Поллианна молчала и с ужасом ждала, что скажет мистер Пендлтон.

– Да, да, я знаю! У вас всегда было золотое сердце, – подхватил он. – Благодаря вам я не погиб окончательно. Вы даже не представляете себе, какой переворот в душе взрослого мужчины произвели ваша детская непосредственность и доброта...

Поллианна хотела что-то возразить, но он решительно продолжал:

– Именно так! Вы буквально спасли меня! Вы, и никто другой! Интересно, помните ли вы также о... – Пендлтон-старший

многозначительно замолчал и задумчиво пошевелил бровями.

Поллианне стоило огромного труда не сорваться с места и не бросится наутёк.

– Помните ли вы, – продолжал он, – ваши слова о том, что только присутствие женщины или ребёнка может дать мужчине чувство дома и семьи?

Поллианна покраснела до самых корней волос.

– Да... то есть нет... – пробормотала она. – То есть, конечно, я это помню... Ну теперь-то у вас ведь есть настоящий дом...

– Об этом я и хотел сказать, – взволнованно перебил её мистер Пендлтон. – Вы, конечно, помните, Поллианна, что однажды много лет назад я уже мечтал о таком доме и полноценной семье, но моим мечтам не суждено было сбыться... Только не подумайте, что я обвиняю в этом вашу мать. Это совсем не так. Она подчинилась зову сердца, которое её не обмануло. Она сделала свой выбор и не пожалела. Другое дело, что из-за этого моя собственная жизнь обернулась сплошным разочарованием, а сердце было разбито... Но разве это не чудо, Поллианна, – продолжал он, и его голос вдруг сделался тихим и нежным, – что не кто иной, как её родная дочь, вызволила меня из пропасти отчаяния, открыла путь к счастью...

Поллианна нервно облизнула пересохшие губы.

– Ах, мистер Пендлтон, я... мне...

И снова Пендлтон-старший не дал ей договорить.

– Именно так, именно так, Поллианна, – улыбнулся он. – Ваша маленькая ручка спасла меня. Я имею в виду, когда вы были ещё ребёнком, вы научили меня своей необыкновенной игре...

– Ах, это... – облегчённо вздохнула девушка.

Ужас в её глазах начал сменяться любопытством.

– За все эти годы я совершенно переменялся, милая Поллианна. Я стал другим человеком... И только в одном я остался прежним, – неожиданно заявил он, устремив на девушку необычайно серьёзный и нежный взгляд. – Как и тогда, я абсолютно убеждён, что только присутствие женщины или ребёнка могут дать мужчине чувство дома и семьи!

– Конечно... – пролепетала девушка, и в её глазах снова появился ужас. – Но ведь теперь у вас в доме есть ребёнок... Вы же усыновили Джимми...

– Да, это так, – рассмеялся мистер Пендлтон. – Однако, думаю, даже вы не станете спорить, что Джимми, в некотором роде, подрос и уже совсем не ребёнок. Не правда ли, Поллианна?

– Да, пожалуй...

– Кроме того, милая Поллианна, теперь мне нужно совсем другое.

Я решил ввести в свой дом женщину, предложить ей руку и сердце.

Голос Пендлтона-старшего задрожал от волнения.

– В самом деле? – едва слышно прошептала Поллианна, сжав руки на коленях так, что побелели костяшки пальцев.

Но мистер Пендлтон по-прежнему не замечал её волнения. Вскочив с кресла, он принялся бегать туда-сюда по беседке. Наконец, остановившись, обратился к девушке:

– Поллианна, если бы ты была на моём месте и хотела бы просить женщину войти хозяйкой в мой мрачный дом из серого камня, с какими словами ты бы к ней обратилась?

Поллианна заметно поёжилась и, посмотрев на дверь беседки, снова подумала о том, как бы вскочить со стула и броситься наутёк.

– Ах, мистер Пендлтон, будь я на вашем месте, я бы вообще не стала этого делать... – запинаясь и почти не помня себя от страха, проговорила она. – Лучше уж оставайтесь как есть. Это для вас гораздо лучше, сэр.

Пендлтон-старший с удивлением взглянул на девушку и отрывисто рассмеялся.

– Неужели лучше, Поллианна? – помрачнев, поинтересовался он.

– Лучше, – снова кивнула Поллианна, не сводя глаз с двери.

– По-моему, ты просто хочешь подсластить пилюлю. Вместо того чтобы прямо сказать, что я вообще не могу рассчитывать на женскую благосклонность.

– Нет, я не в том смысле... Возможно, вас не отвергнут. Но взаимностью не смогут ответить... – решительно сказала Поллианна, по-прежнему думая, что мистер Пендлтон имеет в виду её. – Если хотите знать моё мнение, если девушка согласится выйти за вас, то не по любви, и уж лучше вам и правда остаться одному...

Взглянув на побледневшего мистера Пендлтона, Поллианна растерянно умолкла.

– Если она не отвечает мне взаимностью, я бы и сам не хотел этого брака!

– Вот это правильно, – осторожно согласилась Поллианна.

– Кроме того, она уже не так молода, – продолжал мистер Пендлтон, сокрушённо качая головой. – Речь идёт о вполне самостоятельной, взрослой женщине...

– Тогда совсем другое дело! – с облегчением воскликнула Поллианна, едва не задохнувшись от радости. – Тогда любите её на здоровье! А то я было подумала...

Девушка вовремя прикусила язык.

– То есть, по-твоему, у меня есть надежда? Что же ты сразу не сказала? – не то радостно, не то с досадой усмехнулся Пендлтон-старший. – Главный вопрос, сможет ли она вообще полюбить меня. Я должен это знать и тут рассчитываю на твою помощь, Поллианна. Ведь это твоя хорошая знакомая...

– Знакомая? Ну тогда она непременно должна вас полюбить, сэр! Уж я об этом позабочусь! Если, конечно, уже не полюбила!.. Кстати, кто она?

Мистер Пендлтон долго молчал, потом тихо сказал:

– Что ж, очень на это надеюсь, Поллианна... Кто она, ты спрашиваешь? Неужели ты не догадываешься?.. Это – миссис Кэрю!

– Правда? – радостно воскликнула Поллианна. – Это же замечательно! Боже мой, как я рада!

Час спустя Поллианна отправила Джимми письмо. Письмо вышло сумбурным, маловразумительным, со многими недосказанностями, но главное, что хотела выразить Поллианна, молодой человек прекрасно понял. А больше ему ничего и не требовалось.

«...Ах, Джимми, – писала девушка, – он влюблён вовсе не в меня! Это совсем другая женщина. Я не могу сказать, кто она. Разве только то, что её имя не Поллианна!..»

Пробежав глазами письмо, Джимми сломя голову бросился на вокзал, чтобы успеть на семичасовой поезд до Белдингвилля.

И успел.

Глава XXXI

После стольких лет

Отослав письмо Джимми, Поллианна почувствовала себя счастливой, как никогда в жизни. Её переполняла такая радость, что удержаться и не рассказать кому-нибудь о том, что происходило в душе, было просто невозможно. Перед сном, как всегда, заглянув к тётушке, чтобы пожелать ей спокойной ночи, она решила поделиться новостями. После нескольких обычных фраз Поллианна погасила верхний свет и, подойдя к тётушкиной постели, опустилась рядом на колени.

– Ах, милая тётушка, я сегодня такая счастливая! Мне просто нужно кому-то рассказать. Позвольте, я поделюсь с вами? Вы не против?

– Поделиться? Чем? Конечно, дитя моё, рассказывай! У тебя для меня хорошие новости?

– Очень на это надеюсь, милая тётушка, – покраснев, промолвила Поллианна. – Может быть, вы немножко за меня порадуетесь... Само собой, через некоторое время Джимми придёт и, как положено, поговорит с вами об этом. Но я бы хотела рассказать вам первая...

– Джимми? – удивилась миссис Чилтон.

– Ну да, он ведь должен попросить у вас благословения... – пробормотала Поллианна, чувствуя, как пылают её щеки. – Ах, я такая счастливая! Я не могла с вами этим не поделиться!

– Попросить моего благословения? Я правильно поняла, Поллианна? – переспросила миссис Чилтон, садясь на постели. – Уж не хочешь ли ты сказать, что между тобой и этим Джимми Бином что-то серьёзное?

Поллианна испуганно всплеснула руками:

– Мне казалось, что Джимми вам нравится, тётушка?

– Допустим... Но это вовсе не значит, что он подходящая партия для моей племянницы!

– Но, тётушка Полли!..

– Дитя моё, пожалуйста, не нужно делать такие глаза! Это полнейшая блажь, и я очень рада, что смогу воспрепятствовать этому до того, как у вас зайдёт слишком далеко...

– Это уже зашло далеко, тётушка! – дрожащим голосом пролепетала Поллианна. – Я уже... успела полюбить его на всю жизнь!

– Как полюбила, так и разлюбишь, милая моя! Никогда не будет моего согласия на этот брак! Тоже мне выдумала: идти замуж за Джимми Бина!

– Но почему, тётушка?

– Во-первых, хотя бы потому, что неизвестно, кто он такой, мы о нём ничего не знаем...

– Как это не знаем? Мы знаем его с детства! С тех пор, как я сама была маленькой девочкой...

– И что с того? Кто он вообще такой? Какой-то бродяжка, сбежавший из приюта? Нам ничего не известно ни о его родителях, ни о его происхождении.

– Но ведь я выхожу замуж не за его родителей и не за его родословную!

– Поллианна, ты что, хочешь моей смерти? – возмущённо воскликнула миссис Чилтон, падая на подушку. – У меня от тебя сердце разболелось!

Сегодня ночью я глаз не сомкну! Давай поговорим обо всём завтра.

Расстроенная Поллианна быстро поднялась на ноги.

– Конечно, мэм, конечно... Завтра вы посмотрите на это совершенно другими глазами! Я уверена в этом, милая тётушка! – с надеждой сказала она и поспешно погасила свет.

Однако и наутро тётушка Полли не переменяла своего мнения. Наоборот, высказалась с ещё большей категоричностью. Напрасно Поллианна просила и умоляла. Напрасно уверяла тётушку, что в этом замужестве счастье всей её жизни. Миссис Чилтон была непреклонна. Не хотела ничего слышать. Строго-настрога предостерегла племянницу, объяснив, какие опасности таятся в браке с человеком неизвестного

происхождения. Наконец напомнила Поллианне, что та должна быть благодарна ей за всё, что она для неё сделала, за её любовь, за все годы, которые она провела в её доме. Если же Поллианна послушается, это замужество окончательно добьёт бедную тётю, сердце которой и без того надорвано несчастным браком родной сестры и матери Поллианны.

Стоит ли удивляться, что Джимми, примчавшийся к Поллианне сразу с вокзала, был встречен слезами и всхлипываниями. Не позволяя себя обнять, испуганная девушка в отчаянии упиралась в грудь возлюбленного слабыми ладошками. Джимми нежно обнял дрожащую, бледную девушку и, крепко прижав к себе, воскликнул:

– Поллианна, любимая, что всё это значит?!

– Ах, Джимми! – простонала девушка. – Зачем ты только пришёл? Не нужно было приходить! Я собиралась тебе сама обо всём написать...

– Но ведь ты уже написала мне. Получив твоё письмо, я сразу бросился на поезд.

– Нет, нет! Я имела в виду, что я собиралась отправить тебе другое письмо. Когда я писала то, я не знала, что... Нет, я не могу... я не должна!..

– Не должна что, Поллианна?! – вскричал Джимми. – Уж не хочешь ли ты сказать, что у тебя есть кто-то другой и он дороже тебе, чем я?

Молодой человек пристально посмотрел на девушку. В его глазах засверкали молнии.

– Ах, Джимми, пожалуйста, не смотри на меня так! Я этого не выдержу!

– Тогда в чём дело? Чего ты не можешь?

– Я не могу выйти за тебя...

– Поллианна, ты меня любишь?

– Да. Конечно, люблю...

– Значит, мы поженимся! – торжествующе воскликнул молодой человек, снова привлекая девушку к себе.

– Нет, нет, Джимми, ты не понимаешь... Дело в том, что тётушка Полли... – пробормотала Поллианна.

– Тётушка Полли?

– Она мне не позволит выйти за тебя!

– Неужели? – расхохотался Джимми. – Не беспокойся, мы её уговорим! Наверное, ей кажется, что, если ты выйдешь замуж, ей придётся с тобой расстаться... А мы объясним ей, что, наоборот: кроме племянницы у неё появится ещё и племянник! – И многозначительно подмигнул

девушке.

Но Поллианну это не развеселило. Она лишь покачала головой и с безнадёжным видом повторила:

– Нет, Джимми, нет! Ты не понимаешь! Она... Нет, у меня язык не поворачивается сказать тебе такое! Она вообще не хочет, чтобы я выходила за тебя...

Джимми недоумевая посмотрел на девушку.

– Кажется, я начинаю понимать её опасения. Ничего удивительного, – сдержанно сказал он. – И всё же, милая, – с любовью продолжал он, – я сделаю всё, что в моих силах, чтобы ты была счастливой!

– Знаю, знаю! Я в этом не сомневаюсь, – воскликнула Поллианна со слезами на глазах.

– Просто дай мне шанс, Поллианна. Если она сейчас против нашего брака, то, может быть, когда мы поженимся, она переменит своё мнение...

– Пойми, я не могу, не могу! – простонала Поллианна. – После всего того, что она мне сказала... Я не смогу пойти против её воли. Пойми, я ей стольким обязана, а теперь она сама целиком зависит от меня! К тому же она нездорова, Джимми. Ещё совсем недавно она делала всё, что было в её силах, чтобы поддержать меня. Даже старалась играть в мою игру... Она так плакала, Джимми! Она умоляла меня не разбивать ей сердце, как моя мать... Нет, Джимми, после всего, что она для меня сделала, я просто не могу!

Немного помолчав, Поллианна подняла на Джимми заплаканные глаза и с усилием выговорила:

– Ах, Джимми, если бы ты мог рассказать тётушке Полли хоть что-нибудь о своих родителях... об отце, о семье...

Джимми побледнел как полотно и, отшатнувшись от неё, промолвил:

– Так, значит, вот в чём дело!

Поллианна шагнула к нему и робко коснулась его руки.

– Ты только не подумай, Джимми, что это нужно мне! – прошептала она. – Я уверена, что твой отец и твоя семья – чудесные, благородные люди. Потому что ты – чудесный и благородный. Но вот тётушка, она... Ах, прошу тебя, не смотри на меня так!

Девушка не расслышала последних его слов. В отчаянии покачав головой, Джимми, резко отвернувшись от неё и поспешно вышел из беседки.

Покинув владения Харрингтонов, Джимми оправился прямо домой, чтобы поговорить с мистером Пендлтоном. Он застал его в большой библиотеке с малиновыми драпировками, где когда-то, много лет назад

Поллианна боязливо оглядывалась в поисках «скелетов в шкафах».

– Дядя Джон, помните про тот пакет, который оставил мне отец? – нетерпеливо поинтересовался Джимми.

– Конечно. А почему ты спрашиваешь, сынок? – удивлённо спросил Пендлтон-старший, глядя на взъерошенного пасынка.

– Нужно немедленно посмотреть, что в нём, сэр!

– А как же условия?

– Ничего не поделаешь. Придётся. Это всё, что я могу сказать. Вы это сделаете, сэр?

– Конечно, мой мальчик... Если ты того требуешь. Вот только...

Мистер Пендлтон с сомнением покачал головой.

– Вы, конечно, догадываетесь, дядя Джон, что я люблю Поллианну. Я просил её выйти за меня замуж, и она дала согласие... – Пендлтон-старший радостно всплеснул руками и хотел что-то вставить, но Джимми хмуро продолжал: – Но потом она сказала, что... не может выйти за меня. Миссис Чилтон против.

– Против брака Поллианны с тобой?! – возмущённо воскликнул Пендлтон-старший.

– Да. Я узнал об этом, когда Поллианна стала просить, чтобы я хоть что-нибудь рассказал её тёте о своём происхождении – о моём отце и семье...

– Чёрт побери! Я был о миссис Чилтон лучшего мнения. Впрочем, это на неё похоже. Харрингтонов всегда отличала заносчивость во всём, что касается фамильных корней, – проворчал мистер Пендлтон. – Ну и что ответил ты?

– А что я мог сказать?.. Я едва сдержался, чтобы не крикнуть Поллианне, что мой отец – самый лучший в мире... А потом вдруг вспомнил про пакет. Может быть, в нём есть что-то о моём происхождении?.. Я, конечно, ничего не сказал о нём Поллианне, – продолжал Джимми, – ведь ещё неизвестно, что в нём. По крайней мере отец не хотел, чтобы я узнал об этом, пока мне не исполнится тридцать лет. То есть пока я не стану совсем зрелым человеком и не буду в состоянии принять любые новости... Понимаете, сэр?.. Очевидно, в моей семье есть какая-то тайна. В любом случае я должен это узнать. Другого выхода у меня нет.

– Милый Джимми, не нужно делать такое трагическое лицо. Может быть, это хорошая тайна. Может быть, как раз то самое, что ты так жаждешь узнать...

– Возможно. Но почему тогда он хотел, чтобы я не вскрывал пакет,

пока мне не исполнится тридцать? Ах, нет, дядя Джон! Наверняка там что-то такое, что может выдержать только взрослый человек. Поймите, я нисколько не стыжусь отца. Что бы там ни оказалось, я уверен, это не сможет бросить на него пятно. Но я должен это узнать. Прошу вас, достаньте пакет! Он ведь у вас в сейфе, не так ли?

Пендлтон-старший порывисто поднялся на ноги.

– Пойду достану его... – сказал он.

Через минуту таинственный пакет был у Джимми в руках, но молодой человек не решался его открыть.

– Лучше, если сначала вы прочтёте, сэр! Прошу вас!

– Ты уверен, Джимми?.. Впрочем, будь по-твоему...

С этими словами мистер Пендлтон потянулся к письменным принадлежностям и, взяв канцелярский нож, решительно надрезал конверт, чтобы достать его содержимое.

В пакете оказалась тонкая пачка документов, перевязанных бечёвкой, и листок бумаги, вероятно, какое-то письмо или записка, сложенная вдвое. Сначала Пендлтон-старший развернул листок и погрузился в чтение.

Пока он читал, Джимми, затаив дыхание, следил за его лицом. Сначала мистер Пендлтон удивлённо поднял брови, потом радостно улыбнулся. Потом на его лице появилось выражение, которое Джимми не мог понять.

– Что там, дядя Джон? Что в письме?! – нетерпеливо воскликнул молодой человек.

– Лучше прочитай сам, – сказал мистер Пендлтон, сунув Джимми листок.

– «Прилагаемые к этой записке документы, – начал читать Джимми, – являются подлинными и подтверждают, что мой сын Джимми – Джеймс Кент, сын Джона Кента, женатого на Дорис Уитерби, дочери Уильяма Уитерби из Бостона. В этой записке я также хочу объяснить моему сыну, почему все эти годы не поддерживал никаких отношений с семьёй его матери. Если он откроет этот пакет, когда ему исполнится тридцать лет, то, вероятно, сможет простить отца, который боялся навсегда потерять сына и до поры до времени решил скрыть от него эту тайну. Если, в случае его смерти, пакет суждено вскрыть кому-то другому, настоятельно прошу, чтобы о нём немедленно известили родственников моей жены в Бостоне и все бумаги передали им лично в руки не распечатывая.

Джон Кен».

Джимми ужасно побледнел и растерянно посмотрел на мистера Пендлтона.

– Значит, это я – тот самый пропавший Джемми? – пробормотал он.

– В письме говорится, что там имеются все документы, это подтверждающие, – кивнул мистер Пендлтон.

– Получается, что я племянник миссис Кэрю?

– Несомненно.

– Просто в голове не укладывается! – Помолчав, юноша снова радостно воскликнул: – Как бы там ни было, теперь я знаю, кто я и откуда. А главное, насколько я понимаю, у меня с миссис Чилтон теперь общие предки!

– Именно так, – заметил Пендлтон-старший насмешливо. – Семья Уитерби из Бостона ведёт родословную от самых первых покорителей Америки. Думаю, это удовлетворит самолюбие миссис Чилтон. Что до твоего родного отца, то и у него прекрасная родословная. Правда, миссис Кэрю рассказывала мне, что он был несколько эксцентричным человеком. Впрочем, в данном случае это совершенно не важно...

– Да-да, бедный отец! Можно представить, сколько ему пришлось вынести за все эти годы, когда, овдовев, он один воспитывал меня! Теперь-то я понимаю многие вещи, которые раньше казались мне странными. Как тот случай, когда одна добрая женщина, у которой мы жили, стала называть меня «Джемми». Ох, и разозлился же он тогда! Вот почему мы уехали от неё на ночь глядя, даже не поужинав. Он жил в постоянном страхе, что меня ищут и могут у него отобрать. Бедный папа! Вскоре после того случая он и заболел. Его перестали слушаться руки и ноги, а ещё немного погодя, отнялся язык. Очень хорошо помню, как перед самой смертью он отчаянно пытался мне что-то сказать – об этом пакете. Теперь я понимаю, что он просил меня открыть его, прочесть письмо и поехать к родственникам мамы, а я подумал, что он просто хочет, чтобы я сохранил пакет. И пообещал, что сохраню его. Но папа всё не мог успокоиться. Только ещё больше разволновался. А я не понимал почему. Ах, бедный, бедный папочка!

– Ну что ж, давай посмотрим документы, – предложил мистер Пендлтон. – Кроме сопроводительной записки там есть письмо, которое отец адресовал лично тебе. Ты его прочтёшь?

– Конечно! А потом я... – Молодой человек смущённо улынулся и взглянул на часы. – Жду не дождусь, когда можно будет пойти к Поллианне, – признался он.

Мистер Пендлтон задумчиво вздохнул и пристально посмотрел

на Джимми.

– Я понимаю, что тебе хочется поскорее увидаться с Поллианной, – неохотно начал он. – И всё-таки позволь дать тебе совет. В данных обстоятельствах тебе следует сначала поговорить с миссис Кэрю. Показать ей эти документы...

Джимми напряжённо потёр лоб ладонью, а потом убеждённо сказал:

– Я так и поступлю, сэр!

– Если ты не возражаешь, я поеду с тобой, – неуверенно предложил мистер Пендлтон. – У меня тоже есть небольшое дело к твоей тётушке... Предлагаю отправиться трёхчасовым.

– Прекрасно, сэр! Значит, едем... Боже мой, до сих пор не могу поверить, что теперь я Джемми! – Молодой человек вскочил и взволнованно забежал по комнате. – Интересно, – пробормотал он, останавливаясь и краснея, как мальчишка, – как на ваш взгляд, тётя Рут не будет очень возражать против такого родственника?

– Едва ли, мой мальчик, – сказал мистер Пендлтон, и на его лицо легла прежняя мрачная тень. – Честно говоря, меня волнует совсем другое. Если у тебя теперь появились родственники, куда деваться мне?

– Да что вы! Об этом нечего беспокоиться, – усмехнулся Джимми. – Вам не придётся меня делить. Кроме того, у неё ведь есть Джемми... Ах, боже мой! – снова спохватился он, с ужасом глядя на мистера Пендлтона. – Я совсем забыл про Джемми! Что теперь будет с ним?

– Я тоже подумал об этом. Как бы там ни было, она ведь официально его усыновила, не так ли?

– Да, конечно. Но дело не в этом. А в том, что теперь выяснится, что он – не настоящий Джемми! Бедняга! Да ещё и калека! Это просто убьёт его, сэр! Я слышал, что он говорил об этом. Боже мой! К тому же Поллианна и миссис Кэрю рассказывали мне, как искренне он верит, что он настоящий Джемми, как он счастлив... А теперь я сделаюсь причиной его несчастий, – спохватился Джимми. – Нет, ни за что!.. Но что я могу поделать?

– Ума не приложу, мой мальчик, – вздохнул мистер Пендлтон.

Наступило долгое молчание. Джимми снова принялся бегать туда-сюда по комнате. Вдруг он остановился и, просияв, воскликнул:

– Придумал! Выход есть! Надеюсь, миссис Кэрю со мной согласится. Мы просто ему ни о чём не расскажем. Пусть это будет нашей общей тайной! Об этом будут знать только вы, миссис Кэрю, Поллианна и её тётушка.

Уверен, они должны меня понять, – взволнованно добавил он.

– Я тоже в этом не сомневаюсь, мой мальчик, – помолчав, согласился мистер Пендлтон. – А других это совершенно не касается!.. Но, с другой стороны, – продолжал он, – ты должен всё хорошенько взвесить. Подумай, ведь это наложит на тебя определённые обязательства и потребует жертв...

– Подумать? Я уже подумал, сэр! О каких жертвах вы говорите, когда речь идёт о жизни Джемми! Я просто не могу допустить, чтобы Джемми так жестоко пострадал из-за меня... Вот и всё!

– Ты тут ни при чём, но, я думаю, ты всё же прав, – взволнованно поддержал его мистер Пендлтон. – Полагаю, и миссис Кэрю с тобой согласится. Главным для неё будет то, что настоящий Джемми в конце концов нашёлся.

– Не зря ей всё время казалось, что она уже меня где-то видела, – усмехнулся Джимми. – Как насчёт поезда? Мы едем? Я готов, сэр!

– А я нет. У меня остались кое-какие дела. К счастью, – рассмеялся мистер Пендлтон, – до поезда ещё несколько часов...

С этими словами он поднялся с кресла и вышел из комнаты.

Глава XXXII

Новый Аладдин

Дела, которые перед отъездом в спешке доделывал Пендлтон-старший, касались самых обычных вещей. Их мистер Пендлтон и не думал скрывать. Но кое-что он всё же предпочёл сделать, не ставя в известность приёмного сына. А именно, торопливо написал две записки: одну Поллианне, а другую миссис Чилтон. Запечатав, он вручил их домоправительнице Сюзан и распорядился отнести оба письма по указанному адресу сразу после их отъезда. О чём, как уже было сказано, мистер Пендлтон предпочёл оставить Джимми в неведении.

Когда подъезжали к Бостону, мистер Пендлтон обратился к Джимми с просьбой:

– Мой мальчик, пожалуйста, сделай мне одно одолжение. Вернее, два. Во-первых, давай повременим с разговором у миссис Кэрю до завтрашнего дня, а во-вторых, позволь мне выступить в этом деле, так сказать, послем: сначала я подготовлю почву и поговорю с ней наедине, а уж потом появишься ты – скажем, часа в четыре дня? Ты не против?

– Нисколько, сэр, – не раздумывая, согласился Джимми. – С удовольствием. Я как раз размышлял, как мне преподнести ей подобный сюрприз. Ведь это довольно щекотливое дело. Я рад, что мне не придётся делать это самому.

– Вот и славно! Тогда завтра с утра я позвоню твоей... новой тётушке и договорюсь о встрече.

Как и условились, Джимми не появлялся у миссис Кэрю до четырёх часов. Впрочем, даже в условленное время на него напала такая робость, что, прежде чем позвонить в дверь, он дважды обошёл особняк, чтобы набраться храбрости.

Но, оказавшись в гостиной миссис Кэрю, молодой человек быстро успокоился: у миссис Кэрю он всегда чувствовал себя как дома.

Как ни удивительно, миссис Кэрю встретила новости без бурных эмоций. Сначала, правда, немного всплакнула. Мистер Пендлтон достал специально заготовленный для такого случая носовой платок – чтобы промакнуть счастливые слёзы умиления. Когда же дама окончательно успокоилась, разговор возобновился обычным порядком. Только такой внимательный наблюдатель, как мистер Пендлтон, мог заметить в её глазах приливы нежности, когда она переводила взгляд на Джимми, и энтузиазм сияющего от счастья самого молодого человека.

– Твой план относительно Джемми просто великолепен, Джимми! – воскликнула миссис Кэрю. – Ведь я могу теперь называть тебя так, мой мальчик? Ты совершенно прав! Я рада, что ты решился на такой благородный поступок. Мне и самой придётся пойти на кое-какие жертвы... – заметила она со слезами умиления на глазах. – Вот только ужасно жаль, что я не смогу представить тебя всему нашему обществу в качестве моего племянника!

– А уж как мне жаль, тётушка Рут... – начал было Джимми, но застыл, словно поражённый громом.

В дверях гостиной стояли Джемми и Сэйди Дин. Джемми был бледен как простыня.

– Тётушка Рут?! – вскричал юноша, окидывая недоумевающим взглядом присутствующих. – Уж не хотите ли вы сказать, что...

Бедная миссис Кэрю и сама побледнела как смерть. Как, впрочем, и Джимми. Только мистер Пендлтон сохранял бодрость духа и как ни в чём не бывало промолвил:

– Да, Джемми. А почему бы, собственно, и нет? Что ж, скажу то, что уже давно собирался сказать... – Джимми умоляюще взглянул на отчима, но тот успокаивающе похлопал его по плечу. – Несколько минут назад миссис Кэрю сделала меня самым счастливым человеком в мире, согласившись на моё предложение руки и сердца. Поэтому не вижу ничего странного в том, что теперь Джимми может называть миссис Кэрю тётушкой, ведь называет же он меня дядей!

– Какая новость! Поздравляю! – обрадовался Джемми, облегчённо

вздохнув.

Мистер Пендлтон незаметно подмигнул Джимми, чтобы тот держал себя в руках и не показывал своего удивления. К счастью, всё внимание присутствующих мгновенно сосредоточилось на покрасневшей от радости миссис Кэрю, и опасность разоблачения миновала.

Немного погодя мистер Пендлтон наклонился к Джимми и незаметно шепнул ему на ухо:

– Вот видишь, проказник, я придумал, как сделать так, чтобы и мне не лишиться родственника! Теперь, выходит, ты наш общий с миссис Кэрю племянник!

Когда поздравления и восторженные восклицания были в самом разгаре, неожиданно для всех Джемми громко обратился к зардевшейся, словно маковый цвет, Сэйди Дин:

– Сэйди, милая! Я хочу, чтобы теперь все узнали и про нас с тобой!

И с торжествующим видом стал рассказывать трогательную историю их любви и помолвки. Снова посыпались восторженные восклицания и поздравления.

Джимми ревниво следил за происходящим, потом не выдержал и обиженно воскликнул:

– Что же это получается, вы тут все парами, только я один! Нет, так не годится! Раз уж на то пошло, то и у меня есть невеста, одна молодая особа, которую, впрочем, вы все хорошо знаете... И я хочу...

– Одну секунду, Джимми, мой мальчик, – прервал его Пендлтон-старший. – Позволь мне сыграть роль нового Аладдина, обладателя чудесной волшебной лампы... Миссис Кэрю, если вы не возражаете, я позову Мэри...

– Конечно, как вам угодно, – промолвила удивлённая миссис Кэрю, а остальные с интересом посмотрели на мистера Пендлттона.

Через минуту явилась горничная.

– Скажите, Мэри, не мисс ли Поллианна пожаловала к нам в гости? – поинтересовался у неё Пендлтон-старший.

– Так точно, сэр. Она здесь.

– Соблаговолите пригласить её к нам.

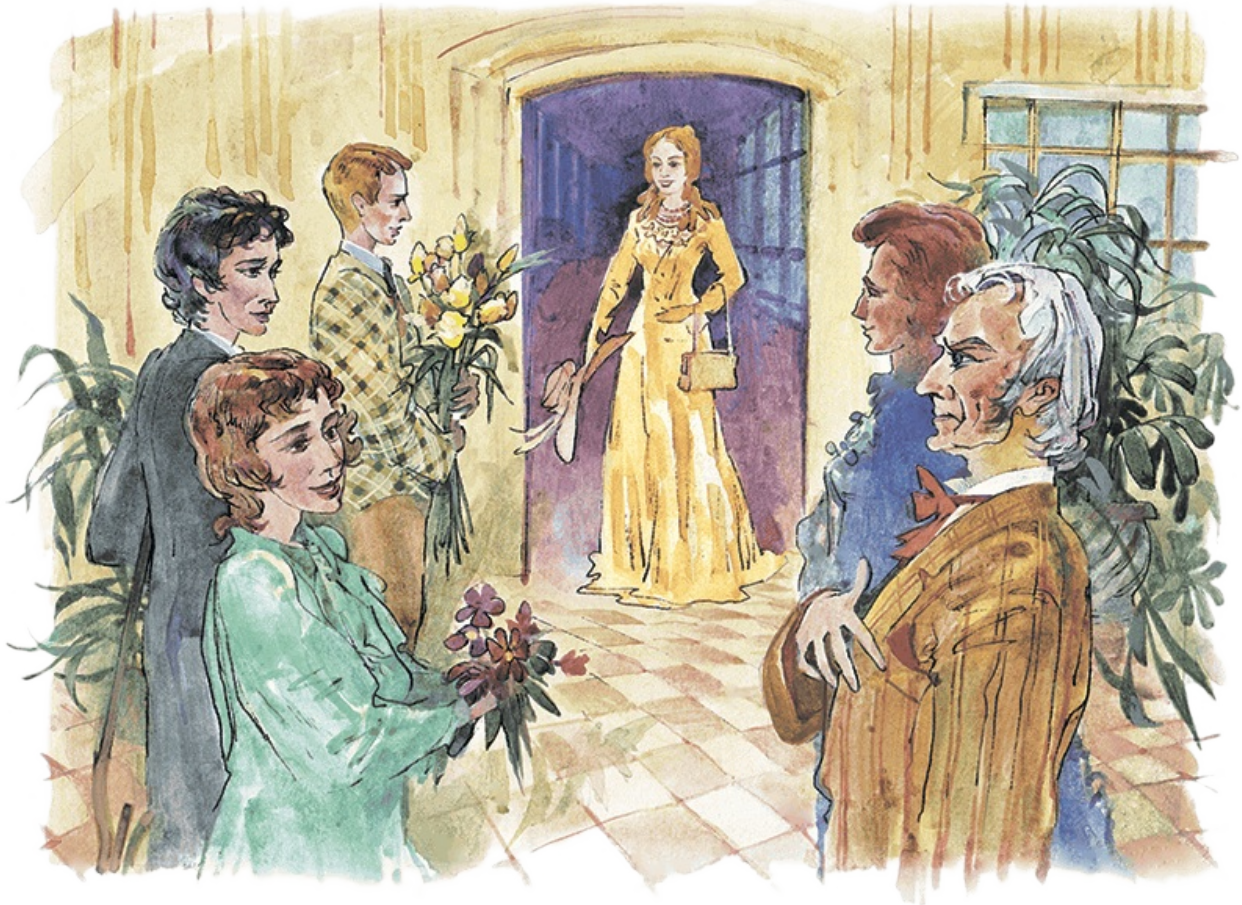
Мэри удалилась.

– Поллианна приехала! – обрадовались все.

Джимми побледнел, потом покраснел.

– Да, мой мальчик, – с улыбкой признался мистер Пендлтон, – вчера перед отъездом я послал ей записку... Прошу прощения, миссис Кэрю, – продолжал он, переводя взгляд на удивлённую даму, – я взял на себя

смелость пригласить от вашего лица Поллианну, чтобы она погостила здесь несколько дней... Мне показалось, что малышке не помешает устроить себе выходные. Я распорядился, чтобы в её отсутствие за миссис Чилтон присматривала моя домоправительница. Само собой, я известил обо всём и миссис Чилтон... – Он снова повернулся к Джимми: – Я написал ей письмо, не сомневаясь, что, прочтя его, она разрешит Поллианне приехать... Что и требовалось доказать. Поллианна здесь!..

Все разом обернулись к двери. На пороге стояла Поллианна. Девушка была немного растеряна, но её глаза сияли, как звёзды.

– Поллианна, любовь моя! – воскликнул Джимми, бросаясь ей навстречу, и после мимолетного колебания заключил девушку в объятия и поцеловал.

– Ах, Джимми! Как тебе не стыдно! – смущённо прошептала та.

– Ничуть не стыдно! – торжествующе провозгласил молодой человек. – Я готов поцеловать тебя даже на площади перед Белым домом!.. Что же касается присутствующих, посмотри: здесь только свои!

Поллианна не стала спорить, потому что Джимми был абсолютно прав. Около окна, взявшись за руки, стояли Джемми и Сэйди Дин, а рядом другая счастливая парочка – миссис Кэрю и мистер Пендлтон.

Девушка не могла сдержать очаровательной улыбки. А Джимми, в свою очередь, не смог сдержаться, чтобы ещё раз не поцеловать возлюбленную.

– Ах, Джимми, разве это не чудесно! – едва слышно промолвила Поллианна. – Я так рада, что тётушка Полли всё знает. Теперь-то всё будет хорошо! По-другому и быть не могло! Сначала она переживала за меня, а потом обрадовалась. Ах, как я рада, Джимми!.. А ведь и правда, Джимми, – воскликнула она, – я теперь самая, самая, самая счастливая в мире! Всё так хорошо, что лучше быть не может!

Джимми почувствовал себя на седьмом небе от счастья и торжественно сказал:

– Дай Бог, малышка, чтобы мы никогда не разлучались!

И обнял её крепко-крепко.

– Конечно! Так и будет! – кивнула сияющая от радости Поллианна.

КОНЕЦ

